

**НОВЫЙ
ИСТОРИЧЕСКИЙ
ВЪСТНИКЪ**

THE NEW HISTORICAL BULLETIN

№ 2(64)

2020

Москва 2020

**РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ**

ИСТОРИКО-АРХИВНЫЙ ИНСТИТУТ

Журнал основан в 2000 г.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
С.В. Карпенко

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА
П.Н. Лебедев

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
**А.Б. Безбородов, О.Г. Буховец, В. Goldman, Н.Т. Ерегина,
В.П. Зиновьев, В.Г. Корнелюк, Н.Г. Кулинич, О.В. Павленко,
А.М. Пашков, А.А. Симонов, В.Л. Успенский,
Д. Фильцер, Л. Чех, П.П. Шкаренков**

Переводчики **О.Н. Судакова, К.Дж. Сторэлла**
Обложка **А. Надточенко**

Выходит 4 раза в год

Адрес редакции:
121433, Москва, Б. Филевская, 69-2-67
Эл. почта: nivestnik@yandex.ru
Сайт: www.nivestnik.ru

Подписной индекс по каталогу «Урал-Пресс»: ВН002537

© Новый исторический вѣстникъ, 2020
© Редакция «Нового исторического вестника»
ООО «Смелый дизайн», 2020
© Издательство Ипполитова, 2020

**RUSSIAN STATE UNIVERSITY
FOR THE HUMANITIES**

INSTITUTE FOR HISTORY AND ARCHIVES

Founded in 2000

EDITOR-IN-CHIEF
Sergey V. Karpenko

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF
Pavel N. Lebedev

EDITORIAL BOARD
**A. Bezborodov, O. Bukhovets, L. Čech, N. Eregina, D. Filtzer,
W. Goldman, V. Karnialiuk, N. Kulinich, A. Pashkov, O. Pavlenko,
P. Shkarenkov, A. Simonov, V. Uspensky, V. Zinoviev**

Translators **O. Sudakova, C.J. Storella**
Cover Designer **A. Nadtochenko**

Quarterly journal

Address:
69-2-67, Bolshaya Filevskaya St., Moscow, Russia, 121433

«Ural-Press» Catalogue Subscription Index: ВН002537

© Novyy Istoricheskiy Vestnik, 2020
© Novyy Istoricheskiy Vestnik Editorial Staff LLC
“Smelyi Dizayn”, 2020
© Ippolitov Publishing House, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Российская государственность

- Ряжев А.С.* Великая княгиня Екатерина Алексеевна и католики-миссионеры на юге России: Будущая императрица в поисках путей к власти (вторая половина 1750-х годов).....6
- Бутырин Д.А.* Агенты и провокаторы Охранного отделения Владивостокской крепости (1907 – 1908 годы).....23
- Архипова Т.Г.* Власть и война: Организация и деятельность государственного аппарата СССР в годы Великой Отечественной войны.....58

Россия и мир

- Комаров А.Н.* Канадско-российские отношения: основные этапы развития (XX – начало XXI веков).....70

Европа в прошлом

- Павленко О.В.* Историография Габсбургской монархии в российской интеллектуальной традиции XIX – начала XX веков.....80

Память культуры

- Володина Т.А.* Иван Петрович Сахаров: Тульский «посадский человек» в российской науке.....110
- Колосовская Т.А., Ткаченко Д.С.* Имперская политика памяти на Кавказе: Механизмы конструирования массового исторического сознания (XIX – начало XX веков)131

CONTENTS

Russian Statehood

- Ryazhev A.S.* Grand Duchess Catherine and the Catholic Missionaries in Southern Russia: The Future Empress in Search of Paths to Power (The Second Half of the 1750s).....6
- Butyrin D.A.* Agents and Provocateurs of the Vladivostok Fortress Security Department (1907 – 1908).....23
- Arkhipova T.G.* Power and War: The Organization and Activities of the USSR State Apparatus during the Great Patriotic War.....58

Russia and the World

- Komarov A.N.* Canadian-Russian Relations: Main Stages of Development (20th – Early 21st Centuries).....70

Europe in the Past

- Pavlenko O.V.* The Historiography of the Habsburg Monarchy in the Russian Intellectual Tradition of the Nineteenth and Early Twentieth Centuries.....80

Cultural Memory

- Volodina T.A.* Ivan Sakharov: Tula's "Posad Man" of Russian Science.....110
- Kolosovskaya T.A., Tkachenko D.S.* The Imperial Politics of Memory in the Caucasus: Mechanisms for Constructing Mass Historical Consciousness (19th – Early 20th Centuries)131

РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ

Russian Statehood

А.С. Рязhev

ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ ЕКАТЕРИНА АЛЕКСЕЕВНА И КАТОЛИКИ-МИССИОНЕРЫ НА ЮГЕ РОССИИ: БУДУЩАЯ ИМПЕРАТРИЦА В ПОИСКАХ ПУТЕЙ К ВЛАСТИ (вторая половина 1750-х годов)**

A.S. Ryzhev

Grand Duchess Catherine and the Catholic Missionaries in Southern Russia: The Future Empress in Search of Paths to Power (The Second Half of the 1750s)

Вероисповедная политика Екатерины II – актуальная тема российской истории раннего Нового времени. Одним из ее важнейших аспектов является католический вопрос. В екатерининскую эпоху он, прежде всего, подразумевал сохранение и развитие привилегий католического отряда российского дворянства, влившегося в господствовавшее сословие в период Северной войны и численно возросшего в результате польских разделов.

В предмет забот императрицы входили также контроль над Орденом иезуитов, формирование правового статуса католичества и униатства и системы управления обоими исповеданиями под российской властью в целом, включая Грузию. Наконец, сюда относились отношения России с папством и католическими странами на фоне европейских кризисов 1760–1790-х гг.: «диссидентского вопроса» – вопроса о правах протестантской и православной шляхты в Речи Посполитой, австро-прусской борьбы за германскую гегемонию, Великой Французской революции.

Многообразие католической проблематики, внутренней и внешней, обусловило постоянные контакты монархини со столичной и придворной католической средой. В этой связи интерес вызывают коренные причины и время возникновения подобных контактов. Их необходимо установить, что и является задачей предлагаемой ста-

тьи.

На рубеже XX и XXI вв. отечественные и зарубежные специалисты, опираясь на труды предшественников и новые источники, немало сделали для изучения правового и общественного статуса католической церкви в России, истории тех или иных церковных институций, (приходов, нунциатуры), уровня терпимости к католицизму и, соответственно, позиций католиков в российском обществе в XVIII – начале XIX вв.¹ Применительно же к екатерининским годам связи императрицы с католическим окружением, как и собственно наличие такого окружения до кануна польских разделов, то есть до 1770-х гг., не затрагивались.

Источниками, послужившими для решения поставленной в статье задачи, стали документы Синода, Коллегии иностранных дел, Юстиц-коллегии Лифляндских, Эстляндских и Финляндских дел, собранные в делопроизводстве дипломатического ведомства. Дополнением служит его переписка как с российскими центральными и местными учреждениями, так и с католическими институциями в Риме. Материалы, отложившиеся в копиях и оригиналах, датированы второй половиной 1750-х гг.² Они характеризуют предмет и причины общения Екатерины II в бытность супругой наследника престола с католической средой, фиксируют соответствующие оценки со стороны католических институций в России и за рубежом, и в этом свете значение сохранившихся бумаг, особенно иноземного происхождения, трудно переоценить.

Вопрос о взаимоотношениях великой княгини Екатерины с католиками подразумевает изучение условий, в которых они намечались и формировались. Затем необходимо проследить их возникновение и развитие. И, наконец, следует вскрыть причины, по которым такие отношения оказывались возможными и, более того, стабильными.

* * *

Начнем с условий.

Налаживание общения будущей императрицы с католиками происходило в обстановке затяжных конфликтов, в которые к середине 1750-х гг. оказались вовлеченными некоторые из наиболее крупных общин католиков в России.

Прежде всего, возникло серьезное противостояние между католиками и армяно-григорианами в Астрахани. Его открытая фаза охватила 1755–1761 гг., хотя все началось гораздо раньше. Астраханскую католическую общину капуцины-миссионеры создали во время Северной войны: они действовали на российской территории, но опирались на поддержку с братьев по ордену в Персии, издавна занимавших там прочное положение³. Католический приход состоял в основном из армян, оставивших прежнее исповедание. Отсюда соседство двух армянских сообществ объективно несло в себе не-

* Исследование проведено при поддержке государственной субсидии; проект «Комплексное исследование процессов общественно-политического и культурного развития народов юга России» (№ АААА-А19-119011490038-5).

готивный потенциал: нахождение в одной и той же экономической нише обрекало их на острейшую социальную конкуренцию. К тому же армяно-григориане категорически не принимали соплеменников-ренегатов, ни здешних, ни переселившихся в Астрахань из Персии, и религиозная рознь только подливала масла в огонь. Подспудные и локальные трения, борьба за влияние на верующих начались уже в 1720-е гг. с тем, чтобы спустя десятилетия стать достоянием гласности в высших сферах.

Первый шаг к этому сделали астраханские капуцины-миссионеры Ф. Сотер и Ф.-М. Агроно. Они составили две обширные жалобы, в которых дали свою трактовку недавних событий 1755 г. В изложении патеров дело развивалось следующим образом. Их прихожанку-католичку «против воли пастырской в жену себе взял... армянский поп» и понуждал к «своему закону». Астраханский губернатор, разбиравший казус, приказал каждому из супругов посещать и детей своего пола крестить в «своей» церкви, но «оного армянский архиерей чинить не хотел». Аналогичным увещаниям астраханского греко-российского епископа, на суд коего патеры также приглашали оппонента, тот равно не внял, после чего капуцины решили искать помощи наверху, в столице⁴.

В апреле того же года, как можно судить по указу Синода в Коллегию иностранных дел от 30 марта 1756 г., со встречной жалобой в Астраханскую греко-российскую консисторию вошел и пресловутый «армянский архиерей» – астраханский епископ Стефан. Он утверждал, что именно капуцины покушаются на его паству как в городе и других местах России, так и за ее пределами. Миссионерами, добавлял преосвященный, совращено уже десять человек, более того, зафиксирован и случай насильственного крещения в католичество⁵.

Консистория переправила жалобу в Астраханскую губернскую канцелярию, не желая входить в распри иноверцев⁶.

Однако спустя некоторое время духовные власти Астрахани получили новую жалобу армяно-григорианского иерарха на капуцинов, помеченную 21 сентября 1755 г. Отступая перед подобной настойчивостью, консистория адресовала вопрос Синоду, куда в декабре 1755 г. вызвали и самого Стефана⁷.

Параллельно с возникновением обозначенных трений завязался и другой конфликт, а именно на севере, в Санкт-Петербурге.

Жертвой обстоятельств вновь стала католическая община, хотя здесь ее, в отличие от Астрахани, постигло не внешнее, а внутреннее неустройство. Виновником явился католический суперитор (старший миссионер) Ф.А. Торино, жаждавший единолично распоряжаться средствами столичного прихода. Охваченный стремлением наложить руку на приходские деньги, суперитор игнорировал обращения в католические инстанции со стороны прихожан, в силу чего тем пришлось вспомнить и о верховных российских прерога-

тивах. Апелляции мирян-католиков подробно изложены в протоколе Юстиц-коллегии Лифляндских, Эстляндских и Финляндских дел от 2 апреля 1756 г., занимавшей их рассмотрением. Коллегия, как понятно из документа, на протяжении 1755 г. советовала суперитору принять во внимание позицию паствы и дать ей отчет в расходах, но Торино рекомендаций с российской стороны также не принял.

В течение следующего года, 1756-го, споры разгорелись еще более и, поскольку эти споры затрагивали интересы преимущественно иностранных подданных, то они оказались предметом ведения Коллегии иностранных дел. Дипломатическое ведомство почерпнуло первые сведения об астраханских неустройствах из донесения Астраханской губернской канцелярии от 13 февраля 1756 г. Там же говорилось о том, что и армяне, и капуцины намерены добиваться решения в столице. Коллегия санкционировала проезд капуцинов, однако те предварительно передали прошения от 4 и 11 марта 1756 г. в Синод, поскольку там уже находились армянские жалобы, после чего только и «объявили себя у чужестранных дел» – прибыли в коллежское присутствие⁸.

В одной из указанных челобитных, адресованной на имя императрицы Елизаветы Петровны, патеры просили о полной свободе рук в отношении неправославных «чужестранцев» на территории России: «а когда мы из армянского, персидского, турецкого, арапского и протчих законов будущих по случаям в Астрахани не подданных Вашему Императорскому Величеству в свой римский закон по их добровольному желанию окрестим, о том оному архиерею в судебных местах извещать на нас запретить»⁹.

Синодский указ в Коллегию иностранных дел от 30 марта 1756 г. отразил отказ духовного ведомства от вмешательства «в таковые споры между иноверными»: здесь содержались рекомендации светским учреждениям внушить конфликтующим сторонам «соблюдать» лишь собственную паству, не захватывая чужой. Вместе с тем Синод дал Иностранной коллегии поручение «вывесть по случаю», действительно ли капуцины крестили «в свой закон» русских подданных, как о том доносил армяно-григорианский епископ Стефан¹⁰.

На этот указ капуцины отреагировали немедленно, подав в коллегию новое прошение на высочайшее имя. В нем утверждалось, что миссионеры не нарушали российских законов, а посему не приемлют постановления, признающего их неправыми наряду с ответчиками: «ежели б толко армянам одним сказано было [что чужую паству] превращать [в свою веру] отнюдь не должно, то сие для них наказанием казалось бы», тогда как теперь оппоненты фактически избавлены от порицания¹¹.

Дабы обратить ситуацию себе на пользу, капуцины пошли на серьезный шаг. Они выдвинули против оппонентов обвинение в диверсии против православия, указывая, что у астраханских армяно-григориан в ходу книги, «в которых, хотя несколько, против

Ея Императорского Величества или против веры здешней империи упоминается» и изъявляя готовность одну из книг «с некоторым малым изъяснением представить»¹².

Дело, начавшееся как местная соседская ссора, все более становилось предметом внимания в столице, приобретая к тому же политический оборот.

Весной–летом 1756 г. градус напряжения возрастал и среди католиков северной столицы, где миряне выдвинули клирика в противовес супериору. Тот, однако, смог найти общий язык с частью прихода, перетянув ее на свою сторону. Ситуация охарактеризована в промемории Конгрегации Пропаганды Веры (*Sacra Congregatio de Propaganda Fide*), составленной для «Его Преизящества кардинала Александра Албани». Александр (Алессандро) Албани был одним из префектов конгрегации и принадлежал на тот период к ее первым лицам. Именно он и переслал бумагу российскому канцлеру А.П. Бестужеву-Рюмину. Перевод промемории, сохранившийся в Коллегии иностранных дел, не содержит даты, но, судя по изложению событий, текст был написан не ранее 17 июня 1756 г. В нем сказано о «произшедших... у патера Карла Лудовика из Ниццы с патером Фрацеском Антониом Торинцом спорах» и о том, что «от них разделилось тамошнее католическое общество...»¹³.

Юстиц-коллегия Лифляндских, Эстляндских и Финляндских дел, изучавшая обстановку в общине, признала восстановление порядка невозможным, если инициаторы ссоры останутся на своих местах, и 2 апреля 1756 г. постановила в шесть недель выслать обоих клириков из России¹⁴.

Католические власти также полагали, что патерам, устроившим публичное противостояние, должно оставить проповедничество в Санкт-Петербурге и явиться для разбирательства напрямик в Рим¹⁵. В мае 1756 г. Конгрегация Пропаганды Веры представила соответствующие предписания, попросив вице-канцлера М.И. Воронцова выдать их на руки обоим. Супериор действительно ознакомился с приказом об отзыве, известив конгрегацию, что ждет лишь прибытия супериора-преемника, «патера Доминика из Горы Маренца», чтобы передать ему ключи и архив¹⁶.

После приезда преемника Торино, тем не менее, остался в Санкт-Петербурге, пренебрегая и следующим приказом Конгрегации Пропаганды Веры, который на этот раз взялся передать имперский посол граф Н. Эстергази (*Miklós/Nicolas Esterházy*). Новоиспеченный супериор просил в данной связи российского вице-канцлера «от себя приказать... оному патеру» получить очередное письмо об отзыве и покинуть Россию¹⁷.

Конфликты, таким образом, разгорались, и усилия Коллегии иностранных дел по их урегулированию оказывались тщетными. 7 августа 1756 г. коллегия выдала Астраханской губернской канцелярии указ о запрете иноверцам приводить в свою веру кого бы то

ни было, пусть и «не подданных российских», стремясь тем самым даже и после доноса капуцинов по поводу запретных книг армян охладить страсти¹⁸. Но обращение епископа Стефана от 12 августа 1756 г. на имя Елизаветы Петровны, напротив, их весьма подогрело: армянский архиерей доложил о совращении капуцинами православных – «женки русской» и крещеного татарина¹⁹.

Подобные обвинения прозвучали весьма серьезно, поскольку ущемляли престиж и затрагивали установленные прерогативы Русской православной церкви. Посему было решено потребовать в ответ на претензии Стефана письменных показаний²⁰.

Астраханским капуцинам, пребывавшим в Санкт-Петербурге и вновь вызванным в Коллегию иностранных дел, объявили, что ныне речь пойдет отнюдь не об их споре с армянами: «сие в превращении и крещении в свою веру российской природы подданных, яко государственное дело, от их партикулярной споры отличность имеет, то и надлежит по такому доносу без отлагательства с них ответ взять...»²¹.

Осознав внезапный оборот, один из монахов, Ф. Сотер немедленно заявил о желании выехать из России в Турцию, причем через Кизляр и далее через «Тефлис». Уклончивость патера представилась весьма подозрительной сама по себе. Согласие на выезд, впрочем, последовало, но бесконтрольным путешествиям «миссионера» по стране положили конец. Его отправили немедленно «прямым путем», издавна налаженным в России для всех, кто ехал в Турцию из Санкт-Петербурга посуху – через Москву в Киев и оттуда за границу, полагая к тому же «иметь за ним присмотр», пока монах будет находиться на российской территории²².

Вскоре появился повод для высылки и второго подозреваемого – патера Ф.М. Агроно. Вместо объяснений, которых требовала Коллегия иностранных дел, он направил личное послание вице-канцлеру М.И. Воронову, в котором просил помощи против «диоскуровой ереси» в Астрахани²³. Александрийский патриарх Диоскор, живший в V в., известен как влиятельный адепт еретических учений, выросших из монофизитства, исповедуемого Армянской апостольской церковью. Давая такое название оппонентам, патер подчеркивал несходство армяно-григорианства с доктринами католичества и православия и тем стремился придать еще больший вес ранее высказанным политическим обвинениям.

Кроме того, оба миссионера составили и дополнительное обращение к вице-канцлеру. В документе они напоминали о том, что миссию патронирует австрийская дипломатия, и намекали на возможные осложнения между обеими державами в случае невыгоды результатов астраханского конфликта для миссионеров²⁴.

Здесь патеры расставляли акценты со знанием дела. В доношении Коллегии иностранных дел от 1 сентября 1757 г. в Синод говорилось о том же самом: давление на миссионеров может затруднить

союзнические отношения России с австрийскими Габсбургами, поэтому предпочтительно выслать обвиняемых за рубеж, следствие же о незаконных переводах в католичество спустить на тормозах. По форме же обе апелляции патеров к материям высокой политики представляли собой неслыханную дерзость, в сущности, шантаж, чего российские власти оставить без внимания не могли. В итоге выдворение миссионеров оказалось предопределено: в октябре «пATER Франциск Мария» получил вызов в Коллегию иностранных дел и уведомление о предстоящей высылке из России с запретом въезжать вновь. То же постановили и насчет Ф. Сотера, ранее уже покинувшего страну²⁵.

Что касается распри в Астрахани, то обеим сторонам по известным соображениям предписали отказаться от взаимных обвинений. Указ Коллегии иностранных дел Астраханскому губернатору А.С. Жилину от 28 февраля 1758 г. гласил: «желательно было б, чтоб такие ссоры... [были] вовсе пресечены, и им спокойное и безмятежное пребывание доставлено было...»²⁶.

Конфликт, впрочем, продолжался, и вызвал, как ни старалась этого избежать российская дипломатия, протесты «цесарского посла», из-за чего возникла необходимость готовить ответную убедительную ноту с объяснениями (она датирована 1-м апреля 1759 г.).²⁷

Оставалась далекой от разрешения и ситуация в Санкт-Петербурге. Супериор «пATER Доминик» в письме от 21 июля 1758 г. информировал канцлера М.И. Воронцова (он сменил на посту А.П. Бестужева-Рюмина, угодившего в опалу и лишенного чинов): капуцин Ф.М. Торино по-прежнему живет в столице «с надеждой остаться здесь» и имеет сторонников среди прихожан²⁸.

Отношения Екатерины с католической средой, сложившиеся в столь неоднозначных условиях, зафиксированы в цитированной ранее промемории Конгрегации Пропagанды Веры. Автор документа, задавшись вопросом о причинах длительного сохранения не порядков в общине северной столицы, в поисках ответа констатировал: «...Бывший при российском дворе послом от двора польского господина Понятовский уведомил кардинала Архинта о старательствах великого князя и великой княгини, чтобы учинена была какая-либо честь тому священнику с прибавлением такового слова: что ежели их рекомендации возимеют к себе те уважения, коих они ожидали, то церковь католическая, там [В России.—А.Р.] находящаяся, имела бы надежду на их протекцию...»²⁹. Именно в расчете на покровительство Торино «весма удалялся от пользования себя таковыми ласковыми ему внушениями» католических начальников на предмет отъезда в Рим и «продолжал пробывтие свое в Петербурге, да может стать, что и для прибрatия еще между тех к себе партии: что ясно оказывается ис поданного господину вице-канцлеру в последние от некоторых италянцов и французов и сообщенного Преизящнейшему господину кардиналу Албани писма» ...»³⁰.

Приводимый документ недвусмысленно давал понять: разжалованный католический супериор в России находился со времени отставки под покровительством великокняжеской супружеской четы, что и позволило ему оставаться в Санкт-Петербурге и вести борьбу за влияние на прихожан-католиков. Налицо, таким образом, весьма ценное свидетельство источника, обозначающее к тому же временной отрезок, в течение которого к Екатерине протянулась ниточка от католиков.

Это первое четкое показание источников об альянсе великой княгини Екатерины Алексеевны с католиками, сопряженном к тому же с гарантиями для всего исповедания с ее стороны. Добавим, что это единственное упоминание об участии Екатерины в делах католической общины совместно с супругом – наследником престола великим князем Петром Федоровичем. В прочих эпизодах, касавшихся столичных католических перипетий, упоминается только великая княгиня.

Не случайна и активная роль саксонско-польского посла С. Понятовского (Stanisław August Poniatowski), отмеченная Конгрегацией Пропagанды Веры. В системе дипломатических связей, оказывавших поддержку католикам, в частности, католическим миссионерам в России, он занимал далеко не рядовое место. Сведения о дальнейших событиях это в полной мере подтверждают.

29 мая 1758 г. на пограничном форпосте близ г. Васильков под Киевом при попытке пересечь границу Российской империи задержали капуцин Ф. Сотера, годом ранее попавшего под подозрение в нарушении правил миссионерской работы и тогда же спешно покинувшего страну. На руках он имел паспорта от австро-венгерских властей и русского посла в Вене. ПATER оставался нежелательной персоной в России, через границу его не пропустили, более того – как человека подозрительного его подвергли обыску и конфисковали имевшиеся при нем письма. В сохранившемся реестре бумаг Ф. Сотера отмечены, в частности, восемь рекомендательных писем, и круг адресатов писем примечателен: канцлер М.И. Воронцов, сенатор П.И. Шувалов, комендант г. Глухов генерал-майор И. де ла Тур, послы в России – маркиз де Лопиталь (Paul-François Galluci, marquis de L'Нopital), представитель Франции, и уже известный С. Понятовский. Рекомендательными письмами к С. Понятовскому монах запасся наиболее основательно: их насчитывалось четыре³¹. Присутствие в списке коменданта – начальника гарнизона – в городе, где находилась одна из двух резиденций украинского гетмана, также не случайность: из дальнейшего изложения понятно, что генерал был надежным радетелем миссионеров, предоставлявшим паспорта для проезда в южные области России.

Кроме того, Ф. Сотер вез и частные письма от разных лиц. Перечень их адресатов небезынтересен, поскольку обозначает и круг знакомств миссионера, и социальную среду, вращаясь в которой,

он мог обрести помощь в России: камергер римско-императорского двора и компаньон посла Эстергази граф Кеглович (в другом упоминании Кеглевич), «графиня Кетлерова», два капуцина-миссионера, осевшие на российском юге – Сатурнин в г. Нежин и Ромуальд в Астрахани. Фигурировало и письмо некой Василисе Ершевой «в дом П.И. Шувалова», начинавшееся обращением «любезная сестрица», и «письмо армянское»³².

В попытках проникнуть в Россию патер проявил настойчивость, и неудача на русской границе его не обескуражила: из-под Киева он двинулся через Польшу в Данциг, сел в тамошнем порту на корабль и прибыл в Санкт-Петербург. Здесь он настойчиво искал контактов с М.И. Воронцовым и С. Понятовским, прося содействия у посла Эстергази, но не преуспел: «цесарский» представитель, хотя и протезировал миссионерам, не хотел помогать человеку без рекомендаций, к тому же незаконно находившемуся в стране пребывания³³.

Желание миссионера опереться на поддержку С. Понятовского и получить содействие со стороны великой княгини, подобное тому, которое она оказывала патеру Ф.А. Торино, таким образом, налицо. Информантом Ф. Сотера выступил кардинал Архинт – партнер С. Понятовского, фигурировавший в источниках в связи с казусом скандального петербургского супериора: именно упомянутый прелат и выдал одну из тех рекомендаций, которые Ф. Сотер вез польскому послу и которых лишился на форпосте под Киевом³⁴.

Отчаянные попытки Ф. Сотера попасть в Россию вполне объяснимы. Пребывание на русском юге состояло в числе приоритетов капуцинов, строивших планы расширения присутствия в Закавказье, поэтому орден хотел вновь задействовать опытного миссионера, к тому же отлично знакомого с местными условиями. Собственно же миссионерство Ордена капуцинов значилось в арсенале средств австрийской дипломатии. В ее расчетах посол С. Понятовский оказывался не последней фигурой.

Паспорт в Россию Ф. Сотеру выдал Г.-К. Кайзерлинг, российский посол при австрийском дворе. Из документов Коллегии иностранных дел, посвященных астраханскому конфликту, известно об аналогичных случаях. Вот фрагмент из показаний миссионеров, в 1761 г. допрошенных в Астрахани. Три монаха прибыли в город «з данными им от находящегося в Москве римского католического монастыря префектов пропускными писмами, также от глуховского коменданта генерал-майора Ивана Делатура [Де ла Тура, фигурировавшего в письмах миссионера Ф. Сотера. – *А.Р.*], царицынского коменданта полковника Чистюнина и из Лифляндской генерал-губернаторской канцелярии пашпортами, проезд же их в Россию последовал по указу римского папы». Миссионеры добирались из Европы до Астрахани разными путями, но во всех описаниях их странствий есть два совпадения: остановка в Вене и паспорт от Г.-К. Кайзерлинга³⁵.

Иными словами, посол долгие годы исправно обеспечивал мис-

сионеров путевыми документами. Это отвечало планам венского двора, да и для посла служило занятием далеко не проходным: Г.-К. Кайзерлинг зарекомендовал себя при А.П. Бестужева-Рюмина не сторонником русско-австрийского союза и так называемой «австрийской партии» при русском дворе. Некогда он был домашним учителем и воспитателем С. Понятовского и сохранил на него влияние до конца своих дней.

В конце 1762 г. Г.-К. Кайзерлинга определили послом в Варшаву, где он способствовал избранию С. Понятовского королем Речи Посполитой, работая при польском дворе, в частности, в решении «диссидентского вопроса» – вопроса о политических правах православной и протестантской шляхты в равной степени на российские и австрийские интересы. Отсюда налицо проавстрийский тандем при русском дворе, упрочивавший по мере сил положение австрийских миссионеров в России. Доверительные же отношения, сложившиеся между С. Понятовским и великой княгиней Екатериной Алексеевной, делали того в изучаемые годы идеальным посредником между ней и католическими сферами, способным, в частности, ввести столь высокопоставленную особу – одно из центральных лиц российского «малого двора» – в круг проблем и интересов столичной католической общины.

Взаимосвязь казусов Ф.А. Торино и Ф. Сотера, была очевидной и для российской дипломатии, как было очевидным для нее и то, что она покоится на участии именно великой княгини в католических делах.

Екатерина Алексеевна тогда переживала не лучшие времена: после опалы А.П. Бестужева-Рюмина, ее теневого придворного наставника, она пребывала в центре негативного внимания императрицы Елизаветы Петровны, с большим подозрением относившейся к политической активности супруги наследника престола.

Поскольку Ф. Сотер за несколько месяцев пребывания в Санкт-Петербурге так и не вышел ни на С. Понятовского, ни на Екатерину, власти намеревались взять нежеланного гостя под стражу, вывезти в Кронштадт и принудительно посадить на первый же корабль, шедший в Европу. Известно, однако, что 1/11 сентября 1758 г. капуцин еще пребывал в столице: дата стоит под его благодарственным письмом М.И. Воронцову об окончании «нашего с армянами дела»³⁶.

В отношении же Ф.А. Торино канцлер М.И. Воронцов не решался предпринять какие бы то ни было действия. Продержав у себя два года письмо супериора патера Доминика, адресованное Ф.А. Торино и извещавшее того об отставке и отъезде в Рим, сановник надумал вернуть его адресанту. «NB: упоминаемое письмо к патеру Антонию Франциску Туринцу Его Сиятельство изволил у себя оставить с тем, чтоб обратно отдать патеру Доменику, супериору католической церкви», – гласит приписка на русском экземпляре письма Доминика, датированная тем же днем, что и последнее письмо Ф. Сотера на

имя М.И. Воронцова, то есть 11 сентября 1758 г.³⁷

Стойкость Екатерины Алексеевны в вопросе о Ф.А. Торино, ставшей главным препятствием для удаления супериора из России, раскрывают новые промемории Конгрегации Пропавшей Веры, поступившие своим порядком в Коллегию иностранных дел.

25 ноября 1758 г. кардинал А. Албани направил российскому канцлеру новую бумагу с резким осуждением Ф.А. Торино и просьбой содействовать прекращению раздоров в приходе Санкт-Петербурга³⁸. В другой промемории, приложенной к письму прелата от 12 декабря 1759 г. М.И. Воронцову, говорилось, что патер Ф.А. Торино давно заслужил порицания, «чего ради не преминула бы Священная Конгрегация употребить духовных наказаний... естли бы она не восхотела за лучшее возьиметь некое терпение ко уважению достопочтенных Ее Императорского Высочества Великой княгини благоповедении, нам известным из писем господина великого канцлера и патера Префекта учинившихся»³⁹.

Причины екатерининского упорства были, как представляется, весьма значимыми. Но Конгрегация Пропавшей Веры глубоко не «копала»: для нее все сводилось к амбициям молодой представительницы правящего дома, и посему шел поиск решения, не обидного для последней и не способного отвлечь ее от Рима вообще. В этой связи деятели конгрегации предложили следующий выход из сложившегося положения: повлиять на Торино, воздействовать на него, дабы он сам отказался от покровительства высокой особы и покинул Санкт-Петербург. Тогда, обещала конгрегация, и клирик не понесет наказания за упрямство, и самолюбие великой княгини, обещавшей защищать патера, не будет, как представлялось из Рима, уязвлено⁴⁰.

Очередная промемория конгрегации «для его Преизящества кардинала Александра Албани» демонстрировала, что католические власти оказались близки к осуществлению предложенного плана. Текст документа не содержит даты, по логике же событий он является более поздним по отношению к цитированным выше бумагам. В промемории значилось: «знатнейшие оные особы... льстивыми онаго священника поступками иногда обманувшись», покровительствовали ему раньше, но теперь «отложили свое ходатайство, а за лучшее признали установиться на благоразумных внушениях господина великого канцлера»⁴¹.

Екатерина могла поддаваться давлению: после отправки в ссылку опального А.П. Бестужева-Рюмина и вынужденного отъезда С. Понятовского из России она оказалась в известной изоляции, почему тяжесть пресловутых «благоразумных внушений» оказывалась велика. Впрочем, самой Екатерине это представлялось тактическим отступлением, необходимым лишь для того, чтобы выиграть время и начать борьбу вновь. Выйти из «дела Торино» она вряд ли могла.

И вот почему.

Екатерину, очевидно, не устраивал имевшийся на тот период при русском дворе конъюнктурный выбор между ориентацией на прусский или австрийский двор (за которым, как в случае с тем же А.П. Бестужевым-Рюминым, вставал и двор сент-джеймский). Настраиваясь на борьбу за престол, она искала и новые возможности, новые опоры. Католическая дипломатия в целом, курировавшаяся папством и имевшая возможность действовать открыто благодаря сформированной в России католической европеизированной среде, вполне могла выступить в качестве искомой опоры: деньги, связи, отлаженные в Европе «технологии власти». О ресурсах папской и, шире, католической дипломатии Екатерина знала очень хорошо. Столь далеко шедшие расчеты порождали интерес к католическим сферам, и порвать с последними под воздействием чьих бы то ни было «благоразумных внушений» она применительно к моменту не могла.

О политических контактах Екатерины с католиками в научной литературе ранее не упоминалось. Это – новая, неизвестная страница ранней биографии российской императрицы.

Вместе с тем выявленные факты, при всей их новизне, не выбиваются из привычного контекста, окружавшего молодую Екатерину.

Миссионерская пропаганда на южных и юго-восточных окраинах Российской империи была составной частью стратегии австрийских Габсбургов по проникновению на Восток, выстраивавшейся ими с конца XVII в. Канцлер А.П. Бестужев-Рюмин, негласный опекун великой княгини, посол в Вене Г.-К. Кайзерлинг, пожизненный куратор С. Понятовского, выступали носителями «австрийской системы» – союза с Австрийской монархией. Отсюда свобода рук «царской» дипломатии, курировавшей миссионеров и добивавшейся повышения их статуса, заходила в России довольно далеко, захватывая и «малый двор».

Подобное сближение привлекало и католическую сторону, и папство: приключения капуцина Ф. Сотера – выдавленного из России миссионера, искавшего возможности вернуться с помощью сильных мира сего при российском дворе, это вполне доказывают.

Вопрос, разумеется, должно изучить более глубоко, но уже сейчас можно констатировать, что дальнейшее поведение сторон предполагало известную степень взаимного доверия. Во всяком случае, папство вынашивало после воцарения Екатерины II определенные надежды в России, особенно на южных и юго-восточных окраинах империи, близких к ним и смежных территориях (Балканы, Закавказье, Персия).

Императрица со своей стороны, придя к власти и затронув «дисидентский вопрос» в Речи Посполитой после избрания польско-литовским королем С. Понятовского, вела себя в 1760-е гг. в отношении тамошних прерогатив католического Рима предельно корректно. Известный консенсус между дипломатией русской и дипломатией

папской в польских и восточных делах разладился лишь в 1769 г., с выходом екатерининского Католического регламента.

* * *

Что же в итоге?

Участие Екатерины II в бытность супругой наследника престола и великой княгиней во внутренней борьбе католического сообщества Санкт-Петербурга и, соответственно, ее взаимоотношения с католическими кругами северной столицы является бесспорным. Источники подтверждают, что на протяжении 1755–1759 гг. упомянутые контакты носили прочный, устойчивый характер и обусловили поиск католическими кругами, жизненно втянутыми в миссионерскую работу на юге России, поддержки со стороны Екатерины.

С учетом сказанного надлежит принять во внимание принципиально важные и до того недооценивавшиеся качества будущей российской правительницы.

Прежде всего, она была гораздо более самостоятельна как политик, нежели это представлялось в предшествующей литературе.

Нельзя забывать и о том, что «молодая Екатерина» в мечтах об императорской короне и в борьбе за нее вела себя жестко, по-своему даже цинично.

С середины 1750-х гг. она готовилась к решающей схватке за власть и искала нужные резервы. Именно насущными поисками и диктовалось в конкретный момент внимание к католицизму.

Однако дальнейшие события (кончина Елизаветы Петровны, знакомство с Орловыми) задали другую траекторию движения Екатерины к трону.

Примечания Notes

¹ *Inglot, M. (S.J.) La Compagnia di Gesu nell'Impero Russo (1772 – 1820) e la sua parte nella restaurazione generale della Compagnia. Roma, 1997; Луш-най В.Б. Иезуиты в политике Екатерины II // Вопросы истории. 1999. № 8. С. 130–137; Андреев А.Н. Католицизм и общество в России XVIII в. Челябинск, 2007; Pavone S. Una strana alleanza: la Compagnia di Gesu in Russia dal 1772 al 1820. Napoli: Bibliopolis, 2008. P. 123–167; Werth P.W. Soslovie and the “Foreign” Clergies of Imperial Russia: Estate rights or service rights? // Cahiers du monde russe. 2010. Vol. 51. № 2-3. P. 419–440; Андреев А.Н. Конфессиональная жизнь петербургских католиков в XVIII столетии // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2014. Т. 14. № 1. С. 6–14; Самыловская Е.А. Финансовое положение петербургского римско-католического духовенства в первой половине XVIII в. // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. 2015. № 7 (90). С. 46–49; Самыловская*

Е.А. К вопросу о численности и национальном составе римско-католической общины Санкт-Петербурга в первой половине XVIII века // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. 2016. Т. 26. № 1. С. 76–81.

² Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 10. Оп. 10/1. Д. 1 (1751 – 1758); Д. 1 (1759 – 1761); Оп. 10/2. Д. 14.

³ *Windler C. Missionare in Persien: Kulturelle diversität und Normenkonkurrenz im globalen Katholizismus (17.–18. Jahrhundert). Köln; Weimar; Wien: Böhlau Verlag, 2018. P. 283–387.*

⁴ АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1. Д. 1 (1751 – 1758). Л. 1, 3, 3об., 5, 6.

⁵ Там же. Л. 7, 32–39об.

⁶ *Кузнецов Н.Д. Управление делами иностранных исповеданий в России в его историческом развитии // Временник Демидовского юридического лицея. Ярославль, 1898. Кн. 75. С. 89.*

⁷ АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1. Д. 1 (1751 – 1758). Л. 42–44, 48–51об.

⁸ *Кузнецов Н.Д. Управление делами иностранных исповеданий в России в его историческом развитии // Временник Демидовского юридического лицея. Ярославль, 1898. Кн. 75. С. 89.*

⁹ АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1. Д. 1 (1751 – 1758). Л. 5об.– 6.

¹⁰ Там же. Л. 11, 11об.

¹¹ Там же. Л. 14об.

¹² Там же. Л. 16об.

¹³ АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/2. Д. 14. Л. 1.

¹⁴ Там же. Л. 30–33об.

¹⁵ Там же. Л. 23–25.

¹⁶ Там же. Л. 2.

¹⁷ Там же. Л. 34, 35–36об.

¹⁸ АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1. Д. 1 (1751 – 1758). Л. 18–20об.

¹⁹ Там же. Л. 49, 49об.

²⁰ *Кузнецов Н.Д. Управление делами иностранных исповеданий в России в его историческом развитии // Временник Демидовского юридического лицея. Ярославль, 1898. Кн. 75. С. 95.*

²¹ АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1. Д. 1 (1751 – 1758). Л. 77об.

²² Там же. Л. 71, 71об., 84, 84об.

²³ Там же. Л. 104–105.

²⁴ Там же. Л. 101–103.

²⁵ Там же. Л. 115, 133–134, 138, 150–153.

²⁶ Там же. Л. 171.

²⁷ Там же. Л. 23–27об., 30–33об.

²⁸ Там же. Л. 146–147об., 148–149об.

²⁹ АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/2. Д. 14. Л. 3.

³⁰ Там же. Л. 3об.

³¹ АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1. Д. 1 (1751 – 1758). Л. 177, 177об., 190, 190об., 206–207об., 209.

³² Там же. Л. 177, 177об., 200–201об., 203–204.

³³ Там же. Л. 209.

- ³⁴ Там же. Л. 190, 190об.
³⁵ АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1. Д. 1 (1759 – 1761). Л. 75–79об.
³⁶ АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1. Д. 1 (1751 – 1758). Л. 186, 186об.
³⁷ АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/2. Д. 14. Л. 34.
³⁸ Там же. Л. 39, 39об.
³⁹ Там же. Л. 7об.
⁴⁰ Там же. Л. 8.
⁴¹ Там же. Л. 9.

Автор, аннотация, ключевые слова

Рязев Андрей Сергеевич – канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник, Калмыцкий научный центр, Российская академия наук (Элиста)
riazhev@yandex.ru

Впервые в отечественной историографии рассматриваются отношения Екатерины II с католиками в ранний период ее политической биографии, в ее бытность великой княгиней. Контакты будущей императрицы с католическими кругами изучены на основе неопубликованных документов российского и зарубежного происхождения, собранных Коллегией иностранных дел.

Особое внимание уделено попыткам католических миссионеров опереться на поддержку великой княгини Екатерины для развития миссионерской работы на южных окраинах России и ближайшем к нему Закавказье. Охарактеризован политико-дипломатический контекст католических связей Екатерины, вклад австрийской дипломатии в их складывание, а также участие этого папства. В статье описано, как активность миссионеров в России, во многом явившаяся следствием союза России с Австрийской монархией, породила религиозные конфликты на местах, в частности, между католиками и армяно-григоринами. Эти конфликты требовали от российских центральных и местных властей немалых усилий по их сглаживанию. Важным фактором вовлечения коронованных особ в вероисповедную политику служило наличие сформированной европеизированной католической среды как в столице и в придворных кругах, так и в российских губерниях, прежде всего на юге страны.

В итоге автор приходит к выводу, что связи Екатерины в ее бытность великой княгиней с католиками носили устойчивый характер. Сближение Екатерины с католиками отражало ее политическую самостоятельность и поиски внешней поддержки в преддверии решительных шагов в борьбе за власть.

Елизавета Петровна, Екатерина II, Коллегия иностранных дел, дипломатия, религиозная политика, православие, Русская православная церковь, Армянская апостольская церковь, католицизм, католический миссионер, миссионерство, Астрахань.

References (Articles from Scientific Journals)

1. Andreyev, A.N. Konfessionalnaya zhizn peterburgskikh katolikov v XVIII stoletii [The Confessional Life of St. Petersburg Catholics in the 18th Century.]. *Vestnik Yuzhno-Uralskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsialno-gumanitarnyye nauki*, 2014, vol. 14, no. 1, pp. 6–14. (In Russian)
2. Lushpay, V.B. Iyezuity v politike Ekateriny II [The Jesuits in the Politics of Catherine II.]. *Voprosy istorii*, 1999, no. 8, pp. 130–137. (In Russian)
3. Samylovskaya, E.A. Finansovoye polozheniye peterburgskogo rimskokatolicheskogo dukhovenstva v pervoy polovine XVIII v. [The Financial Situation of the St. Petersburg Roman Catholic Clergy in the First Half of the 18th Century.]. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta im. Yaroslava Mudrogo*, 2015, no. 7 (90), pp. 46–49. (In Russian)
4. Samylovskaya, E.A. K voprosu o chislennosti i natsionalnom sostave rimskokatolicheskoy obshchiny Sankt-Peterburga v pervoy polovine XVIII veka [On the Question of the Size and National Composition of the Roman Catholic Community of Saint Petersburg in the First Half of the 18th Century.]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Istoriya i filologiya*, 2016, vol. 26, no. 1, pp. 76–81. (In Russian)
5. Werth, P.W. Soslovie and the “Foreign” Clergies of Imperial Russia: Estate rights or service rights? *Cahiers du monde russe*, 2010, vol. 51, no. 2-3, pp. 419–440. (In English)

(Monographs)

6. Andreyev, A.N. Katolitsizm i obshchestvo v Rossii XVIII v. [Catholicism and Society in Eighteenth-Century Russia.]. Chelyabinsk, 2007, 393 p. (In Russian)
7. Ingot, M. (S.J.) La Compagnia di Gesu nell’Impero Russo (1772 – 1820) e la sua parte nella restaurazione generale della Compagnia. Roma: Editrice pontificia universita Gregoriana, 1997, 337 p. (In Italian)
8. Pavone, S. Una strana alleanza: la Compagnia di Gesù in Russia dal 1772 al 1820. Napoli: Bibliopolis, 2008, 470 p. (In Italian)
9. Windler, C. Missionare in Persien: Kulturelle diversität und Normenkonkurrenz im globalen Katholizismus (17.–18. Jahrhundert). Köln; Weimar; Wien: Böhlau Verlag, 2018, 764 p. (In German)

Author, Abstract, Key words

Andrey S. Ryzhev – Candidate of History, Leading Researcher, Kalmyk Scientific Center, Russian Academy of Sciences (Elista, Republic of Kalmykia, Russia)
riazhev@yandex.ru

For the first time in Russian historiography the author analyzes the relations

between Catherine II and Catholics at the start of her political biography as she was a Grand Duchess. The future empress's contacts with Catholic circles are studied on the basis of unpublished documents of Russian and foreign origin collected by the Collegium of Foreign Affairs.

Special attention is paid to the Catholic missionaries' efforts to gain support from Grand Duchess Catherine for expanding missionary work in Southern Russia and neighbouring Caucasus. Catherine's Catholic ties are seen in the political and diplomatic context, with Austrian diplomacy and the papacy involved. The author shows how the missionaries' activities, largely due to the union between Russia and the Austrian monarchy, caused local religious conflicts, e.g. between the Catholics and Grigorian Armenians. It took the Russian central and local authorities a lot of efforts to settle them. The involvement of crowned members in religious policy was possible due to the presence of European Catholic environment in the capital and at the Court as well as in the Russian province, particularly, in the south of the country.

The author concludes that Catherine's ties with the Catholics had a permanent character. The closer ties between Catherine and the Catholics signaled her political independence and her search for foreign support before she took decisive steps in her struggle for power.

Elizaveta Petrovna, Catherine II, Collegium of Foreign Affairs, diplomacy, religious policy, Orthodoxy, Russian Orthodox Church, Armenian Apostolic Church, Catholicism, Catholic missionary, missionary work, Astrakhan.

Д.А. Бутырин

**АГЕНТЫ И ПРОВОКАТОРЫ
ОХРАННОГО ОТДЕЛЕНИЯ ВЛАДИВОСТОКСКОЙ
КРЕПОСТИ
(1907 – 1908 годы)**

D.A. Butyrin

**Agents and Provocateurs
of the Vladivostok Fortress Security Department
(1907 – 1908)**

О работе секретных сотрудников «охранки» Владивостокской крепости вся Россия узнала в 1909 г., когда в связи с «делом Азефа» в III Государственной думе всплыла история с арестом и осуждением за провокацию бывшего начальника этого охранного отделения подполковника А.Д. Заварицкого. Обличительные выступления депутата от Тобольской губернии, члена кадетской партии, публициста и финансиста В.И. Дзюбинского, как и других депутатов, рисовали следующую возмутительную картину: подполковник, желая выслужиться перед начальством, с помощью своих агентов организовал фабрикацию улики и массовые аресты ни в чем не повинных людей¹.

В действительности все было не столь однозначно, и даже в Штабе Отдельного корпуса жандармов сомневались в виновности Заварицкого. Поэтому вполне естественно внимательно приглядеться к личностям исполнителей провокации – агентов, фамилии и оперативные псевдонимы которых тоже упоминались в речи Дзюбинского.

Цель статьи – на примере судеб и деятельности агентов И.Н. Демьяненко и А.З. Бадинова показать состав секретных сотрудников Охранного отделения Владивостокской крепости в 1907 г., способы их вербовки, особенности личности и мотивации, методы работы, отношения с революционерами и непосредственным начальством.

В современных работах наиболее известных отечественных² и зарубежных³ авторов по истории политического розыска рассматриваются самые разные аспекты организации и методы работы «охранки», ее место в системе политической полиции Российской империи. Однако работа секретных агентов охранных отделений нуждается в дальнейшем изучении в рамках такого перспективного направления исторической науки, как персональная история, ибо сотрудники, бывшие в то время секретными, остаются неизвестными до сих пор.

Статья написана на ранее недоступных широкому кругу исследователей документах Департамента полиции Министерства внутренних дел, хранящихся в Государственном архиве Российской

Федерации, а также документах канцелярий военного губернатора Приморской области и Приамурского генерал-губернатора, хранящихся в Российском государственном историческом архиве Дальнего Востока (г. Владивосток). Среди использованных нами документов большинство составляют агентурные доклады, в которых секретные сотрудники по памяти описывают происходившие события и свое участие в них, а также служебная переписка чиновников тайной политической полиции.

* * *

«Отделение по охране общественной безопасности и порядка» во Владивостокской крепости было создано в декабре 1906 г. Этот местный орган политического сыска подчинялся Департаменту полиции МВД и должен был заниматься розыском революционных организаций и отдельных революционеров с помощью как наружного наблюдения, так и внедрения секретной агентуры в антиправительственную среду. Предполагалось заменить случайные обыски и аресты тщательно налаженной филерской службой, осуществляемой профессионалами наружного наблюдения. Большое значение должны были иметь секретные сотрудники, внедренные в революционные организации. Первым начальником отделения стал ротмистр Вячеслав Капитонович Петров, с 17 сентября 1906 г. являвшийся также начальником Владивостокской крепостной жандармской команды⁴.

Ротмистром В.К. Петровым были получены инструкции, в которых излагались методы работы политического розыска по выявлению государственных преступлений, – инструкции по организации наружного (филерского) и внутреннего агентурного наблюдения. Поскольку в агентурной работе присутствуют две стороны – жандармский офицер, заведующий розыском, и секретный сотрудник, работающий в революционной организации, – то начальник Охранного отделения Владивостокской крепости попадал в затруднительное положение. Со слов военного губернатора Приморской области генерал-майора Василия Егоровича Флуга, в городе Владивостоке «...тайная агентура почти не существовала. Большинство данных о степени неблагонадежности того или другого лица почерпались из устаревших жандармских сведений или из циркулировавших среди населения слухов, собирались малоопытными офицерами. Только об очень немногих лицах были проведены полицейские дознания. Большинство же высылалось по простому подозрению»⁵.

Положение усугублялось личными качествами В.К. Петрова, который принял свои обязанности очень неохотно и подавал на имя начальника штаба Отдельного корпуса жандармов подполковника В.Ф. Модля рапорт, прося освободить его от должности начальника

охранного отделения. Рапорт сначала не принес желаемого результата, и в силу обстоятельств ротмистр В.К. Петров вынужден был приступить к работе и начать формирование штата секретных сотрудников отделения⁶.

Зимой 1907 г. директор Департамента полиции М.И. Трусевич потребовал от Охранного отделения Владивостокской крепости наладить агентурную работу в Японии. Причиной была антиправительственная деятельность в городе Нагасаки российских политических эмигрантов, которых в 1906 г. сплотил в стройную и сплоченную конспиративную революционную организацию один из руководителей народовольцев юга России Борис Дмитриевич Оржих. Он проживал с 1900 г. во Владивостоке как ссыльный, во время революционных событий 1905 г. являлся одним из руководителей «Союза союзов», активно выступал на митингах, участвовал в издании воззваний к населению. В 1906 г. он бежал в Японию, где выпускал газету «Воля»⁷.

По словам Приамурского генерал-губернатора Павла Федоровича Унтербергера, российские «политические эмигранты» «беспрепятственно и безнаказанно предавались своей преступной деятельности: фабриковались фальшивые русские деньги и паспорта, водворялись контрабандой в наши пределы боевое оружие, бомбы и подпольная литература и высылались сюда фанатики-террористы и агитаторы, которые вели усиленную пропаганду среди войск округа и населения»⁸.

Ротмистру В.К. Петрову, за неимением секретных сотрудников, пришлось отправить в Японию добровольца. Согласно инструкции Департамента полиции, секретный агент должен был быть мужчиной не старше 30 лет, обладать неприметной внешностью, отличаться острым умом, сообразительностью, а также отдавать себе полный отчет в том, что его работа заключается исключительно в информировании охранных отделений о деятельности антиправительственных организаций⁹.

Таким человеком оказался Илья Никифорович Демьяненко. Есть основания полагать, что он родился в селе Акмечетка Ананьевского района Херсонской области в 1884 г. В документах Департамента полиции он указан как крестьянин. Демьяненко получил среднее образование. В политический розыск пришел по собственному желанию и убеждениям: «Осознавая утопичность идей революционных партий, которые против эволюционного развития народов через ряд кровавых насилий, неосуществимое царство, которое является лишь плодом дотаций неразвитых умов нашей новой интеллигенции, я решил внести свой труд в дело искоренения этой общественной болезни»¹⁰. Сам он отмечал: «Когда Трусевичу было угодно иметь секретного сотрудника в Нагасаки среди проживающих там революционных эмигрантов, то меня послал туда ротмистр Петров»¹¹.

Официально Демьяненко работал в Морском доме в Нагасаки па-

спортсменом, помогал революционерам в Японии обзавестись фальшивыми паспортами для проезда по России. Паспорта он получал из Охранного отделения Владивостокской крепости, и именно по этим паспортам полиция задерживала революционеров в России¹². По его словам, он, благодаря своим личным качествам, «скоро перезнакомился со всеми видными революционерами». Он имел приятельские отношения с Б.Д. Оржихом, и это было большой удачей для секретного сотрудника.

А.В. Герасимов, в те годы – начальник Санкт-Петербургского охранного отделения, отмечал в своих опубликованных воспоминаниях: «Руководители, занимавшие наиболее ответственные посты в организации, очень редко показывались товарищам, не входившим в круг партийной элиты, и скрывались под вымышленными именами... Почти все руководящие деятели революционеров имели подложные паспорта, и они так тщательно хранили в секрете свою подлинную личность, что властям часто было невероятно трудно установить, кем они являются на самом деле»¹³.

О своей агентурной работе среди российских революционеров, членов партии эсеров, на территории Японии Демьяненко рассказывал в одном из писем директору Департамента полиции М.И. Трусевичу. Он «давал ротмистру Петрову самые верные сведения во Владивосток об их преступной деятельности»¹⁴, «у меня всегда в сведениях проходят две крайности – один раз я прихожу в отчаяние, так как мне кажется, что партия перестала доверять мне, другой раз наоборот, я сияю от радости, так как вижу, что только теперь приобрел среди партийных работников полное доверие»¹⁵.

Демьяненко работал в Японии, не имея ни анкет, ни фотографий революционеров, полагаясь только на свою память. «Был арестован по прибытию из Нагасаки во Владивосток Алексеевский с 2 пудами нелегальной литературы. Переписки, адреса и карточки не было и его задержали только потому, что я дал во Владивосток, ротмистру Петрову, полное его описание, – писал он. – Сама по себе служба секретного сотрудника очень тяжелая. Во время службы я должен был отказывать себе в самом необходимом, даже не мог поесть нормально, так как сытый обед мог бы броситься в глаза “товарищей”, и тогда дело могло быть проиграно. Я не мог жениться, так как не был уверен, что моя жена будет всегда солидарна со мной с моими взглядами. И все это во имя царя»¹⁶.

Агентурная работа Демьяненко была высоко оценена военным губернатором Приморской области В.Е. Флугом в рапорте директору департамента полиции М.И. Трусевичу: «Агент в Японии – знающий и очень благонадежный человек, поэтому передвижения всех подозрительных лиц нам известно, арест видного революционера Алексеевского доказывает деятельность агента»¹⁷.

В начале 1907 г. В.Е. Флуг вместо В.К. Петрова фактически курировал работу заграничной агентуры Охранного отделения

Владивостокской крепости. Донесения секретного сотрудника Демьяненко из Японии также поступали в его канцелярию¹⁸. Военный губернатор на свои личные средства финансировал работу своих секретных сотрудников, которые вели дознания, проводили обыски, получая необходимые агентурные сведения от российского консула в Нагасаки Зиновия Михайловича Поляновского.

Военный губернатор, как и консул З.М. Поляновский, приложил немало усилий, чтобы имена агентов оставались тайной. Так, однажды консул сообщил В.Е. Флугу о «социал-демократе» Демьяненко и предложил военному губернатору план по поимке «революционера». От собственных агентов консулу стало известно, что Демьяненко живет и работает как в Нагасаки, так и во Владивостоке, и через него идет передача партийной корреспонденции из Японии в Россию. В частности консул З.М. Поляновский писал военному губернатору: «Чтобы выследить Демьяненко и его друзей, мой агент предлагает такой способ. Пусть кто-либо из чинов охраны оденет простое платье, и идет к хозяину квартиры и заявит, что мол, вот только прибыл из Нагасаки во Владивосток, и имею поручение передать кое-что лично Демьяненко. Хозяин позовет Демьяненко и вот тогда надо сказать, что кто-то его уже видел и выдал властям. Затем, когда Демьяненко бросится предупредить своих друзей, необходимо следовать за ним и так, с помощи наружного наблюдения, можно раскрыть всю партийную организацию». Только своевременное вмешательство В.Е. Флуга в этот раз спасло Демьяненко от «разоблачения»¹⁹.

Информация, полученная от секретного агента Демьяненко, проходила в канцелярии военного губернатора тщательную проверку, пополняя картотеку лиц, вовлеченных в революционное движение. В.Е. Флуг лично пересматривал донесения собственных агентов, агентов консула З.М. Поляновского и секретного сотрудника Охранного отделения Владивостокской крепости. Результатом такой слаженной работы стали задержания и аресты революционеров, пытавшихся из Японии вернуться в Россию. В секретной телеграмме З.М. Поляновского губернатору В.Е. Флугу говорилось: «Из отправившихся за последнее время из Нагасаки в Россию революционеров действительно около 80 процентов были арестованы. Всего выехало не более 8 человек, из них 6 арестованы»²⁰.

Для работы во Владивостоке В.К. Петров смог привлечь нескольких человек. В обысках и задержаниях при нем принимали участие адъютант Жандармско-полицейского управления Уссурийской железной дороги Кареев и прапорщик 10-го Восточно-Сибирского стрелкового полка Церпинский. Все они, как писал прапорщик в докладе директору Департамента полиции М.И. Трусевичу, «получили письмо от начальника крепостной жандармской команды ротмистра В.К. Петрова с приглашением на службу».

Церпинский обладал богатой биографией: участник Русско-

японской войны, начальник пешей охотничьей команды, выполнял обязанности полицмейстера Южного отдела обороны и коменданта пристани, был командиром нестроевой роты, служил в 38-м Восточно-Сибирском стрелковом полку, и после его расформирования 7 мая 1906 г. ушел в запас. Долгое время был заведующим строительными работами в Американской конторе, знал иностранные языки. Посещал митинги и собрания, знакомился с разными людьми. Склонность к авантюризму и политические взгляды черносотенца привели его в политический розыск. О своей работе с первым начальником Охранного отделения Церпинский писал: «Тогда же мной был открыт пивной зал в Матросской слободке с целью агентуры, было доставлено много полезных сведений. Получив приговор к смерти от революционеров, Петров уехал, а его заменил подполковник Гирилович»²¹.

На самом деле ротмистр В.К. Петров был снят с обеих своих должностей за «бесхозяйственное состояние» Владивостокской крепостной жандармской команды и ее «крайнюю ничтожную деятельность»²². Впрочем, сам он этой перемене скорее обрадовался. Новым начальником Охранного отделения Владивостокской крепости стал подполковник Юрий Михайлович Гирилович, заместитель начальника Охранного отделения, прибывший во Владивосток осенью 1906 г. и отвечавший «за производство дознаний»²³.

Ю.М. Гирилович, находясь на должности начальника Охранного отделения с марта по июль 1907 г., в своей деятельности, в отличие от своего предшественника, помимо секретной агентуры в Японии предпринял попытку наладить работу секретной агентуры в крепости. Несколько человек, нанятые новым начальником Охранного отделения, вели агентурную деятельность во Владивостоке без особого успеха. Однако им был принят в штат секретных сотрудников Охранного отделения Александр Зурабович Бадилов, работавший под агентурным псевдонимом «Попов».

Новый начальник Ю.М. Гирилович пришелся не по душе секретному агенту, который работал ранее в городе Баку, где был ранен в перестрелке с местными революционерами. Из-за тяжелого ранения был сначала переведен в город Иркутск, а затем в крепость Владивосток для поправки здоровья и дальнейшей агентурной работы. Свою первую встречу с начальником Охранного отделения крепости он описал так: «Разговор состоялся у него на квартире, в присутствии незнакомых людей. После разговора я понял, что охранным делом он не интересуется, не принимал никакой конспирации по отношению к секретному сотруднику. Из-за этого я заключил, что служить у него – это же чисто провалить себя и не принести никакой пользы правительству»²⁴.

В этот период во Владивосток вернулся из Нагасаки Демьяненко. Произошло это после следующей истории.

В Нагасаки агент предложил уже новому начальнику Охранного

отделения Гириловичу весьма интересный способ ликвидации революционной организации в Японии. Он включал в себя создание бомбы и ее подрыв в Японском клубе, после чего японское правительство сразу же депортировало бы из страны всех политических эмигрантов. «О предложении агента подполковник Ю.М. Гирилович донес в Департамент полиции, отсюда пришла бумага немедленно воспретить Демьяненко делать нечто подобное, а Гириловичу указали, что заниматься провокацией не уместно»²⁵.

Вполне вероятно, этот же случай описан в мемуарах А.В. Герасимова. По его словам, когда он руководил Особым отделом Департамента полиции, его оповестил начальник Жандармско-полицейского управления Дальневосточной железной дороги, полковник Л.Я. Горгоп, человек, который никогда до этого не занимался политическими расследованиями, что какие-то русские революционеры встречаются в клубе в Японии. «Стремясь нейтрализовать этих людей, сообщал он, он послал туда своего агента, чтобы взорвать клуб. Как только я прочел это сообщение, то сразу поспешил к директору Департамента полиции и все ему рассказал. Тотчас же была отправлена телеграмма этому жандармскому начальнику, строго запрещающая осуществление его безумного плана. К счастью, послание успело вовремя, и взрыв бомбы, задуманный одним из наших сотрудников, был предотвращен», – писал Герасимов²⁶.

Возможно, случай с бомбой и послужил причиной отзыва агента из Японии, хотя наверняка утверждать это сложно. Характерно, однако, что во Владивостоке эта история вскоре получит продолжение.

На одном из совещаний летом 1907 г. военный губернатор Приморской области В.Е. Флуг заявил: «Весьма серьезная организация преступного военного сообщества раскинула свою сеть на большинство гарнизонов области. Причем, обнаружилась упорная и систематическая работа агитаторов революционных партий, направленная к организации вооруженного восстания войск. Нельзя не признать совершенное бессилие гражданской администрации для борьбы с этим злом там, где такая борьба составляет ее прямую задачу». В.Е. Флуг отметил и неудовлетворительную работу Охранного отделения, недостаточный состав наружной полиции и отсутствие средств на организацию тайной агентуры²⁷.

Но главная причина, судя по всему, состояла в отсутствии во Владивостоке людей, склонных к агентурной работе, к внутреннему и внешнему наблюдению. Прапорщик Церпинский докладывал директору Департамента полиции М.И. Трусевичу: «Я давал много сведений, но за неимением филеров приходилось работать самому»²⁸.

Жандармский ротмистр Макаров, служивший в Охранном отделении Владивостокской крепости, указывал в докладной записке командиру 33-го Восточно-Сибирского стрелкового полка: «Выяснить участников группы крайне трудно и возможно только путем при-

обретения тайных агентов из среды самих же нижних чинов, чего мне со стороны достигнуть очень трудно. Если удастся заполучить кого-либо на базаре или же в трактире, то все они оказываются с большими склонностями к вину, и малопригодными к сей работе... агентами могут быть нижние чины грамотные и малограмотные и знакомые уже с освободительным движением. Вербовка из них тайных агентов требует особой осторожности и больше конспиративности»²⁹.

Привлечение к секретной деятельности нижних чинов было осложнено презрительным отношением, как и офицеров, так и рядовых солдат и матросов, к полиции. Но все же иногда их вербовка давала положительный результат. Прапорщику Церпинскому через завербованного охранкой матроса Дятлова удалось добыть «точное время и место пути следования организатора Владивостокской военной организации к месту митинга на мысе Чуркин вблизи сада «Италия»». Прапорщик описал дело так: «Получив распоряжение Гириловича арестовать его, я взял с собой 3 переодетых жандармских унтер-офицеров и 6 охотников. 11 июня 1907 года и устроили засаду в кустах. Ждали долго. В 17.00 увидел 8 матросов и организатора-еврея. Все были арестованы и на шлюпках доставлены в команду. При задержании еврей попытался бежать, так что пришлось лично ему связать руки. В 50 шагах от места задержания ждали солдаты и матросы около 300 человек. Еврей оказался беглым солдатом 2 саперного батальона Григорий Шамизон. При нем была найдена явочная карточка, шифрованные письма, программы»³⁰.

Ликвидация военной организации РСДРП ослабила силы этой партии и нарушила ее работу и связи среди флотских и воинских частей гарнизона, чем воспользовались эсеры-максималисты.

В июле 1907 г. В.Е. Флуг в докладе Приамурскому генерал-губернатору генералу П.Ф. Унтербергеру отметил рост революционной пропаганды и нарушений дисциплины в войсках. Это привело к кадровым перестановкам: подполковник Ю.М. Гирилович был снят с должности начальника Охранного отделения и Владивостокской крепостной жандармской команды. Новым начальником был назначен Анатолий Дмитриевич Заварицкий, прибывший в город 10 августа 1907 г. возглавить крепостную жандармскую команду. 28 августа в дополнение к своей основной должности он был назначен начальником Охранного отделения крепости. Однако и этот офицер воспринял свое назначение на должность начальника «охранки» негативно: опыта в политическом розыске подполковник практически не имел, если не считать полгода службы в розыском пункте в Баку³¹. Но отказаться он не мог и скрепя сердце приступил к работе.

* * *

Уже на первой встрече комендант Владивостокской крепости

генерал-майор В.А. Ирман (с 1915 г. – Ирманов) оповестил нового начальника Охранного отделения: «Подполковник, я должен вас предупредить, что положение вещей в окрестности крепости в высшей степени серьезное, пропаганда в войсках усиливается, военные организации крепнут, а между тем, я хожу совершенно как с завязанными глазами благодаря такой безответственности вашего предшественника, который даже упорно отвергал военные организации и вопреки всякому здравому смыслу. От других жандармских офицеров я также ничего не знаю. А потому вас прошу все свои силы и умение приложить к тому, чтобы раскрыть военную организацию, так как самая важная наша забота смотреть, чтобы зараза не распространялась в войсках»³².

Первоначально Заварицкий попытался организовать агентуру из нижних чинов. Но дальше обещаний дело не пошло. Он писал директору Департамента полиции М.И. Трусевичу: «Я попробовал взять к себе, на службу поручика Ветовского, который хотел завести агентов из нижних чинов, но он так и не сделал ничего. Между тем, я убедился, что военная организация держится здесь благодаря большому участию в ней здешних социалистов-революционеров и социал-демократов»³³.

Этот вывод привел его к мысли использовать секретных сотрудников Охранного отделения Владивостокской крепости. Больше всего Заварицкого расстроило отсутствие профессиональных наружных агентов – филеров. Он доложил в Департамент полиции о столь печальном положении политического розыска во Владивостоке: «Из-за отсутствия филеров наблюдение за революционным движением не велось. Но так как мне филеры не были присланы, пришлось работать с жандармами, не способными к службе наружного наблюдения»³⁴.

Агентов было 8-10 человек. Большинство из них новый начальник Охранного отделения сразу же уволил: «Прямо мошенники. Люди, которых он мне передал, назывались секретными сотрудниками, т.е. такими, коих никто и знать не должен был, а их знали здесь чуть не каждая собака. Остальные агенты – лица, дававшие только случайные сведения и не имевшие никакого отношения к революционному движению, служили лишь только для того, чтобы доставить свой лживый донос, заработав от 50 до 100 рублей. Но спустя время я пришел к выводу, что большинство моих агентов шантажеры – я поймал их с поличным. После этого случая они разбежались»³⁵.

Недоверие к сотрудникам Заварицкий испытывал по двум причинам: во-первых, в силу своего характера и сильного стресса из-за неудач в личной жизни и, во-вторых, нежелание работать с секретными сотрудниками не только из-за отсутствия у них должного опыта, но и личного отрицательного к ним отношения. «Агентура как таковая стала для меня мерзкой и явно противоречила моим внутренним понятиям и убеждениям о служебном долге. В Баку был

начальник чиновник Раковский, работая с ним и его агентами, на каждом шагу наталкивался на продажность и извращение истины, провокацию», – писал он в одном из писем к сестре³⁶.

В силу этих обстоятельств ему пришлось работать «с теми, кто сами предложили свои услуги по рекомендации бывшего начальника охранного отделения». Ими оказались Александр Зурабович Бадиров и Илья Никифорович Демьяненко. На начальника Охранного отделения Бадиров «произвел впечатление очень развитого и смышленного человека». Аналогичное мнение сложилось у него и о Демьяненко³⁷.

Демьяненко и Бадиров стали основными секретными сотрудниками, и именно им Заварицкий поручил «во что бы то ни стало, выяснить деятельность и состав военной организации». Первый начал свою деятельность во Владивостоке под оперативным псевдонимом «Буговский», второй – «Попов». Их часто страховали два других секретных сотрудника – Юрьев, человек без определенных занятий, агентурный псевдоним «Гончар», и Гольдшмит, письмоводитель Владивостокской городской управы³⁸.

Бадирова подполковник Заварицкий устроил паспортистом в контору найма в порту, выдав пропуск и поручив проверку документов. Со службой в порту ему приходилось совмещать свое участие в облавах, арестах и обысках, проводимых Заварицким³⁹.

Прежняя деятельность в Японии Демьяненко позволила ему безболезненно внедриться в революционную среду. В арсенале у Демьяненко были только доверительные отношения с революционерами и его хорошая память: ни фотографий, ни анкет тех, кто подозревался в революционной деятельности, в Охранном отделении не было⁴⁰.

Демьяненко устроился сотрудником в местную газету «Приморье». Это была ежедневная политическая, литературная и экономическая газета, основанная на кооперативных началах товариществом газетных работников, редактором которой являлся Н.Л. Борисюк, а издателем П.И. Имшенецкий. В редакции работали люди разные, в том числе и с революционным прошлым. Демьяненко ходил на работу, был в курсе всех событий в городе и прославился как отчаянный приверженец освободительного движения. Его собеседники сразу же попадали в особый список лиц, причастных к революционной деятельности. Спустя некоторое время в редакции газеты заговорили о новом газетном сотруднике, который не скупился на критику местной власти.

Демьяненко рассчитывал, что образ ярого оппозиционера даст ему возможность познакомиться с человеком, который будет связан с военной революционной организацией, и не просчитался. Очень скоро в ходе острой полемики в компании молодых людей Демьяненко познакомился со студентом Стуковым из города Никольск-Уссурийский. На следующий день Стуков встретился с

Демьяненко в его квартире на 1-й Морской улице. Разговор о политике завершился признанием Демьяненко, что он «социал-революционер», и если бы была возможность, непременно отдал бы жизнь за освободительное движение в России. Его собеседник внимательно слушал его, и на следующий день во время очередной беседы спросил прямо, может ли журналист предоставить свою квартиру партии, поскольку финансирование от партии идет плохо, и денег для найма конспиративной квартиры, у членов организации нет. Демьяненко выразил полную готовность помочь. «Кроме того, мне придется часто отлучаться из города, – продолжил Стуков. – Поэтому через вас будут вестись кое-какие дела партии». Он также спросил, может Демьяненко, будучи журналистом газеты «Приморье», привлечь к партийной деятельности его коллегу Г. Боровских и завести знакомства с офицерами с Русского острова, связи с которыми имели для партии большое значение, на что Демьяненко ответил также полным согласием⁴¹.

Стуков познакомил агента с другим студентом, Владимиром, и его подругой Надей, членами Владивостокской военной организации максималистов. От Владимира Демьяненко узнал, что в городе кружковые занятия идут плохо, наибольший успех имели занятия с матросами и солдатами гарнизона, среди которых хорошо шло распространение нелегальной литературы. Настоящее имя Нади он узнал позже. Под этим вымышленным именем проживала во Владивостоке революционерка Сарра Ааронова, бежавшая из Читинской гражданской тюрьмы 3 мая 1907 г.⁴².

Войти в партию социалистов-революционеров без проверок помогло знакомство Демьяненко с Борисом Оржихом. Поскольку Оржих хорошо знал Демьяненко и доверял ему, то на его адрес отправил посылку с нелегальной литературой. Но посыльный, прибывший во Владивосток на пароходе «Монголия», не нашел квартиру Демьяненко, поэтому отправил свой опасный багаж почтой на имя Стукова. Как писал Демьяненко в докладе начальнику Охранного отделения, Оржиху он «дал адрес другой квартиры», о котором, «очевидно забыли»⁴³.

3 сентября Демьяненко оплатил все расходы, связанные с получением посылки, тем самым еще больше расположил к себе партийных товарищей. Деньги были выданы ему начальником Охранного отделения. На почте, забирая посылку, он получил письмо от Бориса Оржиха⁴⁴.

Вечером Демьяненко посетил квартиру Заварицкого, которого в доме не оказалось. Пройдя в гостиную, он вытащил из ящика стола бумагу, которую подполковник всегда оставлял на подобный случай, и написал докладную записку. В ней было сказано: революционерам, проживающим в Японии, стало известно, что во Владивостоке «жандармское управление разыскивает 4 видных социал-демократов, членов ЦК. Удивительно, кто им дает сведения о розысках жан-

дармского управления? Кто-то предупреждает, боюсь, чтобы кто-нибудь из ваших помощников не работал на две руки»⁴⁵.

На обратном пути Демьяненко встретил курсистку Надю с двумя рабочими. Он хотел было подойти к ним, как его внимание привлек «Переплетчик», революционер еврейского происхождения, появление которого во Владивостоке ожидалось на днях. Точное описание «Переплетчика» было передано телеграфом начальником Харбинского охранного отделения: «...темно-русый, среднего роста, носит золотые очки». Демьяненко последовал за ним, рассчитывая узнать место жительства революционера, как неожиданно ему на глаза попался матрос, который, по агентурным донесениям, работал в нелегальной типографии социалистов-революционеров. Матрос отправился в сторону Суйфунской улицы, и Демьяненко, желая выяснить, где находится типография, решительно последовал за ним. «Было темно, старался держаться от него на солидном расстоянии, — писал Демьяненко в агентурном докладе. — Он меня знал, я рисковал быть опознанным. Изредка на улице встречались фонари, когда он приблизился, я явственно видел его фигуру. Так я провел его до угла Портовой и 1-ой Морской»⁴⁶.

Но выяснить, куда шел матрос, агенту так не удалось: он зашел в бакалейную лавку, а ожидать на пустынной улице Демьяненко не мог: по его словам, это могло сразу вызвать у подпольщика подозрение на слежку. Последовав за ним спустя несколько минут, матроса в лавке он не застал, но для него стало очевидным, что, скорее всего, именно на 1-й Морской живет или снимает жилье человек, имеющий непосредственное отношение к типографии революционной партии⁴⁷.

На следующий день от своих партийных товарищей Демьяненко узнал, что типография организации хранится у пожилого человека, которого все звали «Стариком». Разузнав, как выглядит этот пожилой человек, он предпринял попытку вместе с секретным сотрудником Юрьевым найти его адрес. В одной из лавок на 1-й Морской улице они встретили «Старика», и, дождавшись, когда он уйдет, Демьяненко устремился к хозяину заведения и спросил, не был ли тут Тарасов, назвав первую, пришедшую на ум фамилию, досконально описав внешность «Старика». Хозяин лавки подтвердил: «Да, бывает у меня такой посетитель, жалуется, что ему тяжело ходить по горам, что сам он из Томска и живет на 1-ой Морской»⁴⁸.

Вместе с Юрьевым Демьяненко обошел все дома на 1-й Морской, изображая поиск затерявшегося знакомого, описывая все приметы «Старика», пока в одном из домов на холме они не столкнулись с самим «Стариком», а вскоре и выяснили его фамилию: Форлинский. В докладной записке, датированной 4 сентября, он настоятельно рекомендовал подполковнику Заварицкому провести обыск у «Старика»⁴⁹. Обыск, однако, так и не состоялся.

К середине сентября Демьяненко, осуществляя внутреннюю

агентурную деятельность, был в курсе всех дел военной партии эсеров-максималистов, поскольку посещал явки и выполнял мелкие поручения. С Александром Тонниковым, руководителем Владивостокской военной организации эсеров-максималистов, у Демьяненко сложились доверительные отношения. Как-то в одной из бесед с агентом Александр Тонников отметил: «Вы еще не знакомы с некоторыми товарищами, я вас на днях познакомлю на тот случай, если кто-нибудь “провалится”, чтобы вы не потеряли связь с партией»⁵⁰.

Знакомиться с новыми людьми секретному сотруднику часто приходилось на сходках, проходивших по вечерам у памятника адмиралу Невельскому. Под видом дружеской беседы шло обсуждение последних новостей, и намечались даты собраний. Поскольку сам Демьяненко обязан был присутствовать на них, наружное наблюдение осуществлял заранее предупрежденный сотрудник Охранного отделения. Спустя некоторое время он получал от сотрудника подробное описание членов организации, что имело большое значение в виду отсутствия филеров: «Приметы «Хроникера» (хроникер газеты «Приморье» Белевский). Среднего роста, нос прямой, ходит в темных очках, желтая фуражка, костюм черный, без бороды и усов, толстая, коричневого цвета палка». Информировал агент начальника Охранного отделения также и о намерениях того или иного партийца, если потом он исчезал на долгое время из города: «Студент Вологодский находится в Переселенческом управлении, во Владивосток приехал на время и на днях опять отправляется, куда, пока не известно»⁵¹.

При содействии Демьяненко 27 сентября во Владивостоке в местной гимназии появился революционный кружок. На первом занятии выступил Тонников и имел успех у аудитории. Но очень скоро гимназисты перестали посещать кружковые занятия, и Александру пришлось признать на очередном собрании провал агитационной работы среди учащихся. Такую же участь постигли и другие попытки вести агитационную работу среди населения города. Так, по просьбе Тонникова Демьяненко познакомил Надю с девушками, работающими в местном ателье. Они с интересом выслушали лекцию о «недостатках социал-демократической партии», но на предложение лектора организовать профессиональный союз и устроить забастовку наотрез отказались. Причина была очевидна, как писал в докладной записке агент: «Большинство из них имеют побочный заработок, у кавалеров холостяков. А если девицы забастуют, то хозяйка всех выгонит и заменит китайскими портными»⁵².

4 октября состоялось собрание в столовой «У Терещенка», на котором присутствовали члены военной и социал-демократической организаций, матросы и солдаты. Большинство собравшихся поддержали призыв эсеров-максималистов к вооруженному восстанию. Ответственным за подготовку восстания был назначен Александр

Тонников, руководитель военной организации. Его речь сорвала шквал аплодисментов. В своем выступлении он отметил, что восстание, которое начнется 21 октября, должно объединить социал-демократов и социалистов-революционеров. Именно поэтому, заявил он, кружковая работа отныне не будет вестись среди учащихся гимназий и рабочих порта, все внимание будет уделено матросам и солдатам, которые станут основной силой будущего восстания. «Край станет республикой. Край укрепится в границах и заживет автономно от России», – заявил он⁵³.

Закончилось собрание весьма неожиданно для всех: в столовую ворвались жандармы с прапорщиком Церпинским и задержали всех, кто не успел покинуть помещение. Александр, его соратник Костя и Надя успели незаметно скрыться через черный ход⁵⁴.

Прапорщик Церпинский писал в донесении: «Я проходил мимо столовой на углу Семеновской и Корейской улиц, заметил сборище нижних чинов. Побежал в 3 полицейскую часть и, взяв 4 городских, явился к столовой и поставил одного городского к заднему выходу, другого послал к Заварицкому, а третьего к телефону за помощью. Помощь явилась через два часа, за это время мне пришлось удерживать толпу в 80 человек, с револьвером руках. Это были представители от 16 воинских частей в числе 47 солдат и матросов»⁵⁵.

Вечером состоялось собрание партийных работников, на котором Всеволод Белевский сообщил Тонникову, что ему не удалось добиться от прокурора свидания в тюрьме с поручиком Пироговым. Поручик был арестован за революционную пропаганду среди солдат и приговорен к высшей мере наказания – смертной казни. Белевский заявил, что казнь можно предотвратить только одним способом – передать поручику яд, чтобы он смог покончить собой в камере до казни. Яд достал провизор аптеки «Калер» Кисляков, ему же и было поручено передать яд осужденному во время свидания. Ранее аптекарь занимался распространением нелегальной литературы среди рабочих порта и организацией кружковых занятий. Позже Демьяненко писал в докладе начальнику Охранного отделения: «Кисляков хорошо знает, что, передавая яд, он неизбежно сам “провалится”. Это дает думать, что партия не имеет широких связей для сношения с заключенными, иначе не стал бы подвергать себя очевидной опасности». Кисляков был арестован, как только появился в тюрьме⁵⁶.

5 октября Тонников явился домой к Демьяненко. Оказалось, что у организации есть библиотека, которая находится в одной из квартир в городе, но нет мебели. Демьяненко пообещал помочь. Он достал 5 стульев. Тонников при встрече сообщил ему, что мебель заберут его знакомые. В тот день во время доклада начальнику Охранного отделения сотрудник не без иронии заметил: «Я исполняю филантропическую часть поручений партии социал-революционеров». На том же докладе он предложил Заварицкому провести ликвидацию библиотеки организации, в ходе которой появлялась возможность

арестовать Тонникова. Поскольку он сам должен был передать мебель, он дал четкие указания сотрудникам Охранного отделения проследить за вывозом мебели: «Раз назначили наблюдение за лицами, нужно избегать частой пересменки среди сотрудников наружного наблюдения. Необходимо, чтобы сотрудника страховал еще один на тот случай, если объект наблюдения будет не один, а придет еще с кем-то, кого не нужно выпускать из наблюдения»⁵⁷.

Но задержать никого не удалось. Переодетые жандармы не смогли заменить профессиональных филеров, они, как и немногочисленные сотрудники отделения, упустили извозчика из виду на одной из улиц города, а поскольку на многих домах не было номеров, революционерам удалось благополучно скрыться⁵⁸.

Вплоть до 14 октября Демьяненко выполнял разные поручения Тонникова, начиная от получения нелегальной литературы из Японии до установления связей с местными аптекарями. Как пояснил сам руководитель, организации необходимы были люди, понимающие толк в химии для изготовления бомб⁵⁹.

Таким образом, по уверениям агента, он пользовался полным доверием революционеров и был в курсе всех их планов, которые он своевременно сообщал начальству. На самом деле Заварицкий не всегда был доволен работой своих агентов. В письме директору Департамента полиции М.И. Трусевичу он оценивал их профессионализм весьма низко: «Я заметил, они давали сведения о второстепенных деятелях». Со слов начальника Охранного отделения, когда он настаивал, чтобы Демьяненко дал возможность обыскать или арестовать подозреваемых, то секретный сотрудник докладывал, что «это невозможно, так как тогда откроется, что он агент, все дело пропадет. Необходимо, по его мнению, дать людям проявить себя в революционной деятельности, и тогда можно всех арестовать с уликами». О втором агенте Заварицкий сообщал: «Бадиров тоже указывал много личностей, но все сведения были настолько неопределенны, что я тоже не решался, по многим, что-либо сделать, чтобы только излишне не волновать население»⁶⁰.

Секретные сотрудники работали без участия профессиональных филеров, что не только осложняло их работу, но и снижало ее результативность.

Однажды Демьяненко явился к начальнику Охранного отделения и заявил, что в одной из столовых проходит собрание военной организации и необходимо всех арестовать. Когда подполковник пожаловал с нарядом полиции в столовую, то после проверки документов выяснилось, что собравшиеся местные евреи отмечают свой национальный праздник. В другой раз агент донес на человека, который, по его мнению, являлся революционером Борисом Кларком из Нагасаки. После ареста выяснилось, что это вполне добропорядочный и благонадежный служащий Владивостокской городской управы. Что касается Бадинова, он тоже в своих докладах был небезгре-

шен. Как-то вечером он заявил начальнику, что в порту хранится 200 бомб. Подполковник собрал наряд и выехал в порт поздней ночью, они обошли все помещения, в одном из которых нашли несколько гимнастических шаров⁶¹.

Секретные сотрудники, в свою очередь, не были довольны своим начальником, равно как и его предшественником. Ссоры часто вспыхивали на почве выплаты жалования и отношения к «шпионам». По словам начальника Охранного отделения, эти «проходимцы порядочные» жили не по средствам, постоянно нуждались в деньгах. «В один вечер с шансонетками, спускал по 20–40 рублей, он же покупал себе экипаж и лошадь, хотя роскошь эта недоступна и людям, получающим большие оклады», – писал Заварицкий о Бадинове в частном письме своей сестре⁶².

А сами секретные сотрудники считали своего начальника человеком нерешительным, если и вовсе не пригодным к политическому розыску.

Так, Бадинов считал, что именно Заварицкий виноват в его провале в революционной организации.

Как только стало известно, что целью его агентурной работы является военная организация, то, по словам Бадинова, он вступил ее в ряды через знакомых, хотя по всем документам Охранного отделения, в отличие от Демьяненко, в партии социалистов-революционеров не состоял. «Для этой цели я съездил в Никольск-Уссурийск, заручился связями от машиниста Бесроповского, вернулся с сведениями, – писал он директору Департамента полиции М.И. Трусевичу. – Во Владивостоке я сошелся с секретарем военной организации Добкиным, который обвинялся в Минске за участие в организации эсеров. Чтобы быстрее с ним сойтись, я поселился вместе с ним на конспиративной квартире. Когда он отсутствовал несколько часов дома – пошел в театр – я взял его портфель с партийными бумагами и шифрованными письмами, и, соблюдая конспиративность, отнес его подполковнику Заварицкому. Мы просмотрели и переписали все адреса, и я думал, что отнесу портфель обратно, но он этого не сделал и оставил портфель себе. Добкин вернулся, не найдя портфеля, обратился ко мне за разъяснениями, и в этот самый момент жандармы арестовали Добкина. Я же провалился в организации благодаря такому отношению к делу моего начальства»⁶³.

Сам же начальник Охранного отделения об этом случае писал: «В сентябре агентом Поповым [Бадиновым], якобы мне был доставлен украденный им у одного еврея портфель с письмами или бумагами». И отметил, что не придавал этому событию большого значения⁶⁴.

* * *

14 октября на совещании у коменданта Владивостокской крепости В.А. Ирмана подполковник Заварицкий сделал доклад о неспо-

койной обстановке во Владивостокском крепостном минном батальоне. Между солдатами и офицерами происходили стычки, причиной которых стал суд над минерами 1-й роты, состоявшийся в тот же день. За неповиновение командованию Приамурский военный окружной суд приговорил минеров к смертной казни, и начальник Охранного отделения предположил, что после такого приговора можно ожидать подстрекательства солдат к бунту. В гарнизоне поползли слухи, что в город для исполнения смертного приговора из села Раздольное должны прибыть драгуны⁶⁵.

После совещания командование приняло решение направить в минный батальон две роты 10-го Восточно-Сибирского стрелкового полка. Именно они не дали развиваться вооруженному восстанию в ночь с 15 на 16 октября.

В ночь с 15 на 16 октября революционный боевой отряд, объявившийся в расположении минного батальона, попытался поднять солдат на восстание. Но солдаты пулеметным огнем обратили революционеров в бегство. На поле боя остался лежать один убитый – Александр Тонников. Утром войсковые команды устроили облаву в бухте Диомид. В одном из задержанных солдаты опознали одного из нападавших, который был доставлен в город и допрошен. Среди тех, кому удалось ускользнуть, была Надя⁶⁶.

Утром 16 октября, узнав о перестрелке в минном батальоне, Заварицкий, взяв Бадинова и помощника военного прокурора Шебулина, прибыл на место происшествия. Секретный сотрудник опознал убитого как предводителя военной организации. Прибывшие с начальником Охранного отделения жандармы провели осмотр помещений и казарм. Заварицкий опросил свидетелей ночного нападения. Вернувшись под вечер в город, он узнал о попытке рабочих Владивостокского порта, побуждаемых прибывшими в порт агитаторами, выйти на антиправительственную демонстрацию с красными знаменами и пением революционных песен. Первым делом он вызвал к себе секретных сотрудников и спросил: неужели они ничего не знали о планах революционеров? Как писал Заварицкий директору Департамента полиции М.И. Трусевичу, Демьяненко и Бадинов «были сконфужены, но говорили, что это событие для них совсем неожиданное, ведь даже в самой организации ничего не знали сами и клялись, что дадут возможность арестовать всех руководителей восстания. Я приказал Буговскому [Демьяненко] не бояться даже собственного провала – любой ценой найти и арестовать руководителей восстания»⁶⁷.

Вечером того же дня Заварицкий выступил на совещании у коменданта крепости и призвал всех командиров военных судов проявить бдительность, поскольку события в минном батальоне непременно вызовут брожение среди судовых команд.

Утром 17 октября революционно настроенные матросы захватили миноносцы «Скорый», «Сердитый», «Бодрый» и «Тревожный».

Появившаяся на одном из миноносцев женщина подняла красный флаг, тем самым известив судовые команды о начале восстания. «Сердитый» и «Тревожный» вскоре были освобождены от восставших, а миноносец «Скорый» открыл огонь по дому губернатора и другим административным зданиям, но был обстрелян миноносцами, сохранившими верность правительству. Войска подавили восстание. В городе было введено осадное положение. Подполковник Заварицкий прибыл на место происшествия для проведения дознания. Среди убитых Демьяненко опознал Надю – именно она подняла красный флаг. Как позже писал начальник Охранного отделения, хоть он и предупреждал о возможном повороте событий на совещании, но «моряки обиделись, не поверили, мер настоящих не приняли»⁶⁸.

Вечером 18 октября Демьяненко изложил Заварицкому свой взгляд на события, произошедшие накануне. По его словам, 21 октября было точной датой начала восстания, которое должно было начаться с убийства военного губернатора В.Е. Флуга. Для этой цели из Никольск-Уссурийска прибыл социалист-революционер, беглый солдат Иван (фамилии секретный сотрудник не узнал), который вел наблюдение за домом Флуга, и, по приказу Александра Тонникова, он должен был убить военного губернатора. Установил за ним наблюдение, чтобы пресечь все попытки покушения на военного губернатора. Но все изменилось, когда ночь с 15 на 16 октября к Александру пришли нижние чины из минной роты и заявили, что их хотят разоружить. Не желая упускать инициативу, Костя, Владимир, Надя и Александр спешно приняли решение о досрочном начале восстания, быстро собрали боевой отряд и попытались поднять восстание в минном батальоне. Но нападавшие попали под пулеметный огонь боевого охранения, Александр был убит, остальные ретировались⁶⁹.

Что касается восстания на миноносцах, то только утром он получил указание от Белевского идти с небольшой группой партийных работников к памятнику адмиралу Невельского и ждать условного сигнала для начала восстания. Дальнейшие указания они должны были получить от Нади, которая должна была появиться незадолго до условного сигнала: когда на крейсере «Аскольде» будет поднят красный флаг. Но она неожиданно для всех собравшихся объявилась на миноносце, где подала условный сигнал к восстанию. По словам секретного сотрудника, не получив каких-либо указаний, люди разошлись по домам⁷⁰.

Доклад агента удовлетворил начальника Охранного отделения, тем более что в городе наступило затишье. Кроме того, Демьяненко рассказал, что ему известны места проживания активных участников военной организации и предложил провести задержание. Подполковник дал согласие. Проведение обыска он поручил прапорщику Церпинскому, Бадирову и помощнику прокурора Чукавшову.

Обыск у Сапожникова ничего не дал. В квартире Мироненко, сотрудника газеты «Приморье», были найдены антиправительственные прокламации, с печатями военной организации. Мироненко был арестован⁷¹.

Подполковник весь следующий день провел в служебных разъездах, и только под вечер вернулся домой, где его ожидал Бадиров с вестью от Демьяненко о том, что завтра в городе «произойдут покушения на ряд должностных лиц» и ему известно, где спрятаны бомбы. Как выяснилось, ночью к Демьяненко зашел Всеволод Белевский и сообщил ему, что на собрании, на котором присутствовали все, кто избежали ареста или смерти, было решено провести ряд террористических актов против лиц из военной и городской администрации, причастных к подавлению восстания. Для этого были изготовлены бомбы и спрятаны в доме номер 10 по улице Суйфунской, напротив городского полицейского управления, и сейчас решается вопрос, кто из товарищей приведет акт мщения в исполнение⁷².

Незамедлительно вместе с прокурором Чукавшовым начальник Охранного отделения провел обыск в указанном доме. Взрывные устройства были найдены под лестницей, полиция арестовала четырех человек, которые на момент обыска имели несчастье оказаться в этом злополучном подъезде, но после допросов были отпущены: к делу они не имели никакого отношения. На следующий день Демьяненко доложил Заварицкому, что у Маколдина, приказчика фирмы «Кунст и Альберс», хранятся книги с печатями военной организации противоправительственного содержания, документы и печать. Все было найдено при обыске, кроме печати, которую, как позже рассказывал Бадиров начальнику Охранного отделения, во время обыска сожительница Маколдина сумела выбросить в отхожее место⁷³.

Демьяненко продолжал свою агентурную работу и писал новые доклады о деятельности военной организации. Он посещал собрания, выполнял различные поручения⁷⁴.

27 октября во время собрания у матроса Зотова, живущего в Рабочей слободке, Форлинский поинтересовался у Демьяненко, нет ли у него свободной квартиры для хранения типографии, а сам он остерегается хранить ее у себя дома. Агент обещал помочь. В тот вечер член городской управы Дюков снабдил всех деньгами из оскудевшей кассы организации, чтобы в случае крайней необходимости имелись средства, чтобы покинуть город⁷⁵.

Общим голосованием на собрании было принято решение отказаться от активной деятельности. Выступая с речью, Белевский поднял главный вопрос: нужны деньги для конспиративной квартиры и для содержания партийных работников. Пополнить партийную кассу, имея в арсенале 6 браунингов, 2 винтовки, 4 бомбы, можно было только с помощью экспроприации, ответственность за которую взял на себя Владимир, обещая подключить к делу верных людей. Он

предлагал два варианта: либо совершить налет на железнодорожную кассу в Никольск-Уссурийске, либо в декабре принять участие в экспроприации в Хабаровске «на золото, перевозимое с амурских приисков по Амуру в Благовещенск». С получением денег было решено пустить в ход нелегальную типографию, начать кружковые занятия среди рабочих порта, матросов и нижних чинов гарнизона. Было также принято решение организовать покушения на лиц, причастных к жесткому подавлению восстания. Убийство Флуга, Ирмана и Заварицкого должны стать для солдат и матросов гарнизона крепости сигналом к новому восстанию⁷⁶.

В конце октября 1907 г. в город приехал Борис Павлович Кларк, которому Нагасакский комитет поручил вести подготовку восстания во Владивостоке. Он должен был договориться с местными революционными организациями о передаче партии оружия и нелегальной литературы из Японии, но был арестован жандармами по донесению Демьяненко, который сумел его опознать, хоть и не сразу⁷⁷.

После ареста Кларка члены военной организации стали покидать город. 4 ноября Демьяненко, скорее всего, решивший, что такой ценный информатор, как Белевский, ему больше не нужен, решает сдать революционера властям. Но арестовать Белевского так и не успели: придя с обыском в дом, где проживал сотрудник редакции газеты «Приморье», выяснилось, что Белевский все время снимал квартиру, имея при себе фальшивый паспорт. Когда все встало на свои места: оказалось, что газетный сотрудник Скворцов покинул свое скромное жилье ночью, после того, как к нему присоединился Форлинский, успевший разобрать станок нелегальной типографии, сжечь ее деревянные части, предварительно закопав за городом шрифты. Утренним пароходом они отбыли в Маньчжурию. Другие члены организации спешно покидали город, обзаведясь заранее подготовленными фальшивыми паспортами. Демьяненко писал в докладе: «Студенты Владимир Карпов, Владимир с женой Миной отбыли в Москву. Студенты Вологодский, Шустов, Коханский бежали в Манчжурию. Несколько рабочих уехали в неизвестном направлении»⁷⁸.

4 ноября 1907 г. подполковник Заварицкий доложил на приеме у коменданта крепости Ирмана: «За короткий срок 2 месяца удалось в деле политического розыска достигнуть сразу довольно значительных результатов. Раскрыты деятели Владивостокской военной организации, и задержаны, найдены бомбы на Суйфунской улице, в порту найдены во время обыска печать военной организации, чертежи бомб, благодаря тщательному наблюдению за портовыми рабочими удалось выявить главных агитаторов». При этом он отметил, что «столь быстрые и энергичные успехи получились благодаря самоотверженной, разумной и энергичной деятельности двух главных агентов вверенного мне отделения Буговского и Попова, исполнявших свои обязанности под вечным страхом смерти, не перед чем не

остановившимся». Заварицкий во время доклада ходатайствовал о предоставлении своим агентам отпуска, а также премии в размере 200 руб. каждому⁷⁹.

* * *

Осень 1907 г., богатая на события, закончилась для подполковника Заварицкого расставанием с должностью начальника Охранного отделения Владивостокской крепости. В начале декабря в эту должность вступил прибывший из столицы отставной коллежский асессор Николай Иванович Губский.

Отношения Заварицкого с вновь назначенным начальником Охранного отделения сразу не сложились. При передаче дел Губскому он допустил оплошность: передал ему все письменные доклады агентуры, в том числе не зарегистрированные доклады агентов и счета без подписей. Н.И. Губский тут же доложил об этом в Департамент полиции, и Заварицкий получил строгий выговор от директора Департамента полиции. «Думал я, что имею дело с честным и порядочным человеком, который не злоупотребит моим доверием», – с сожалением подвел итог этому инциденту подполковник⁸⁰.

Изучив агентурные доклады Демьяненко и Бадилова, новый начальник Охранного отделения пришел к выводу, что секретные сотрудники, пользуясь тем, что Заварицкий мало знаком с политической обстановкой в Приморской области и практически не имел опыта работы в политическом розыске, «были весьма плохо осведомлены и сообщали ему сведения весьма неопределенного и сомнительного характера»⁸¹.

Кроме того, ознакомившись с делами арестованных, не признавших свою вину, Н.И. Губский пришел к выводу, что неожиданное восстание на миноносцах 17 октября 1907 г. стало основной причиной, толкнувшей агентов Демьяненко и Бадилова на провокацию. Поводом послужила ссора между начальником Охранного отделения и секретными сотрудниками вечером 17 октября, когда Заварицкий вызвал их к себе и в жесткой форме отчитал, обвиняя в том, что именно они не дали ему «возможности схватить главных заправил, 3 из коих были убиты во время этого восстания». Встреча закончилась тем, что Заварицкий просто выгнал их вон, потребовав немедленно начать работать ответственно и результативно. Агенты покинули квартиру своего начальника крайне озлобленными на него, но возразить им было нечего: события, развивавшиеся столь стремительно, стали большой неожиданностью для них самих⁸².

Демьяненко и Багиров понимали, что требование Заварицкого «работать ответственно и результативно» ставило их в затруднительное положение. После восстания члены партийной организации спешно покидали город, обзаведясь заранее изготовленными фаль-

шивыми паспортами, либо ушли в глубокое подполье. Задержание и арест видных деятелей партии, таких как Белевский или Форлинский, были невозможны: революционерам сразу стало бы ясно, кто сдал их товарищей. Оставался крайний вариант – «помочь» требовательному начальству арестовать «членов» Владивостокской военной организации, эсеров-максималистов. В этой ситуации Демьяненко выступил организатором – составил план действий, а Бадилов исполнителем – сумел вместе с прапорщиком Церпинским его воплотить. Их доклады и помогли Н.И. Губскому «расколоть» секретных сотрудников, где было очень много нестыковок фактов, неясных ситуаций и ошибок.

В качестве примера рассмотрим арест Ивана Дмитриевича Мироненко, сотрудника газеты «Приморье».

Демьяненко выбирал жертвы из числа людей, сочувствующих освободительному движению, либо кого сам знал лично. Будучи в Японии, он несколько раз видел Ивана Дмитриевича Мироненко (он же Шмулер Меерович Гольдбрейх) в окружении Бориса Оржика. Когда Гольдбрейх вернулся из Японии и появился в редакции газеты «Приморье» как газетный сотрудник, агент сразу узнал его и внес в списки Охранного отделения как человека, «подозреваемого в революционной деятельности». В докладах начальнику Охранного отделения Демьяненко отмечал участие Гольдбрейха на собраниях в горячих политических спорах в Народном доме, но Заварицкий не нашел эти сведения основательными для ареста⁸³.

Бадилов провел в квартире обыск во время отсутствия Мироненко. Поскольку журналист был квартиросъемщиком, секретный сотрудник явился к собственнику жилья, переодевшись в форму жандармского офицера, и потребовал ключи от квартиры, где спрятал революционную прокламацию, проштампованные печатью военной организации⁸⁴.

При обыске они были найдены. Демьяненко в своем докладе написал, что прокламация была найдена между книгами на книжной полке. Но его слова опровергает доклад присутствующего во время обыска помощника прокурора Чукавшова, ставшего свидетелем ссоры между хозяином квартиры и прапорщиком Церпинским. Причиной, по его словам, стала попытка прапорщика незаметно вытащить прокламацию, проштампованную печатью военной организации, из кармана брюк⁸⁵.

Арестованный Ш.М. Гольдбрейх в 1908 г. был освобожден после того, как выяснилось, что во Владивостокской военной организации эсеров-максималистов не состоял. Но только потому, что до июня 1917 г. был большевиком. В партийных кругах этого профессионального революционера, социал-демократа иногда звали Самуилом Михайловичем, в газете «Приморье» его знали как Ивана Дмитриевича Мироненко, поскольку такая фамилия значилась в его фальшивом паспорте, по которому он проживал во Владивостоке⁸⁶.

Командир Отдельного корпуса жандармов генерал-лейтенант барон Ф.Ф. фон Таубе позже в одном из писем М.И. Трусевичу выскажет свое мнение о секретных сотрудниках Демьяненко и Бадилове: «Когда их проделка была разоблачена заступившим в должность начальника охранного отделения Губским, то для оправдания своих незаконных поступков им оставалось только утверждать, что они действовали по приказу Заварицкого»⁸⁷.

Начальник Охранного отделения Н.И. Губский действительно использовал секретных сотрудников в своей интриге. Говоря о встрече с Заварицким 17 октября, Демьяненко показал: «Для оправдания себя перед высшим начальством, подполковник Заварицкий прибегает к мистификации, грозя мне в случае неповиновения “провалить” меня, говоря: “Спасите меня от неприятностей и сами получите награду”»⁸⁸.

Демьяненко заявил, что подполковник Заварицкий опасался обвинения властей в том, что он как начальник Охранного отделения не смог предотвратить революционные выступления во Владивостоке 16 и 17 октября. И поэтому стал просить своих агентов помочь ему «выпутаться из этого положения и указал, что, с целью избавиться от грозящей ему ответственности, ему следовало бы теперь же произвести ряд действий, которые, увенчавшись блестящим успехом, засвидетельствовали бы в глазах начальства его действительно усердное отношение к обязанностям его службы, его бдительность и энергию». По словам Демьяненко, план включал изготовление бомб, фальшивой печати Главного комитета военной организации, подбрасывание нелегальной литературы во время обысков, что искусственно создавало ликвидацию членов преступного сообщества. 17 октября были готовы медная и деревянная печать Главного комитета военной организации. Заварицкий заставил его с Бадиловым проштамповать нелегальную литературу, якобы найденную у Мироненко, и подбросить их до обыска другому кандидату в революционеры, Маколдину, и доказать этим существование библиотеки военной организации⁸⁹.

Добившись 17 декабря от секретных сотрудников обвинительных заявлений против Заварицкого, начальник Охранного отделения Н.И. Губский уволил Бадилова и Демьяненко, снабдив их деньгами и билетами до Санкт-Петербурга. Обоим Заварицкий в тот же день написал рекомендации. По словам Заварицкого, Демьяненко был очень смущен и растерян. Но уже днем ему стала ясна причина странного поведения Демьяненко: секретный сотрудник дал Н.И. Губскому показания против него, а Бадилов и Церпинский эти показания подтвердили⁹⁰.

18 декабря Заварицкий успел отдать приказ об аресте бывших сотрудников Охранного отделения по обвинению в провокации, и жандармы арестовали их на перроне вокзала. Демьяненко и Бадилов так и не смогли покинуть город⁹¹.

«Тонкая интрига тут была проведена, – с горечью и возмущением писал Заварицкий в письме своей сестре. – Заявление их Губскому называют явкой с повинной, но какая же это явка, когда все было к тому, чтобы уехать отсюда. Ведь нужные агенты были ублажены им, все что нужно, продиктовали, снабдили деньгами и билетами и уезжай, а так как у каждого из них по несколько паспортов, то их конечно, после бы и не разыскивали»⁹².

Накануне своего ареста Демьяненко выполнил последнее задание в качестве секретного сотрудника Охранного отделения Владивостокской крепости.

В середине декабря 1907 г. Хабаровская организация под руководством инженера-технолога Окунева намеревалась провести экспроприацию золота в слитках, подлежащего отправке из Благовещенска в Хабаровск. Для проведения экска, поскольку транспорт усиленно охранялся, хабаровские социалисты-революционеры попросили помочь товарищей из Владивостока. В группе, которая выехала в Хабаровск, и находился секретный сотрудник Демьяненко. Благодаря его действиям вся группа была арестована сразу по прибытии в Хабаровск. Кроме того, Демьяненко содействовал установлению филерского наблюдения в Хабаровске, в результате чего в городе была ликвидирована вся организация Окунева⁹³.

* * *

20 декабря подполковник Заварицкий был привлечен к дознанию в качестве подозреваемого.

Начальник Охранного отделения Владивостокской крепости Н.И. Губский обвинил подполковника в бездействии власти и подлогах (ст. 645 Уголовного Уложения и ст. 362 Устава о наказаниях). 22 декабря Заварицкий был заключен под стражу на Владивостокской крепостной гауптвахте. Своей вины он не признал, объявив все происходящее с ним интригой и мстью начальника Охранного отделения⁹⁴.

Заварицкий отверг все обвинения, выдвинутые бывшими его секретными агентами, в том числе и в бездействии власти: «Эти два субъекта обвиняют прежде всего в том, что они всегда, будто бы давали мне самые точные сведения о готовившемся восстании. Будто бы Бадилов мне еще 15 октября сообщил, что ночью на лодке передут в минный батальон революционеры, чтобы поднять восстание, и я ничего не сделал для предупреждения сего; но и это ложь; я такого донесения и глазами не видал и ушами не слыхал, а если бы оно было, то я наверно не остался бы безучастным зрителем на все это; я ведь, в данном случае страшный черносотенец, я бы уже сам пошел бы караулить, а их живых бы уже не выпустил»⁹⁵.

«Никаких свидетелей ими в подкрепление сего доноса не представлено, хотя, конечно их и быть не может, так как я в этом непо-

винен, – заявил подполковник, – и об этом мне ничего известно не было. Они же оба и заявляют, что все это они сами действительно проделали. Агенты доказывают, что я к ним причастен только тем, что доносы написаны на бумаге фабрики Даргунина, которую я постоянно использовал, других доказательств нет»⁹⁶.

Арестованные секретные сотрудники были в тесных отношениях с Губским, передавали ему записки за подписью «Ваш сотрудник». Заварицкий оценил эти отношения так: «Денежные отношения между Губским и ними продолжались и в то время, и воздействие его на них несомненно. Допрос вел сам Губский при прокуроре окружного суда Шульце, сам же он вводил и выводил агентов в другую комнату и говорил с ними»⁹⁷.

В своем прошении на имя директора Департамента полиции от 8 января 1908 г. Заварицкий уверенно утверждал, что агенты могли все подлоги сфальсифицировать сами, автором же этой идеи он считал Демьяненко.

Против подполковника Заварицкого, «в виду важности заявления, имеющего связь с представлением отданием под суд около двадцати невинных людей с угрозой смертной казни», было начато уголовное расследование на основании показаний секретных сотрудников Охранного отделения Владивостокской крепости. Дело было передано Н.И. Губским гражданскому прокурору А.А. Шульцу. Его решение поддержали военный прокурор Шабунин и начальник штаба Владивостокской крепости полковник А.П. фон Будберг⁹⁸.

Прошение Заварицкого на имя директора Департамента полиции от 8 января 1908 г. было намеренно задержано во Владивостоке, о его существовании М.И. Трусевич узнал в конце января 1908 г. из доклада начальника Иркутского губернского жандармского управления Л.Н. Кременецкого⁹⁹.

Директор Департамента полиции расценил подобную служебную деятельность Н.И. Губского как самоуправство и начал служебное расследование в отношении начальника Охранного отделения Владивостокской крепости, результатом которого стало увольнение 28 января 1908 г. Н.И. Губского¹⁰⁰.

Лишившись покровительства начальника Охранного отделения, Демьяненко и Бадилов обвинили Н.И. Губского в своем разоблачении. В письме директору Департамента полиции М.И. Трусевичу они написали: «Мы не признаем своей вины. Мы были агентурными сотрудниками, нам обещали, что мы никогда не будем выданы обществу, никто не будет знать, что мы сотрудники охранного отделения. Иначе бы не согласились сотрудничать. Начальник Губский прескверно с нами поступил. Мы заявили о мистификации подполковника Заварицкого и просили донести до вас. Он же призвал гражданского прокурора и все слил обществу. Мы вызваны в суд в качестве свидетелей и мы должны были перед судом повторять то, что давали в секрете только одному начальнику охранного от-

деления... Но оказывается, Губский поссорился с подполковником Заварицким, спровоцировал меня на сведения, но не доносить, куда я прошу, а передать дело судебной власти... Теперь я нахожусь между двух огней... с одной стороны, судебные власти, с другой – революционеры»¹⁰¹.

В рапорте директору Департамента полиции Бадиров писал: «Разоблачение я на себя не брал, а меня допросил начальник Губский, после заявления другого агента, Демьяненко. Затем, получив мою рукопись, заставил меня повторить заявление перед следственной властью. Он обманул меня, сказав, что показания пойдут непосредственно в департамент полиции, и вызвал гражданского прокурора. Он выдал меня обществу “кто я”, тем нарушил устав охранной службы»¹⁰².

Оказавшись заключенными в крепостную гауптвахту, агенты написали немало писем директору Департамента полиции М.И. Трусевичу. В одном из писем они не скрывали тревоги за свою судьбу, опасаясь мести революционеров: «Но на гауптвахте им это трудно провести в исполнение. А скоро нас осудят по делу подполковника Заварицкого и переведут в гражданскую тюрьму, то там без всякого труда есть возможность лишить нас жизни или выжечь глаза кипятком. Просим сказать в нашу защиту. Даже стража из солдат и то шепчет нам в спины – шпики, провокаторы. Такое обращение к нам и других сотрудников, хотя мы сотрудничаем с охранным отделением»¹⁰³.

Одной из просьб, не раз высказанных Демьяненко в его письмах в Департамент полиции, была просьба выплатить жалованье: «За шесть месяцев я истратил все, что смог сберечь тяжелой службой секретного агента, – говорилось в одном из них. – Теперь я испытываю нужду тяжелую и помочь мне некому, так как все отвернулись от меня и клеймят позорным именем. Я надеюсь на гуманность. Социалисты, сидя на гауптвахте, чувствуют лучше себя, чем я, служивший государю верой и правдой. Они ежедневно получают от своих товарищей с Красного креста по 50 копеек»¹⁰⁴.

Но в большинстве случаев Департамент полиции всегда избавлялся от уличенных в преступлениях сотрудников: от уголовной ответственности и увольнения не спасали ни клятвенные обещания, ни прежние заслуги. После многочисленных телеграмм и писем подследственным вручили телеграмму с подписью директора Департамента полиции, которая известила их о том, что «с момента ареста они в числе сотрудников департамента не состоят»¹⁰⁵.

В октябре 1908 г. распоряжением командующим войсками Приамурского военного округа П.Ф. Унтербергера дела подполковника Заварицкого, секретных сотрудников Демьяненко и Бадирова были переданы в Приамурский военно-окружной суд. 12 ноября Демьяненко и Бадиров были оправданы, а 15 ноября Заварицкий был приговорен к трем годам арестантского отделения с лишением

всех прав состояния¹⁰⁶.

Оба бывших сотрудника покинули Владивосток, оставаться в городе было небезопасно: они опасались мести со стороны революционеров.

27 января 1909 г. через Генеральное российское консульство в Шанхае Демьяненко обратился к директору Департамента полиции с ходатайством о выдаче ему жалованья «за время заключения его под стражу за соучастие в деле подполковника Заварицкого» на переезд из Шанхая, а также «принять обратно на службу»¹⁰⁷.

На такой шаг его толкнула крайняя нужда, голод и нищета. Одно из его писем директору департамента, написанное летом 1908 г., оказалось для него пророческим: «Оборванный, без места, денег, в обществе известный за “provokatora”, что должен буду делать при освобождении?... Ваше Высокопревосходительство, освободите меня или выпустите на поруки и не откажите в службе, так как я, силою вещей, оттолкнут от общества и могу служить только правительству, и рассчитываю на его защиту»¹⁰⁸.

Демьяненко писал М.И. Трусевичу: «Я всегда приносил только одну пользу. По моим сведениям были задержаны Алексеевский, Кларк, в Хабаровске – Клещева, Окунев со своей организацией, окончательно ликвидирована Владивостокская революционная организация... я умею войти в центр руководителей и облегчу задачу их задержания... Как трудно быть среди интеллигентных революционеров, во Владивостоке я был среди них, и знаю тех, кто еще на свободе. Потому что я не знаю их по фамилиям, но я могу узнать их в лицо, чтобы филеры могли их взять под наблюдение»¹⁰⁹.

3 апреля 1909 г. ротмистр И.Е. Хуциев, новый начальник Охранного отделения Владивостокской крепости, получил от директора Департамента полиции М.И. Трусевича указание выделить из «сумм, отпущенных на агентурные расходы», бывшему сотруднику Охранного отделения Владивостокской крепости 200 руб. на переезд из Шанхая¹¹⁰.

Но кроме этого указания 3 апреля 1909 г. на стол начальника Охранного отделения легла секретная телеграмма за номером 126875: «Бывший сотрудник охранного отделения Илья Демьяненко хоть и оправдан судом за соучастие в деле подполковника Заварицкого, он ни в коем случае не должен быть допущен к оставлению по службе при охранном отделении в виду уличения в провокации и шантаже. М.И. Трусевич»¹¹¹.

Так была поставлена точка в служебной карьере агента охранки.

* * *

Найденные и проанализированные нами документы позволили проследить за карьерой одного из сотрудников Охранного отделения Владивостокской крепости Ильи Никифоровича Демьяненко,

которая началась с желания служить Отчизне и закончилась деятельностью, повлекшей за собой провал агента. Эти же документы свидетельствуют и о том, что секретный сотрудник стал не жертвой провокации, а ее участником.

Агентурные доклады этого секретного сотрудника позволяют судить о нем как об умном, начитанном и интеллигентном человеке. Все они отличались литературным изложением и производили сильное впечатление своей откровенностью и искренностью. Свои сведения он преподносил несколько рисуясь, стараясь ошеломить своей эрудицией, фотографической памятью, умением войти в доверие к революционерам, преданностью делу.

Демьяненко действительно отличался от своих «коллег по цеху»: многие агенты, завербованные охранкой, вынуждены были работать в агентуре поневоле, под угрозой заключения в тюрьму, ссылки, не на совесть, а за страх. Неустроенность подпольной и своей жизни, невозможность иметь семью и детей, постоянный страх перед разоблачением толкали их на предательство и другие низкие поступки. При том что общественное мнение о деятельности охранных отделений было негативным. Российский обыватель брезгливо и презрительно относился к работе секретного сотрудника.

Секретный сотрудник мог работать несколько дней, а мог и несколько лет, в зависимости от продолжительности существования революционной среды, а также от личных качеств, осторожности и руководства. Разоблаченные агенты в своих агентурных донесениях и докладах не раз упоминали вакуум, возникший вокруг них после того, как их деятельность в Охранном отделении становилась достоянием общественности.

Вознаграждение назначалось в зависимости от важности информации: освещавшие деятельность центральных комитетов или боевых групп получали большее содержание, чем другие сотрудники, дававшие отрывочные сведения об отдельных революционерах.

Сам Демьяненко писал, что добровольно стал сотрудником Охранного отделения из желания послужить Отечеству (он считал себя на службе царя) в деле борьбы с революцией. Однако возможно также, что сыграло свою роль и стремление поправить материальное положение. Денежное довольствие, которое выплачивалось ежемесячно, независимо от результативности работы агента, стало причиной, почему Демьяненко согласился играть двуличную роль, которая ежеминутно могла быть раскрыта перед обществом. Агентурная работа сделала его лицемером, неискренним и корыстным человеком.

Почему секретный сотрудник Демьяненко своей агентурной деятельностью не смог предотвратить восстание в октябре в 1907 г. во Владивостоке на миноносцах? Ведь быть осведомленным о замыслах, настроениях и шагах активных революционных организаций – такая была его основная задача. Все дело, видимо, в профессиона-

лизме и ответственности.

Необходимо понимать, что Демьяненко выполнял обязанности «осведомителя-сотрудника», а навыков филера, как и агента, работающего под прикрытием в революционной организации, у него не было. Кроме того, успешность секретного сотрудника, работающего в революционной организации, гарантировала совместная работа филеров и вспомогательных агентов, что было невозможно ввиду отсутствия во Владивостоке профессионалов розыска.

Демьяненко своей деятельностью, не имея должного опыта, показал свою способность работать в розыске. При его участии были арестованы члены Владивостокской и Хабаровской организации социалистов-революционеров (Клещев, Окунев, Кисляков, Стуков), военный революционный деятель Б.П. Кларк.

С одной стороны, безусловно, Демьяненко был смел и решителен, готов пойти на преступления ради поставленной задачи, о чем свидетельствует его готовность устроить взрыв в клубе революционеров в Японии. С другой стороны, он оказался малодушным человеком, который, столкнувшись с перспективой наказания, стремительно «реабилитировал» себя лживыми показаниями. Ступить на провокационный путь его побудило требование активных действий от его начальника, стремившегося из служебных побуждений, а также из-за личных амбиций к широким ликвидациям, которые всегда влекут за собой задержание и арест невинных людей. Его жертвами стали как революционеры, так и бывший начальник, которого он, боясь собственного разоблачения, отправил на скамью подсудимых без угрызений совести.

Ужасные мысли о людях, невинно сидящих за решеткой, не терзали его. Чувство самосохранения сделало из Демьяненко добросовестного доносчика, над которым висел дамоклов меч – разоблачение его деятельности в «царской охранке».

При чтении донесений, в которых секретный сотрудник разоблачал провокационную деятельность своего начальника, подполковника Заварицкого, не покидает ощущение, что агент не только заметал следы собственной вины, но и в своих доносах находил самоутешение и моральное оправдание.

Отвечать за провокационные проступки агента пришлось руководителям розыска, тем, кто верил секретному сотруднику и действовал на основании полученных от него сведений. Прохождение секретных сотрудников по делу социалистов-революционеров или их участие в суде в качестве свидетелей было редким явлением. После разоблачения и провала секретного сотрудника ждало увольнение, ставившее его в самое тяжелое положение в материальном плане на протяжении всей последующей жизни. Отвергнутые бывшим начальством, разоблаченные агенты, подобно Бадинову или Демьяненко, имея несколько нелегальных паспортов, появлялись в другом городе, где предлагали свои услуги уголовной и политиче-

ской полиции.

Знакомые с требованиями розыска, они снова и снова начинали систематически лгать и шантажировать. Но конец агентурной карьеры таких сотрудников наступал только тогда, когда их имена появлялись в особом циркуляре Департамента полиции, запрещавшем руководителям розыска любое сотрудничество с этими людьми.

Нищета и презрение общества оставались их уделом.

Провокационная скандальная деятельность секретных сотрудников охранного отделения во Владивостоке в 1907 г. негативно отразилась на деятельности охранного отделения, подорвала престиж Департамента полиции. Но после этого случая Департамент полиции стал больше обращать внимание на деятельность начальников охранных отделений в дальневосточном регионе, на их отношения с секретными сотрудниками, предостерегая от нечистоплотных провокационных методов борьбы с революционным движением, заботясь о репутации и чистоте мундира.

Примечания Notes

¹ *Лаврёнова А.М.* Гордость и предубеждение и «охранка»: Политический сыск в современной российской историографии // История и архивы. 2019. № 1. С. 33–35.

² *Рууд Ч., Степанов С.А.* Фонтанка 16: Политический сыск при царях. Москва, 1993; *Перегудова З.И.* Политический сыск России (1880 – 1917). Москва, 2000; *Овченко Ю.Ф.* Московская охранка на рубеже веков: 1880 – 1904 гг. Москва, 2010; *Чудакова М.С.* Становление региональных органов политического сыска в царской России // Ярославский педагогический вестник. 2014. Т. 1. № 2. С. 44–50; *Джунджузов С.В.* Политический сыск на Южном Урале в период революции 1905 – 1907 годов: Совершенствование организации и методов работы // Правопорядок: история, теория, практика. 2017. № 4 (15). С. 34–45; *Лаврёнова А.М.* Архив Штаба Отдельного корпуса жандармов // История и архивы. 2019. № 2. С. 12–22.

³ *Daly J.* Autocracy under Siege: Security Police and Opposition in Russia, 1866 – 1905. DeKalb (IL), 1998; *Daly J.* The Watchful State: Security Police and Opposition in Russia, 1906 – 1917. DeKalb (IL), 2004.

⁴ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 110. Оп. 2. Д. 11521. Л. 1.

⁵ Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. 702. Оп. 3. Д. 199. Л. 244.

⁶ ГА РФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 11521. Л. 49.

⁷ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 4. Д. 605. Л. 24

⁸ *Унтербергер П.Ф.* Приамурский край: 1906 – 1911 гг.: Очерк. Санкт-Петербург, 1912. С. 401.

⁹ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 199. Л. 244.

¹⁰ ГА РФ. Ф. 102. Д-3. Оп. 316. 1907 г. Д. 580. Т. 4. Ч. 45. Л. 66.

¹¹ Там же.

¹² РГИА ДВ. Ф.87. Оп. 1. Д. 1591. Л. 58.

¹³ «Охранка»: Воспоминания руководителей политического сыска. Т. 1. Москва, 2004. С. 93.

¹⁴ ГА РФ. Ф. 102. Д-3. Оп. 316. 1898 г. Д. 580. Ч. 45. Л. 20.

¹⁵ Там же. Л. 29.

¹⁶ Там же. Л. 77–78.

¹⁷ РГИА ДВ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 1591. Л. 58.

¹⁸ ГА РФ. Ф. 110. Оп. 6. Д. 1741. Л. 154об.

¹⁹ РГИА ДВ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 1591. Л. 422.

²⁰ Там же. Л. 140.

²¹ ГА РФ. Ф. 102. Д-3. Оп. 316. 1909 г. Д. 51. Т. 2. Л. 100об.

²² ГА РФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 11521. Л. 62.

²³ Там же. Л. 49.

²⁴ ГА РФ. Ф. 102. Д-3. Оп. 316. 1907 г. Д. 580. Ч. 45. Л. 69.

²⁵ ГА РФ. Ф. 110. Оп. 6. Д. 1741. Л. 160.

²⁶ «Охранка»: Воспоминания руководителей политического сыска. Т. 1. Москва, 2004. С. 93.

²⁷ ГА РФ. Ф. 102. Д-3. Оп. 316. 1907 г. Д. 580. Ч. 45. Л. 66.

²⁸ ГА РФ. Ф. 102. Д-3. Оп. 316. 1909 г. Д. 51. Т. 2. Л. 101.

²⁹ РГИА ДВ. Ф. 1. Д. 536. Оп. 1. Л. 1

³⁰ ГА РФ. Ф. 102. Д-3. Оп. 316. 1909 г. Д. 51. Т. 2. Л. 101.

³¹ ГА РФ. Ф. 110. Оп. 6. Д. 1741. Л. 151.

³² Там же. Л. 153об.

³³ Там же. Л. 154об.

³⁴ Там же. Л. 155.

³⁵ Там же. Л. 155.

³⁶ Там же. Л. 15.

³⁷ ГА РФ. Ф. 102. Д-3. Оп. 316. 1907 г. Д. 580. Т. 4. Ч. 45. Л. 69.

³⁸ ГА РФ. Ф. 110. Оп. 6. Д. 1741. Л. 154.

³⁹ ГА РФ. Ф. 102. Д-3. Оп. 316. 1907 г. Д. 580. Т. 4. Ч. 45. Л. 70.

⁴⁰ ГА РФ. Ф. 102. Д-3. Оп. 316. 1898 г. Д. 580. Ч. 45. Л. 9.

⁴¹ Там же. Л. 34.

⁴² Там же. Л. 33.

⁴³ Там же. Л. 35.

⁴⁴ Там же. Л. 36.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же. Л. 35.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же. Л. 32.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Там же. Л. 31.

⁵¹ Там же. Л. 29.

⁵² Там же. Л. 27.

⁵³ Там же. Л. 24.

⁵⁴ Там же. Л. 22.

- ⁵⁵ ГА РФ. Ф. 102. Д-3. Оп. 316. 1909 г. Д. 51. Т. 2. Л. 101.
⁵⁶ Там же. Л. 24.
⁵⁷ ГА РФ. Ф. 102. Д-3. Оп. 316. 1898 г. Д. 580. Ч. 45. Л. 20.
⁵⁸ Там же.
⁵⁹ Там же.
⁶⁰ Там же. Л. 36об.
⁶¹ ГА РФ. Ф. 110. Оп. 6. Д. 1741. Л. 155.
⁶² ГА РФ. Ф. 102. Оп. 316. 1908 г. Д. 51. Ч. 2. Л. 10.
⁶³ ГА РФ. Ф. 102. Д-3. Оп. 316. 1907 г. Д. 580. Ч. 45. Л. 70.
⁶⁴ Там же.
⁶⁵ Там же. Л. 20.
⁶⁶ Там же. Л. 18.
⁶⁷ Там же. Л. 15.
⁶⁸ Там же. Л. 16.
⁶⁹ РГИА ДВ. Ф. 87. Оп. 4. Д. 1676. Л. 23.
⁷⁰ Там же.
⁷¹ ГА РФ. Ф. 110. Оп. 6. Д. 1741. Л. 156.
⁷² ГА РФ. Ф. 102. Д-3. Оп. 316. 1898 г. Д. 580. Ч. 45. Л. 13.
⁷³ ГА РФ. Ф. 110. Оп. 6. Д. 1741. Л. 156.
⁷⁴ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 316. 1908. Д. 51 Ч. 2. Л. 10.
⁷⁵ Там же.
⁷⁶ Там же. Л. 9.
⁷⁷ Там же. Л. 7.
⁷⁸ Там же. Л. 1.
⁷⁹ ГА РФ. Ф. 102. Д-3. Оп. 105. 1907 г. Д. 559. Л. 8.
⁸⁰ ГА РФ. Ф. 110. Оп. 6. Д. 1741. Л. 156об.
⁸¹ ГА РФ. Ф. 102. Д-7. Оп. 204. 1907 г. Д. 9107. Л. 39.
⁸² ГА РФ. Ф. 102. Д-3. Оп. 316. 1898 г. Д. 580. Ч. 45. Л. 16.
⁸³ Там же. Л. 34.
⁸⁴ ГА РФ. Ф. 110. Оп. 6. Д. 1741. Л. 160.
⁸⁵ Там же.
⁸⁶ ГА РФ. Ф. 102. Д-3. Оп. 316. 1898 г. Д. 580. Ч. 45. Л. 34.
⁸⁷ ГА РФ. Ф. 102. Д-7. Оп. 204. 1907 г. Д. 9107. Л. 39.
⁸⁸ ГА РФ. Ф. 102. Д-3. Оп. 316. 1907. Д. 580. Ч. 45. Л. 67.
⁸⁹ ГА РФ. Ф. 102. Д-7. Оп. 204. 1907 г. Д. 9107. Л. 10–13.
⁹⁰ ГА РФ. Ф. 110. Оп. 6. Д. 1741. Л. 157.
⁹¹ ГА РФ. Ф. 102. Д-7. Оп. 204. 1907 г. Д. 9107. Л. 1–2.
⁹² ГА РФ. Ф. 110. Оп. 6. Д. 1741. Л. 159–159об.
⁹³ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 316, 1908. Д. 51. Ч. 2. Л. 10.
⁹⁴ ГА РФ. Ф. 102. Д-7. Оп. 204. 1907 г. Д. 9107. Л. 1–2.
⁹⁵ ГА РФ. Ф. 110. Оп. 6. Д. 1741. Л. 158об.
⁹⁶ Там же. Л. 160.
⁹⁷ Там же. Л. 161.
⁹⁸ ГА РФ. Ф. 102. Д-3. Оп. 316. 1898 г. Д. 580. Ч. 45. Л. 35.
⁹⁹ Там же. Л. 36.
¹⁰⁰ Там же.

- ¹⁰¹ Там же. Л. 67.
¹⁰² ГА РФ. Ф. 102. Д-3. Оп. 316. 1907 г. Д. 580. Ч. 45. Л. 72.
¹⁰³ Там же. Л. 74.
¹⁰⁴ Там же. Л. 73.
¹⁰⁵ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 316. 1898 г. Д. 580. Ч. 45. Л. 57.
¹⁰⁶ ГА РФ. Ф. 102. Д-7. Оп. 204. 1907 г. Д. 9107. Л. 46.
¹⁰⁷ ГА РФ. Ф. 102. Д-3. Оп. 316. 1907 г. Д. 580. Ч. 45. Л. 99.
¹⁰⁸ ГА РФ. Ф. 102. Д-7. Оп. 204. 1907 г. Д. 9107. Л. 39.
¹⁰⁹ Там же.
¹¹⁰ ГА РФ. Ф. 102. Д-3. Оп. 316. 1907 г. Д. 580. Ч. 45. Л. 99.
¹¹¹ Там же. Л. 104.

Автор, аннотация, ключевые слова

Бутырин Дмитрий Александрович – кандидат культурологии, доцент Дальневосточного федерального университета (Владивосток)
www1979@mail.ru

После окончания Русско-японской войны и подавления революции в Европейской части России во Владивостоке активизировалась антиправительственная деятельность революционных партий и групп, взявших на вооружение насильственные методы борьбы за власть. В этой ситуации Департамент полиции Министерства внутренних дел в конце 1906 г. организовал во Владивостокской крепости Охранное отделение. Главная задача этого учреждения политической полиции Российской империи состояла в борьбе против революционного движения прежде всего методом внедрения секретных сотрудников в подпольные организации и их ликвидация методом провокации.

В статье на основе неизвестных ранее архивных документов рассматриваются биографии и служебная деятельность двух секретных агентов Охранного отделения Владивостокской крепости в 1907–1908 гг. Раскрывается их активное участие в успешных и неудачных операциях охранного отделения, включая операции на территории Японии. Главное внимание уделено роли этих секретных агентов в операциях по выявлению и ликвидации террористических групп партии эсеров накануне и после Владивостокского восстания, произошедшего в октябре 1907 г. в сухопутных частях и на кораблях Тихоокеанского флота. Одним из итогов этих операций стал громкий скандал, в котором оказались замешаны не только секретные сотрудники, но и начальник Охранного отделения Владивостокской крепости подполковник А.Д. Заварицкий.

По оценке автора, именно действия секретных агентов привели к тому, что в результате организованной ими провокации репрессиям подверглись люди, не имевшие отношения к революционному подполью. Опасаясь разоблачения, они обвинили в провокации своего начальника, но это не спасло их: они оказались на скамье подсудимых вместе с подполковником А.Д. Заварицким. Кроме того, «дело Заварицкого» показало низкий уро-

вень профессиональной подготовки и использования секретных агентов в операциях против террористического подполья.

Революция 1905–1907 гг., Департамент полиции, Отдельный корпус жандармов, губернское жандармское управление, охранное отделение, жандармский офицер, секретный агент, партия социалистов-революционеров, евреи, Приморская область, Владивостокская крепость, Япония, В.Е. Флуг.

References

(Articles from Scientific Journals)

1. Chudakova, M.S. Stanovleniye regionalnykh organov politicheskogo syska v tsarskoy Rossii [The Formation of Regional Organs of Political Investigation in Tsarist Russia.]. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik*, 2014, vol. 1, no. 2, pp. 44–50. (In Russian)
2. Dzhundzhuzov, S.V. Politicheskii sysk na Yuzhnom Urale v period revolyutsii 1905 – 1907 godov: Sovershenstvovaniye organizatsii i metodov raboty [Political Investigation in the Southern Urals during the Revolution of 1905 – 1907: Improving Organization and Methods of Work.]. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika*, 2017, no. 4 (15), pp. 34–45. (In Russian)
3. Lavryonova, A.M. Arkhiv Shtaba Otdelnogo korpusa zhandarmov [The Archive of the Headquarters of the Separate Gendarme Corps.]. *Istoriya i arkhivy*, 2019, no. 2, pp. 12–22. (In Russian)
4. Lavryonova, A.M. Gordost i predubezhdeniye i “okhranka”: Politicheskii sysk v sovremennoy rossiyskoy istoriografii [Pride and Prejudice and the “Okhranka”: Political Investigation in Contemporary Russian Historiography.]. *Istoriya i arkhivy*, 2019, no. 1, pp. 30–47. (In Russian)

(Monographs)

5. Daly, J. Autocracy under Siege: Security Police and Opposition in Russia, 1866 – 1905. DeKalb (IL): Northern Illinois University Press, 1998, 260 p. (In English)
6. Daly, J. The Watchful State: Security Police and Opposition in Russia, 1906–1917. DeKalb (IL): Northern Illinois University Press, 2004. 320 p. (In English)
7. Ovchenko, Yu.F. Moskovskaya okhranka na rubezhe vekov: 1880 – 1904 gg. [The Moscow “Okhranka” at the Turn of the Century: 1880 – 1904.]. Moscow, 2010, 232 p. (In Russian)
8. Peregudova, Z.I. Politicheskii sysk Rossii (1880 – 1917) [Russia’s Political Investigation, 1880 – 1917.]. Moscow, 2000, 430 p. (In Russian)
9. Ruud, Charles A.; Stepanov, S.A. Fontanka 16: Politicheskii sysk pri tsaryakh [16 Fontanka Street: Political Investigation under the Tsars.]. Moscow, 1993, 432 p. (In Russian) = Ruud, C.A.; Stepanov, S.A. Fontanka 16: The Tsar’s Secret Police. Montreal: McGill-Queen’s University Press, 2002, 432 p. (In English)

Author, Abstract, Key words

Dmitriy A. Butyrin – Candidate of Cultural Sciences, Associate Professor, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia)
www1979@mail.ru

After the Russo-Japanese War ended and the 1905 Russian Revolution was suppressed in the European part of Russia, Vladivostok witnessed growing anti-government activities of revolutionary parties and groups that would resort to violent methods of struggle for power. In this situation in 1906 the Police Department of the Ministry of Internal Affairs set up a Security Department in the Vladivostok Fortress. This institution of the Russian Empire’s political police was aimed at fighting against revolutionary movement, primarily by infiltrating secret agents into underground organizations, and their elimination by means of provocation.

The article using previously unpublished archival documents describes the biographies and professional activities of two secret agents from the Security Department of the Vladivostok Fortress in 1907–1908. The author reveals their active participation in successful and unsuccessful operations initiated by the Security Department, including the ones on the territory of Japan. The focus is made on the role they played in operations aimed to spot and eliminate the terrorist groups of the Socialist Revolutionaries on the eve and after the Vladivostok revolt which occurred in October 1907 in land-based units and on the ships of the Russian Pacific Fleet. These operations ended in a big scandal involving not only the secret agents themselves, but also the head of the Security Department of the Vladivostok Fortress Lieutenant-Colonel A.D. Zavaritsky.

The author argues that it was due to the provocateurs’ actions that people who had no connection with the revolutionary underground were subjected to repressions. Fearing exposure, they accused their head of the provocation, but it was in vain: they found themselves in the dock together with Lieutenant-Colonel A.D. Zavaritsky. Moreover, Zavaritsky’s case revealed a low level of professional qualification and exploiting of secret agents in operations against terrorist underground organizations.

1905 Russian Revolution, Police Department (of the Ministry of Internal Affairs), Separate Gendarme Corps, Province Gendarme Department, Security Department (*Okhranka*), gendarme officer, secret agent, Party of Socialists-Revolutionaries, Jews, Primorsky region (Primorye), Vladivostok Fortress, Japan, General Vasilij E. Flug.

Т.Г. Архипова

**ВЛАСТЬ И ВОЙНА:
ОРГАНИЗАЦИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
ГОСУДАРСТВЕННОГО АППАРАТА СССР
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

T.G. Arkhipova

**Power and War:
The Organization and Activities of the USSR State Apparatus
during the Great Patriotic War**

Проблематика истории Великой Отечественной войны, несмотря на минувшие три четверти века, не утрачивает научной и политической актуальности, однако историки вряд ли когда-либо полностью отдадут долг тем, кто ушел на фронт и не вернулся или вернулся инвалидом, погиб в тылу от бомбежек и голода, не вкусил всех радостей земного бытия. Каждое новое поколение, используя уже имеющиеся источники, опираясь на новые, вооружившись современным инструментарием научного исследования, причем не только в гуманитарных науках, пытается дать свою интерпретацию событий самой разрушительной из всех войн в истории человечества.

Автор ставит перед собой задачу сравнить организацию и деятельность государственного аппарата советской России и СССР в годы Гражданской и Великой Отечественной войн, выявить особенности последней.

Первая из этих войн была Гражданской, что сужало возможности руководства страны по организации военных операций: зачастую отделить своих от чужих было сложно. В войне 1941–1945 гг. контуры врага были очевидны.

Во время этих войн во главе государства стояли авторитарные лидеры, фанатично следующие своей идее, не брезгуя при этом любыми средствами. Они по существу идентичными способами сумели консолидировать все имеющиеся в их распоряжении людские и материальные ресурсы для победы над частью собственного народа в первой войне и над вторгшимся на территорию страны врагом, в другой. Ленин действовал в ограниченном временном пространстве, поэтому многого не успел, выручило то, что, будучи никудышным стратегом, он был блестящим тактиком. Сталин обладал этими двумя качествами, да и времени в его распоряжении в межвоенный период оказалось достаточно. С помощью мер чрезвычайного характера страна преодолела потери, понесенные в результате Первой мировой и Гражданской войн, приступила к преобразованиям модернизационного характера, в том числе и в оборонных отраслях экономики. Весьма существенной была и проведенная во второй по-

ловине 1930-х гг. реорганизация государственного аппарата, он был подготовлен к работе в чрезвычайных условиях.

Ленин не успел до конца расправиться с оппозицией ни в стране в целом, ни в партии – Сталину это удалось в полной мере. В то же время, несмотря на периодически проводившиеся чистки и репрессии, количество членов партии к началу войны выросло почти в десять раз по сравнению с осенью 1917 г. При Ленине партия только вышла из подполья, при Сталине «Орден меченосцев» был хорошо структурирован. В межвоенный период была проведена большая идеологическая работа с населением, что в условиях войны, наряду с другими факторами, имело огромное значение.

В итоге накануне Великой Отечественной войны система управления была построена на основе «мобилизационной формы демократического централизма, при которой при жесткой централизации власти в небольших количествах допускалась под контролем разветвленного партийного аппарата исполнительская и совещательная инициатива»¹. Принимавшиеся в годы войны на самом высоком уровне акты, расширяющие права республик (законы от 1 февраля 1944 г.) и права народных комиссаров СССР в условиях военного времени (постановление СНК СССР от 1 июля 1941 г.) положения дел не меняли. Громкое заявление о расширении прав союзных республик с предоставлением им права внешнеполитических связей и права иметь национальные войсковые формирования серьезных последствий не имело. Наркоматы обороны в республиках остались на бумаге, функции же созданных в некоторых республиках наркоматов иностранных дел имели крайне ограниченный характер. Постановление же давало возможность наркомам принимать самостоятельные решения в исключительных случаях, когда центр не мог участвовать в этом. В иных случаях требовалось разрешение свыше.

В силу чисто субъективных причин война застала врасплох и того, и другого лидера. Первый, видимо, и представить себе не мог, что бюрократия, собственники, в результате захвата власти большевиками лишены власти и имущества, попытаются восстановить утраченное. Второй же просто не хотел верить поступающей из разных источников информации о надвигающейся катастрофе. В отличие от Ленина, не снижавшего активность после обретения власти, хотя есть основание говорить о некоторой растерянности, если не его самого, то его окружения, Сталин впал в депрессию, с небольшими перерывами продолжавшуюся до 30 июня. Даже такой верный сталинец, как Молотов, вынужден был отметить растерянность вождя в первые дни войны², не говоря о других мемуаристах.

Между тем, положение дел на фронте с каждым днем ухудшалось. Если даже допустить подлинность записей журнала посещений Сталина в первые дни войны (эти записи могли быть предварительными, но несостоявшимися или оформленными задним числом, что в делопроизводстве случается), он выступил по радио с соот-

ветствующим заявлением после назначения себя председателем Государственного Комитета Обороны, спустя более чем десять дней от ее начала. Лишь после этого он активизировал свою деятельность: к должности главы правительства, занимаемой с мая 1941 г., 10 июля добавляется должность председателя Ставки Верховного Командования, 19 июля – наркома обороны; 8 августа Сталин становится Верховным Главнокомандующим Вооруженными силами СССР.

Здесь, безусловно, присутствуют существенные совпадения с положением и ролью Ленина в условиях Гражданской войны.

Ленин был лидером партии, главой правительства и главой Совета Рабочей и Крестьянской обороны. На этом список его должностей заканчивается. По-видимому, он не считал себя достаточно компетентным в военных вопросах: он не был ни наркомом обороны, ни верховным главнокомандующим. Редко кто из историков приписывал заслугу в победе в Гражданской войне исключительно Ленину, Сталину же – сплошь и рядом. Да, он принимал участие в подготовке многих военных операций Великой Отечественной войны, в случае удачного их исхода заслуга приписывалась ему, но при неудаче искали других виноватых, например, меняли руководителей Генерального штаба, командующих фронтами и т.п. Лично Сталин прекрасно понимал, кто одержал победу в войне (во всяком случае, свидетельством тому был его тост на приеме в Кремле в честь командующих войсками Красной армии 24 мая 1945 г.). Однако споры о его вкладе в победу не затихают до сих пор.

Чрезвычайные условия войны не могли не наложить отпечатка на деятельность высших органов власти и управления. По вполне понятным причинам положенные по Конституции 1936 г. выборы в Верховный Совет не проводились, по существу он функционировал два срока подряд; сроки созыва его сессий не соблюдались (они вообще не соблюдались до 1953 г.). Однако в не менее сложных условиях при весьма громоздкой процедуре выборов в годы Гражданской войны было созвано шесть Съездов Советов. Сходство же в работе этих двух органов состоит в том, что вопросы, входившие в их повестку дня, не преследовали цели формирования правового поля государства в условиях войны, что представляется вполне оправданным.

Аналогичной была и деятельность правительства. Для решения задач военного времени при нем был создан целый ряд органов в виде советов, например, по эвакуации, научно-технический (рассматривались вопросы по созданию атомного оружия), комитетов, например, по учету и распределению рабочей силы, главных управлений со снабженческими функциями, Советское информационное бюро. Однако, несмотря на то, что Сталин возглавлял СНК, главные вопросы организации отпора врагу решались ГКО, ранг правительства был много ниже, чем при Ленине.

В каждой из этих двух войн существовали чрезвычайные орга-

ны, призванные сосредоточить всю полноту власти в стране.

Постановление о создании Совета Рабочей и Крестьянской Обороны (СРиКО) предварительно обсуждалось на пленуме ВЦИК³. Подписанное Лениным и Свердловым, оно более пространное, нежели постановление о создании ГКО, что свидетельствует о продуманности этого вопроса. Авторами документа о создании ГКО объявлялись Президиум Верховного Совета, Совет Народных комиссаров и Центральный Комитет ВКП(б). На самом деле собрать членов вышеназванных органов вряд ли было возможным. Инициатором создания был не Сталин, а лица из ближайшего его окружения. Это лишний раз свидетельствует о его растерянности и подавленности в начале войны: он, видимо, забыл, что входил в свое время в число членов СРиКО.

Если сравнивать СРиКО и ГКО, то можно отметить и другие различия: первый был создан значительно позднее второго; СРиКО позиционировался как орган при Совнарком, ГКО был поставлен над всеми органами власти в стране, да и концентрация полномочий у него была многократно большей и все важнейшие решения, как военные, так и хозяйственные, принимались очень узким кругом лиц. Конечно, и в годы Гражданской войны круг лиц, причастных к принятию наиболее важных решений был невелик, но с 1917 до конца 1920 гг. состоялось три съезда правящей партии большевиков (между ними созывались партийная конференция и пленумы ЦК), упоминавшиеся выше шесть Съездов Советов, наконец, полноценно функционировало правительство. В 1941–1945 гг. были созваны три сессии Верховного Совета, один Пленум ЦК партии, партийные съезды не проводились. Политбюро, Оргбюро и Секретариат ЦК, будучи постоянными органами, собирались нерегулярно⁴. По большому счету решения узкого круга лиц чаще всего оформлялись в Центральном Комитете партии, аппарат которого в годы войны значительно увеличился, в нем появились отраслевые подразделения, впоследствии дублирующие функции государственных хозяйственных органов.

При ГКО, как в свое время при СРиКО, был создан ряд органов – Совет по эвакуации (сначала был создан при СНК СССР), Комитет по разгрузке транзитных и других грузов, Транспортный комитет и другие (органы при СРиКО чаще назывались комиссиями – по производству, транспорту, снабжению и другие). Дальнейшие, мирные, судьбы СРиКО и ГКО разнятся: первый был преобразован и стал заниматься хозяйственными вопросами, второй – упразднен.

Как и в годы Гражданской войны, когда на местах создавались революционные комитеты, в годы Великой Отечественной на территории страны, поначалу помимо воли центра, спонтанно, возникли городские комитеты обороны (горко). Руководство страны, боясь децентрализации власти, медлило с их легитимизацией. Решение ГКО об их создании было принято лишь в октябре 1941г., чем, по

мнению, например, В.Н.Данилова, была упущена возможность более организованного противодействия противнику в начале войны⁵.

Процесс их создания растянулся до осени 1943 г. По подсчетам того же Данилова, их число достигло 79-ти, 74 из них располагались в тогдашних границах РСФСР⁶. Там, где они были созданы, они во многом потеснили местные Советы. В ряде населенных пунктов создавались более узкие по составу исполкомы местных Советов, тройки, не имевшие таких широких полномочий как горко. Сходство между ревкомом и горко не столь очевидно, как между ревкомом и так называемыми зафронтовыми Советами, существовавшими в партизанских краях и зонах⁷.

Зафронтовые Советы действовали в соответствии с директивой СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 г. и постановлением ЦК от 18 июля этого же года «Об организации борьбы в тылу германских войск». В годы Гражданской войны такого рода актов быть не могло. Ревкомы и зафронтовые Советы, как правило, создавались явочным порядком и были органами партийно-советской и военно-хозяйственной власти.

В годы Гражданской войны по существу происходило становление недавно созданных государственных органов, продолжалось строительство нового государственного аппарата – создавались центральные органы управления, о необходимости создания которых на радостях по случаю обретения власти просто не подумали (например, Наркомат призрения, Наркомат социального обеспечения), и новые, необходимость в которых диктовалась военными условиями и политическими соображениями (например, ВСНХ, ВЧК). В конце концов, поменялась дислокация правительственных учреждений, причем навсегда. Изменение места пребывания правительственных учреждений в 1941 – 1943 гг., что на первых порах чрезвычайно осложнило их деятельность, было частичным и временным. Руководитель государства и его окружение оставались в Москве.

В условиях Великой Отечественной войны учредитель был в другом положении и по отношению к уже существующим государственным структурам действовал более сдержанно. Дело в том, что в предвоенное пятилетие количество, например, только промышленных наркоматов выросло более чем в пять раз – число объектов управления кратно возросло, а сложившаяся гиперцентрализованная система управления предполагала наличие большого количества надсмотрщиков и контролеров. С началом войны коррективы были внесены в перечень наркоматов, отвечавших за производство продукции военного назначения. 11 сентября 1941 г. был создан Наркомат танковой промышленности, а 26 ноября этого же года на базе упраздняемого Наркомата общего машиностроения СССР – Народный комиссариат минометного вооружения СССР⁸.

Новые органы в перечне правительственных учреждений экономического блока появляются после известного постановления СНК

СССР и ЦК ВКП(б) от 21 августа 1943 г. «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации». Так, при СНК СССР создается союзно-республиканский Комитет по делам архитектуры⁹.

Однако по мере освобождения населенных пунктов от оккупантов выяснилось, что большинство их нуждается не столько в заботе архитекторов, сколько в работе строителей. Созданный еще в 1939 г. Наркомат по строительству СССР в условиях войны занимался, в основном, строительством объектов военного назначения. Между тем, густонаселенные «коммуналки» уплотнялись с огромной скоростью. В РСФСР для решения вопросов жилищного строительства 22 февраля 1944 г. создается первый в республике строительный наркомат – жилищно-гражданского строительства. Помимо обеспечения организации жилищного и связанного с ним коммунального строительства он должен был обеспечивать и организацию культурно-бытового строительства. В ходе войны появились и другие органы; их создание было связано с успехами советских войск и продвижению их к западным границам СССР.

Если сравнивать мероприятия, проводимые в этом плане в ходе обеих войн, то можно обнаружить значительные сходства, оговорив, что в годы Великой Отечественной такого рода действия стали проводиться существенно раньше.

Перечень органов социально-культурного строительства в годы Великой Отечественной войны изменений не претерпел, что не скажешь о решаемых ими задачах. Они все, без исключения, каждый в своей области сосредоточились на организации помощи фронту.

Чрезвычайная обстановка не могла не повлиять на систему административно-политических органов. В первую очередь она коснулась органов управления обороной страны. Если в годы Гражданской войны Революционный Военный Совет Республики был создан не сразу, то орган, по функциям его напоминающим, – Ставка Главного Командования Вооруженных сил СССР – был создан на второй день Великой Отечественной войны. Название органа впоследствии при сохранении компетенции несколько раз корректировалось. Это был высший орган военного управления, осуществлявший стратегическое руководство вооруженными силами страны. Ставке были подчинены оба военных наркомата. Сама же Ставка подчинялась ГКО и через него Политбюро ЦК ВКП(б)¹⁰.

Система органов военного управления усложнилась, тем более что в июле–сентябре 1941 г. в качестве связующих инстанций между действующей армией и Ставкой существовало три главных командования по направлениям. Такого рода непоследовательность в создании аналогичных органов была характерна и для периода Гражданской войны.

В годы Великой Отечественной войны, как и в годы Гражданской, взаимоотношения между органами внутренних дел и органа-

ми государственной безопасности строились на основе конкуренции, что не могло не сказаться на их функциях, формах и методах работы. Начатая в феврале 1941 г. реорганизация НКВД СССР, когда из него с оставлением хозяйственных и правоохранительных функций, пытались выделить оперативные подразделения с функциями разведки и контрразведки, не была завершена. 20 июля созданный в результате ее проведения Наркомат государственной безопасности был упразднен и его функции (и аппарат) были возвращены в НКВД СССР. Объяснялось это необходимостью централизации управления. В апреле 1943 г. ведомство вновь разделили на два органа¹¹. Попытки как-то объяснить эти «преобразования» не представляются состоятельными.

Организационное устройство центральных ведомств в годы Гражданской и Великой Отечественной войн не могло быть застывшим, но изменения их структуры были разными. Наркоматы с момента своего создания восприняли структуру прежних министерств. Новации стали предприниматься после переезда правительства в Москву. По мнению историка Б.М. Морозова, процесс становления Наркомата путей сообщения, например, закончился к концу 1918 г. Для шести его управлений были характерны ярко выраженная нестабильность, непостоянство внутренней структуры, дублирование функций¹². На смену инерционному развитию экономики страны шел кризис, поэтому основные организационные мероприятия в государственном аппарате в целом и отдельных его структурах пришлось на послевоенное время.

По-иному обстояли дела с началом Великой Отечественной войны. К этому времени наркоматы укрепили свое положение в структуре власти, обзавелись подведомственными производствами и учреждениями, в известной степени сформировались их структура, кадры и методы работы. В том же НКПС в связи с увеличением объема работ штаты выросли более, чем в два раза¹³. Вообще же с началом войны в наркоматах, главным образом республиканских, произошло сокращение штатов. Так, сокращение штатов в наркоматах РСФСР к началу 1942 г. составило, по неполным данным, более 40 %¹⁴. В общесоюзных наркоматах это наблюдалось куда как реже. В НКПС СССР, на долю которого легла вся тяжесть эвакуационных мероприятий, перевозка военнслужащих и военных грузов, несмотря на упразднение более десяти структурных подразделений центрального аппарата, штаты, наоборот, выросли¹⁵.

Изменились кадровые показатели. Наряду с появлением общих для наркоматов структурных подразделений, например, отделов рабочего снабжения, подсобных хозяйств, капитального строительства и других, возникли специфичные именно для них подразделения. Так, в НКПС СССР в августе 1941 г. было создано Управление по Московскому железнодорожному узлу с подчинением ему Окружной железной дороги, всех сортировочных станций и депо ряда до-

рог Московского узла, а в сентябре того же года – Военно-эксплуатационное управление, в начале следующего года реорганизованное в Главное управление военно-восстановительных работ¹⁶.

Все изменения в структуре ведомств носили более организованный характер, нежели в годы Гражданской войны. Столь незначительные изменения в системе центральных органов управления не исключали появления у них новых функций. Вся страна жила по военно-хозяйственным планам, и каждый государственный орган участвовал в их выполнении. Решение задач, вызванных войной, возлагалось на прежние и вновь созданные структурные подразделения центрального аппарата ведомств.

Изменения коснулись и основных направлений деятельности всех государственных институтов. Осуществленная в стране в условиях войны 1941–1945 гг. перестройка экономики на военный лад вряд ли может быть переоценена, тем более что сроки, в которые она была проведена, впечатляют. В то же время не только за всю историю России, но и ни в одной другой стране в мире не проводилась столь масштабная эвакуация крупнейших предприятий страны из одной ее части в другую.

Формы и методы работы ведомств существенно не менялись: они были апробированы в годы Гражданской войны и межвоенное время.

В годы Гражданской войны местные Советы были скорее головной болью центра, нежели его опорой: они находились в стадии создания, лишенные земли в крестьянской стране крестьянство относилось к ним настороженно и даже враждебно. Сталинская политика по отношению к крестьянству задавила сопротивление, усиление роли партийных органов на местах отодвинуло Советы на задний план. Жесткая централизация в управлении привела к тому, что Советы стали действовать на принципе двойного подчинения – вышестоящему Совету и местному партийному органу. С началом войны такое положение вещей не изменилось, однако переоценить деятельность Советов в организации помощи фронту невозможно. В конце концов, все патриотические начинания партия проводила через Советы.

* * *

Сравнение организации и деятельности государственного аппарата России в годы двух величайших войн XX столетия позволяет сделать следующий вывод.

Унаследованная из лихолетья Первой мировой войны и актуализированная большевиками в условиях войны Гражданской административно-командная система управления стала одной из причин их победы в ней. Дополненная рядом иных рычагов центристского характера, она была распространена на все стороны

государственной и общественной жизни в межвоенный период. Как невозможно отрицать варварство ряда ее методов в мирное время, так невозможно отказать ей в эффективности в труднейшие годы Великой Отечественной войны, несмотря на известные просчеты руководителей государства. На них это обстоятельство в очередной раз подействовало воодушевляюще и они с не меньшим энтузиазмом продолжили использовать ее и после войны.

Примечания Notes

¹ *Курашвили Б.П.* Политическая доктрина сталинизма // История СССР. 1989. № 5. С. 60–77.

² *Чуев Ф.* Сто сорок бесед с Молотовым: Из дневника Ф. Чуева. Москва, 1991. С. 330.

³ *Ирошников М.П.* Председатель Совнаркома и Совета Обороны В. Ульянов (Ленин): Очерки государственной деятельности в июле 1918 – марте 1920 г. Ленинград, 1980. С. 34.

⁴ *Морозов В.И.* Особенности государственного управления СССР в годы Великой Отечественной войны (1941 – 1945) // Управленческое консультирование. 2005. № 1. С. 32–46.

⁵ *Данилов В.Н.* Советское государство в Великой Отечественной войне: Феномен чрезвычайных органов власти 1941 – 1945 гг. Саратов, 2002. С. 47, 48.

⁶ *Данилов В.Н.* Советское государство в Великой Отечественной войне: Феномен чрезвычайных органов власти 1941 – 1945 гг. Саратов, 2002. С. 58.

⁷ *Щетинин Б.В.* Создание и деятельность органов Советской власти в тылу немецко-фашистских войск // Вопросы истории КПСС. 1970. № 6. С. 97–104.

⁸ Государственная власть СССР: Высшие органы власти и управления и их руководители, 1923 – 1991: Историко-биографический справочник. Москва, 1999. С. 63, 64.

⁹ Государственная власть СССР: Высшие органы власти и управления и их руководители, 1923 – 1991: Историко-биографический справочник. Москва, 1999. С. 105.

¹⁰ *Михайловский Г., Выродов И.* Высшие органы руководства войной // Военно-исторический журнал. 1978. № 4. С. 25.

¹¹ Государственная власть СССР: Высшие органы власти и управления и их руководители, 1923 – 1991: Историко-биографический справочник. Москва, 1999. С. 176.

¹² *Морозов Б.М.* Формирование органов центрального управления Советской России в 1917 – 1918 гг. (на примере Народного комиссариата путей сообщения). Москва, 1995. С. 39–60, 107.

¹³ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1884. Оп. 31. Д. 2625. Л. 151.

¹⁴ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. А-259. Оп. 1. Д. 12. Л. 301–302; Ф. А-262. Оп. 1. Д. 1422. Л. 47.

¹⁵ РГАЭ. Ф. 1884. Оп. 57. Д. 575. Л. 1.

¹⁶ РГАЭ. Ф. 1884. Оп. 49. Д. 1082. Л. 228–230; Д. 1602.

Автор, аннотация, ключевые слова

Архипова Татьяна Григорьевна – докт. ист. наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (Москва) archipova-iai@mail.ru

В статье проводится сравнение в основных моментах организации и деятельности государственного аппарата Советской России и СССР в годы Гражданской войны и Великой Отечественной войны. Главное внимание уделяется особенностям применения административно-командной системы управления в каждой из этих войн. Рассматриваются вопросы создания и деятельности высших учреждений обороны, изменения в структуре и деятельности центрального аппарата управления, взаимоотношений центральных и местных государственных учреждений и партийных органов.

По мнению автора, созданная партий большевиков административно-командная система управления в условиях Гражданской войны Гражданской стала одним из факторов победы Советского государства в этой войне. В период между двумя войнами административно-командная система управления была дополнена рядом рычагов жесткого централизованного характера и распространена на все стороны государственной и общественной жизни СССР.

В труднейшее время Великой Отечественной войны, несмотря на просчеты руководителей партии большевиков и Советского государства, а также на варварство некоторых методов этой системы управления, она оказалась вполне эффективной в решении военных задач. Это обстоятельство в очередной раз подействовало на партийно-государственное руководство воодушевляющее. Поэтому оно с не меньшим энтузиазмом продолжило использовать командно-административную систему управления и после войны.

Гражданская война, Великая Отечественная война, партия большевиков, Советское государство, Совет рабочей и крестьянской обороны, Государственный комитет обороны, народный комиссариат, бюрократия, административно-командная система, В.И.Ленин, И.В.Сталин.

References (Articles from Scientific Journals)

1. Kurashvili, B.P. Politicheskaya doktrina stalinizma [The Political

Doctrine of Stalinism.]. *Istoriya SSSR*, 1989, no. 5, pp. 60–77. (In Russian)

2. Mikhaylovskiy, G.; Vyrodov, I. Vysshie organy rukovodstva voynoy [The Supreme Organs of War Management.]. *Voyenno-istoricheskiy zhurnal*, 1978, no. 4, pp. 16–26. (In Russian)

3. Morozov, V.I. Osobennosti gosudarstvennogo upravleniya SSSR v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (1941 – 1945) [Features of the State Administration of the USSR during the Great Patriotic War (1941 – 1945).]. *Upravlencheskoye konsultirovaniye*, 2005, no. 1, pp. 32–46. (In Russian)

4. Shchetinin, B.V. Sozdaniye i deyatelnost organov Sovetskoy vlasti v tylu nemetsko-fashistskikh voysk [The Establishment and Activities of Soviet Organs of Authority behind German-Fascist Troop Lines.]. *Voprosy istorii KPSS*, 1970, no. 6, pp. 97–104. (In Russian)

(Monographs)

5. Danilov, V.N. Sovetskoye gosudarstvo v Velikoy Otechestvennoy voyne: Fenomen chrezvychaynykh organov vlasti 1941 – 1945 gg. [The Soviet State during the Great Patriotic War: The Phenomenon of Emergency Organs of Power, 1941 – 1945.]. Saratov, 2002, 396 p. (Russian)

6. Iroshnikov, M.P. Predsedatel Sovnarkoma i Soveta Oborony V. Ulyanov (Lenin): Ocherki gosudarstvennoy deyatelnosti v iyule 1918 – marte 1920 g. [The Chairman of the Council of People's Commissars and the Council of Defence, V. Ulyanov (Lenin): Essays on State Activity, July 1918 – March 1920.]. Leningrad, 1980, 336 p. (In Russian)

7. Morozov, B.M. Formirovaniye organov tsentralnogo upravleniya Sovetskoy Rossii v 1917 – 1918 gg. (na primere Narodnogo komissariata putey soobshcheniya) [The Formation of the Central Administrative Organs of Soviet Russia in 1917 – 1918 (The example of the People's Commissariat of Communications).]. Moscow, 1995, 117 p. (In Russian)

Author, Abstract, Key words

Tatyana G. Arkhipova – Doctor of History, Professor, Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia)
archipova-iai@mail.ru

The article largely compares the organization and activities of the state apparatus in Soviet Russia and the USSR during the Russian Civil War and the Great Patriotic War. It highlights the peculiarities of what is known as the administrative-command system of government during each of the wars. The author examines the establishment and administration of the top defense institutions, the changes in the structure and functions of the central administrative apparatus, the relations between central and local state bodies and the Bolshevik party organizations.

According to the author, the administrative-command system of government created by the Bolsheviks in the course of the Civil War was a significant contribution to the victory of the Soviet state in this war. In the period between the two wars, the administrative-command system was completed with a number of hard centralized control levers spreading in all areas of state and public life of the USSR.

At the most difficult time of the Great Patriotic War, despite some mistakes and miscalculations made by the leadership of the Communist party and Soviet state as well as some barbaric methods of that government system, the latter proved fairly efficient for solving military tasks. The party and state leadership once again were inspired by that and continued to use the administrative-command system after the war with no less enthusiasm.

Russian Civil War, World War II, Bolshevik Party, Soviet State, Council of Workers' and Peasants' Defense, State Defense Committee, People's Commissariat, bureaucracy, administrative-command system, Vladimir I. Lenin, Joseph V. Stalin.

РОССИЯ И МИР Russia and the World

А.Н. Комаров

КАНАДСКО-РОССИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ (XX – начало XXI веков)

A.N. Komarov

Canadian-Russian Relations: Main Stages of Development (20th – Early 21st Centuries)

Эволюция канадско-российских отношений представляет собой значимую тему в современном канадоведении. Их глубина и сложность определяются целым комплексом исторических, геополитических и экономических факторов, оказывающих на них самое непосредственное влияние.

Канадско-российские отношения никогда не были статичными, и, к сожалению, не выстраивались только на основе взаимовыгодных двусторонних связей. Взаимодействие между Канадой и СССР/Российской Федерацией было самым тесным образом связано с характером и особенностями международных отношений, складывающихся на протяжении XX – начала XXI вв. При этом сразу же можно выделить ряд ключевых факторов, кардинально повлиявших на развитие канадско-российских/советских отношений в целом.

Прежде всего, до конца Второй мировой войны на развитие канадско-советских отношений глубокое влияние оказывала приверженность Канады британской имперской политике. С конца 1940-х гг. канадско-советские, а затем и канадско-российские отношения в значительной степени оказались под воздействием военно-политического сотрудничества Канады в рамках альянса НАТО. Влияние США на внешнюю политику Канады еще более усилилось после установления тесных интеграционных связей в рамках заключенного в 1988 г. между этими государствами соглашения о свободной торговле (ФТА).

Эта тенденция, усилившая давление американского политического истеблишмента на внешнеполитический курс Канады, продолжилась и далее. В частности, в 1993 г. Канадой, США и Мексикой были

подписаны экономические договоренности, именуемые НАФТА, а в 2018 г. – ЮСМКА. Тем самым Канада сделала свой основной геополитический выбор в пользу крупнейшего торгово-экономического и военного партнера – США. В этой связи представляется возможным выдвинуть тезис о чрезмерной зависимости внешней политики Канады от США, а ранее и Великобритании, в рассматриваемый нами исторический период¹.

В настоящей статье, впервые в отечественной историографии, представлен комплексный анализ канадско-российских отношений на протяжении XX – начала XXI вв. и охарактеризованы их этапы развития и ключевые особенности каждого из этапов.

Нижняя хронологическая граница определена 1942 г., то есть временем установления прямых дипломатических отношений между СССР и Канадой, а верхняя завершается 2010-ми годами, то есть нынешним временем их трансформации.

* * *

Первый этап – с 1942 по 1945 гг. – был связан с канадско-советским сотрудничеством в рамках антигитлеровской коалиции. Только в 1942 г., в ходе Второй мировой войны, Канада установила прямые дипломатические отношения с СССР. Столь поздний срок международного признания СССР со стороны Канады определялся несколькими факторами.

Во-первых, только после принятия Вестминстерского статута 1931 г., а не ранее, Канада, подобно другим британским доминионам, получила возможность проведения своей самостоятельной внешней политики.

Во-вторых, поддерживая идеологию политического истеблишмента Великобритании, правительство Канады с большим недоверием относилось к СССР. Руководствуясь исключительно идеологическим фактором, и прежде всего антисоветскими настроениями, премьер-министр Канады М. Кинг последовательно уклонялся от установления дипломатических отношений с СССР в период с 1931 по 1942 гг.

В-третьих, именно под давлением со стороны президента США Ф. Рузвельта и премьер-министра Великобритании У. Черчилля, а также руководствуясь в первую очередь интересами антигитлеровской коалиции, был осуществлен обмен посланниками между двумя странами. Л.Д. Уилгресс стал посланником в СССР. Советским посланником в Канаде был назначен Ф.Т. Гусев².

На решение М. Кинга об установлении прямых дипломатических отношений с СССР повлияли два очень важных обстоятельства. К первому из них можно отнести широкую поддержку Советского Союза со стороны канадского общественного мнения, и прежде всего представителей фермерства, профсоюзного движения,

малого и среднего бизнеса, интеллигенции, пролетариата, различных диаспор, которые восхищались мужеством советских солдат в ходе битв за Москву и Сталинград. В частности, канадские украинцы требовали оказать срочную торговую и военную помощь СССР, установив прямые дипломатические связи с социалистическим государством³.

Показателен тот факт, что призывы к налаживанию скорейшего сотрудничества с Советским Союзом звучали не только от канадских коммунистов, но от представителей политически активных групп населения с другими политическими взглядами. Очевидно, что М. Кинг не мог проигнорировать требование значительной части канадского общества о немедленном установлении дипломатических связей с СССР, и, вследствие этого, взял курс на необходимую нормализацию отношений.

Вторым очень значимым фактором для начала военного и экономического сотрудничества Канады с СССР явилось выступление У. Черчилля по радио 22 июня 1941 г., которое прослушал М. Кинг. Выражая принципы имперской солидарности с Великобританией, премьер-министр Канады также заявил по радио о необходимости оказания действенной помощи СССР в его борьбе с нацистской Германией⁴.

Именно эти два фактора повлияли на дальнейшее плодотворное экономическое и военное сотрудничество Канады и СССР.

Вследствие установления дипломатических отношений в 1942 г. между двумя государствами, уже с конца этого года начались военные поставки из Канады в СССР, которые первоначально осуществлялись через Великобританию, а потом напрямую. В частности, Канада отправляла в СССР танки «Валлентайн», боеприпасы, зерно, муку⁵. Позднее М. Кинг неоднократно выражал удовлетворение достигнутым уровнем сотрудничества между двумя государствами⁶.

Таким образом, этот период развития канадско-советских отношений являлся исключительно плодотворным для обеих стран. Он отличался стратегическим военноэкономическим сотрудничеством двух государств, стремящихся к победе над нацистской Германией, фашистской Италией и милитаристской Японией. Этот этап можно охарактеризовать как один из лучших в истории взаимоотношений Канады и СССР/Российской Федерации. Специфика этого этапа такова: обе страны сумели найти столь необходимый политический компромисс для достижения общей цели разгрома общего врага, несмотря на существующие идеологические различия и разногласия.

Второй этап канадско-советских/российских отношений продолжался с 1945 по 1989 гг. В целом он отражал все тенденции и черты, характерные для Холодной войны. Этот период двусторонних отношений отличался противоречивостью.

С одной стороны, Канада интенсивно втягивалась в идеологическое противостояние с СССР на стороне США и Великобритании,

тем самым окончательно прервав плодотворное сотрудничество, имевшее место ранее. Более того, интересна точка зрения, высказываемая в канадской историографии, что Канада, еще задолго до фултонской речи У. Черчилля 1946 г. и доктрины президента США Г. Трумена 1947 г., оказала соответствующее противодействие СССР. Можно вполне согласиться с канадским историком Дж. Гранатстейном, который отмечал, что дело шифровальщика посольства СССР в Канаде И.С. Гузенко, запросившего политическое убежище в Канаде, и выдавшего ее властям секретные документы в сентябре 1945 г., по сути дела, открыли первую страницу Холодной войны⁷.

В то же время в этот период между СССР и Канадой было подписано ряд торгово-экономических соглашений, выгодных обеим сторонам. К сожалению, значимость данных договоренностей не приходится преувеличивать. Канадский экспорт был рассчитан прежде всего на рынки Северной Америки и Западной Европы, и, поэтому, предполагать заключение масштабного торгового соглашения с СССР вряд ли было возможно. Кроме того, в экономических сделках между Канадой и Советским Союзом немаловажную роль играли идеологический и политический факторы: в Вашингтоне неоднократно указывали политическому руководству Канады на допустимую глубину того или иного торгового соглашения с СССР, ниже которой опускаться не рекомендовалось.

В связи с обострением международной ситуации в начале 1980-х гг. политический истеблишмент Канады, и прежде всего консерваторы, возвратился к постоянной критике СССР, уменьшив тем самым и без того небольшие масштабы взаимных торговых связей между государствами. А после того, как советские войска ПВО сбили южнокорейский самолет, вторгшийся в воздушное пространство СССР в сентябре 1983 г., лидер Прогрессивно-консервативной партии Канады Б.М. Малруни оценил этот шаг как «хладнокровное убийство»⁸. Он не принимал во внимание ни сопутствующие этому обстоятельства, ни заявление действующего премьер-министра Канады П.Э. Трюдо, что это трагический инцидент. Аналогичная критика СССР, схожая с высказываниями Б.М. Малруни, звучала постоянно со стороны Оттавы и в годы Холодной войны.

В этом плане показательны мемуары премьер-министра Канады К. Кэмпбелл, в которых она описывает свою поездку в Советский Союз в 1972 г. С одной стороны, она восхищается великой культурой и достопримечательностями Ленинграда. С другой – сомневается в экономических успехах СССР, указывая на непрекращающийся дефицит в советских магазинах⁹.

В целом в данный период значительная часть канадско-советских отношений строилась на постулатах Холодной войны.

Некоторое потепление в двусторонние отношения было внесено в период нахождения у власти Либеральной партии во главе с П.Э. Трюдо. Не подвергая сомнению всю важность канадско-американ-

ских отношений, и прежде всего военного сотрудничества в рамках НАТО, он в то же время пытался придать внешней политике Канады разноплановый характер. В результате канадское правительство заключило ряд торговых соглашений и в других регионах мира, а не только в Северной Америке. Тем самым П.Э. Трюдо пытался доказать, что его страна выступает самостоятельным субъектом международных отношений. В этой связи показательным был визит премьер-министра Канады в СССР в 1971 г., в ходе которого был заключен ряд долгосрочных контрактов.

Третий этап канадско-советских/российских отношений начался в 1989 г. и продолжается до сих пор. Сразу же стоит отметить, что данный период отличается сложностью и неоднозначностью.

В его рамках можно выделить три временных отрезка, качественно отличных друг от друга. Первый из них датируется 1989–2006 гг. и характеризуется безусловной положительной динамикой. Визит премьер-министра Канады Б.М. Малруни в СССР в 1989 г. открыл принципиально новую страницу двусторонних связей, поскольку в этот период была заложена продуктивная основа дальнейших канадско-советских/российских отношений.

Как отмечает канадский политолог Д. Мютимер, реформы М.С. Горбачева, и, в частности, перестройка в СССР открыли возможность для завершения Холодной войны¹⁰.

Данная точка зрения, по нашему мнению, отражала реальную политическую действительность той эпохи. Руководство Канады отчетливо понимало, что в случае ядерного конфликта между США и СССР это североамериканское государство окажется мишенью для ракетного удара Советского Союза. Поэтому премьер-министр Канады Б.М. Малруни твердо решил изменить для своей страны данную ситуацию в лучшую сторону, вступив в переговоры с М.С. Горбачевым о новых принципах международных отношений.

В ноябре 1989 г. Б.М. Малруни посетил СССР и подписал с советским лидером четырнадцать соглашений по сотрудничеству в Арктике, охране окружающей среды и многие другие¹¹. В ходе встречи М.С. Горбачев получил приглашение посетить Канаду летом 1990 г. Описывая его визит в североамериканское государство, канадская пресса с восхищением писала о М.С. Горбачеве. В частности, журнал «Маклинз» озаглавил свою статью об этом событии «Волшебник на улицах», в деталях рассказывая о визите в июне 1990 г. советского руководителя в Канаду и его общении с простыми канадскими гражданами¹².

Помимо этого, как подчеркивает в своем недавнем труде канадский историк Ф.О. Хампсон, именно премьер-министр Канады Б.М. Малруни пригласил М.С. Горбачева принять участие в заседаниях G7, а позднее дважды встречался с Б.Н. Ельциным¹³.

Таким образом, канадское политическое руководство в лице Б.М. Малруни создало условия для участия М.С. Горбачева, а затем и Б.Н.

Ельцина в G7. В 1992 г. канадцы приветствовали заявление президента США Дж. Буша-старшего и Б.Н. Ельцина о том, что Холодная война завершена. Это было именно то, чего добивался канадский истеблишмент, намереваясь, таким образом, ликвидировать опасность для Канады в случае военного конфликта между СССР и США.

Формирование благожелательных отношений с Российской Федерацией продолжалось и в период нахождения у власти К. Кэмпбелл (1993 г.), а также Ж. Кретьена (1993 – 2003 гг.) К. Кэмпбелл в своих мемуарах описывает очень дружелюбную атмосферу ее встречи с Б.Н. Ельциным на саммите G7 летом 1993 г. Обсудив ряд финансовых вопросов, касающихся оплаты поставок пшеницы из Канады, К. Кэмпбелл пообещала обязательно в ближайшем будущем посетить Российскую Федерацию¹⁴.

Канадский политолог Д. Маклафлин в своей монографии также останавливается на деталях встречи К. Кэмпбелл и Б.Н. Ельцина, подчеркивая доброжелательную атмосферу, окружающую двух лидеров¹⁵.

Лидер Либеральной партии и премьер-министр Канады Ж. Кретьен четыре раза посещал Российскую Федерацию в 1995, 1997, 2002 и 2003 гг. В 2002 г. во время визита его сопровождало четверо канадских бизнесменов, целью которых было укрепление деловых контактов с их российскими коллегами. После завершения своего премьерства Ж. Кретьен неоднократно в позитивном духе высказывался о встречах с Б.Н. Ельциным¹⁶.

Премьер-министр Канады от Либеральной партии П. Мартин (2003 – 2006 гг.), сменивший на этом посту Ж. Кретьена, отменил планируемый визит в Москву в мае 2005 г. из-за внутривнутриполитических сложностей, и в частности коррупционного скандала, фигурантами которого явились члены его кабинета министров. Он выступал за продолжение прежней линии, намеченной Ж. Кретьеном, связанной с усилением торгово-экономического сотрудничества с Российской Федерацией. Однако досрочные парламентские выборы 2006 г. привели к поражению Либеральной партии во главе с П. Мартином, который не успел, таким образом, реализовать этот подход.

Этот временной отрезок завершился приходом к власти консерваторов во главе со С. Харпером в 2006 г.

Поэтому в период с 2006 по 2015 гг. на канадско-российские отношения непосредственное влияние оказывала стратегия Консервативной партии во главе со С. Харпером. Канадские консерваторы (за исключением премьерства Б.М. Малруни в 1988 – 1993 гг.), как правило, проводили более жесткую и бескомпромиссную политику по отношению к России. Именно этот фактор оказался определяющим и для этого периода. В частности, в отличие от Ж. Кретьена, С. Харпер не нашел времени для посещения России. В предвыборном манифесте Консервативной партии от 2008 г. в главах, посвященных внешней политике, отношения с Российской Федерацией не упоми-

наются вообще. В документе расставлены другие внешнеполитические приоритеты, и в том числе поддержка Канадой действий НАТО в Афганистане, гуманитарная помощь населению стран Африки. Одновременно в программе есть пункт, касающийся защиты канадских интересов в Арктике¹⁷. Именно по этому направлению Канада как сотрудничает, так и конкурирует со странами Арктического совета – Данией, Норвегией, Российской Федерацией, США.

После возвращения в 2014 г. Крыма и Севастополя в состав России консерваторы начинают проводить прямую конфронтационную политику по отношению к России, чем серьезно осложняют канадско-российские отношения. В предвыборной программе от 2015 г. канадские консерваторы обрушиваются с критикой на Российскую Федерацию, обвиняя последнюю в возвращении к Холодной войне¹⁸. Помимо этого в своем предвыборном манифесте консерваторы официально подтверждают необходимость реализации ими с 2014 г. режима экономических санкций в отношении Российской Федерации, уделяя одновременно внимание военному сотрудничеству с властями Украины¹⁹. Таким образом, предвыборный манифест канадских консерваторов подвел своего рода черту под предыдущим развитием канадско-российских отношений.

Последний период, с 2015 по 2019 гг., характеризовался продолжением прежнего внешнеполитического курса Канады, наметившегося при консерваторах. Политика либерального кабинета Дж. Трюдо в этом направлении не претерпела изменений.

* * *

Подводя итоги, необходимо отметить, что канадско-российские отношения в своем развитии прошли через несколько последовательных исторических этапов. Их развитие определялось целым комплексом геополитических и экономических факторов, оказывающих на них самое непосредственное влияние.

Первый из них, с 1942 по 1945 гг., был связан с установлением прямых дипломатических отношений между Канадой и СССР и сотрудничеством двух государств в рамках антигитлеровской коалиции.

Второй продолжался с 1945/1946 гг. по 1989 г. и отразил реалии Холодной войны, когда внешнеполитический курс Канады в отношении СССР целиком и полностью видоизменился под влиянием США и Великобритании. С другой стороны, именно в этот период был заключен ряд торгово-экономических отношений между двумя государствами, и в частности, пшеничные контракты между СССР и Канадой в премьерство П. Трюдо.

Следующий период канадско-российских отношений начался в 1989 г. и отличается крайней противоречивостью отношений между двумя государствами. Его можно разбить на три этапа. В течение

первого из них, 1989–2006 гг., наблюдалась безусловная положительная динамика канадско-российских отношений. Второй, с 2006 по 2015 гг., был связан с постепенным ухудшением отношений, режимом экономических санкций, наложенных консервативным правительством С. Харпера на Россию в 2014 г. Третий, с 2015 г. по наши дни, не отразил существенных позитивных изменений и в этом отношении напоминает предыдущий.

Примечания Notes

¹ *Комаров А.Н.* Сложная дорога к власти: Предвыборная борьба основных политических партий Канады в 2018 – 2019 гг. // История и архивы. 2020. № 2. С. 46–57.

² *Поздеева Л.В.* Канада в годы Второй Мировой войны. Москва, 1986. С. 223.

³ *Krawchuk P.* Our Contribution to Victory. Toronto, 1985. P. 34.

⁴ *The Mackenzie King Record.* Vol. 1: 1939 – 1944. Chicago, Toronto, 1960. P. 223, 224.

⁵ *Gerber L.M.* A Greater Canada Among Nations. Toronto, 1944. P. 6, 7.

⁶ *Henderson F.G. W.L.* Mackenzie King: A Bibliography and Research Guide. Toronto, 1998. P. 22.

⁷ *Granatstein J.L., Stafford D.F.* Spy Wars: Espionage and Canada from Gouzenko to Glasnost. Toronto, 1990. P. 15.

⁸ *Blake B.R.* Transforming the Nation: Canada and Brian Mulroney. Montreal, 2007. P. 115.

⁹ *Campbell K.* Time and Chance: The Political Memoirs of Canada's First Woman Prime Minister. Toronto, 1996. P. 33, 34.

¹⁰ *Mutimer D.* External Affairs and National Defense // Canadian Annual Review of Politics and Public Affairs 1989. Toronto; Buffalo; London, 1995. P. 103.

¹¹ *Mutimer D.* External Affairs and National Defense // Canadian Annual Review of Politics and Public Affairs, 1989. Toronto; Buffalo; London, 1995. P. 106.

¹² *The Maclean's.* 1990. 11 June. P. 1.

¹³ *Hampson F.O.* Master of Persuasion: Brian Mulroney's Global Legacy. Toronto, 2018. P. 176–177.

¹⁴ *Campbell K.* Time and Chance: The Political Memoirs of Canada's First Woman Prime Minister. Toronto, 1996. P. 333.

¹⁵ *McLaughlin D.* Poisoned Chalice: The Last Campaign of the Progressive Conservative Party? Toronto; Oxford, 1994. P. 117.

¹⁶ *The Globe and Mail.* 2007. 23 April. P. 1.

¹⁷ *The True North Strong and Free.* Steven Harper's Plan for Canadians. Ottawa, 2008. P. 24.

¹⁸ *Protect Our Economy: Our Conservative Plan to Protect Economy.* Foreword by Prime Minister Steven Harper. Ottawa, 2015. P. 89.

¹⁹ Protect Our Economy: Our Conservative Plan to Protect Economy. Foreword by Prime Minister Steven Harper. Ottawa, 2015. P. 90–92.

Автор, аннотация, ключевые слова

Комаров Андрей Николаевич – докт. ист. наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (Москва)
ruslan10@inbox.ru

В статье впервые в отечественной историографии проанализированы канадско-российские отношения на протяжении XX – начала XXI вв. и охарактеризованы этапы их развития. Основное внимание уделяется трем основным историческим периодам канадско-российских отношений. Первый: с 1942 по 1945 гг., когда Канада и СССР сотрудничали в рамках антигитлеровской коалиции и установили прямые дипломатические отношения. Второй: 1945/1946–1989 гг., когда на двусторонние связи накладывали отпечаток события Холодной войны. Третий: с 1989 г. по настоящее время, когда для отношений между двумя государствами были характерны как положительная динамика развития, так и отрицательная.

Рассматриваются многообразные исторические, экономические, внутриполитические, геополитические, военные и идеологические факторы, которые влияли на канадско-российские отношения на протяжении этих трех периодов.

Автор приходит к выводу, что канадско-российские отношения развивались далеко не только на основе взаимовыгодности двусторонних связей, прежде всего в сфере экономики. На них самое глубокое влияние оказывали международная обстановка, изменения в системе международных отношений и деятельность НАТО, особенно во время Холодной войны. Особую роль сыграли два фактора: традиционная приверженность правительства Канады британской имперской идее и углубленное торгово-экономическое и военное сотрудничество с США.

Холодная война, разрядка, внешняя политика, международные отношения, дипломатические отношения, экономическое сотрудничество, НАТО, Канада.

References (Articles from Scientific Journals)

1. Komarov, A.N. Slozhnaya doroga k vlasti: Predvybornaya borba osnovnykh politicheskikh partiy Kanady v 2018 – 2019 gg. [A Difficult Road to Power: The Election Campaign between the Major Political Parties in Canada in 2018 – 2019.]. *Istoriya i arkhivy*, 2020, no. 2. pp. 46–57. (In Russian)

(Essays, Articles, and Papers from Books, Proceedings, and Research Collections)

2. Mutimer, D. External Affairs and National Defense. *Canadian Annual Review of Politics and Public Affairs*, 1989. Toronto; Buffalo; London: University of Toronto Press, 1995, pp. 68–120. (In English)

(Monographs)

3. Blake, B.R. Transforming the Nation: Canada and Brian Mulroney. Montreal: McGill-Queens University Press, 2007, 480 p. (In English)

4. Granatstein, J.L., Stafford, D.F. Spy Wars: Espionage and Canada from Gouzenko to Glasnost. Toronto: Key Porter Books, 1990, 276 p. (In English)

5. Hampson, F.O. Master of Persuasion: Brian Mulroney's Global Legacy. Toronto: Signal, 2018, 288 p. (In English)

6. McLaughlin, D. Poisoned Chalice: The Last Campaign of the Progressive Conservative Party? Toronto; Oxford: Dundurn Press, 1994, 322 p. (In English)

7. Pozdeeva, L.V. Kanada v gody Vtoroy Mirovoy voyny. [Canada during the Second World War.]. Moscow, 1986, 334 p. (In Russian)

Author, Abstract, Key words

Andrey N. Komarov – Doctor of History, Professor, Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia)
archipova-iai@mail.ru

This article is the first study undertaken in the Russian historiography to recapitulate the relations between Canada and Russia during the 20th and early 21st centuries and to describe different stages in their development. The author focuses on the three major historical periods in the relations between Canada and Russia. The first one covers the period from 1942 to 1945 when Canada and Russia were in coalition against Nazi Germany and established direct diplomatic relations. The second one dates back to 1945/1946–1989 when the bilateral relations were affected by the Cold War developments. The third one lasts from 1989 until now, featuring both positive and negative dynamics in the development of the relations.

A large number of historical, economic, domestic political, geopolitical, military, and ideological factors are considered which influenced the relations between Canada and Russia over these periods.

The author concludes that the relations between Canada and Russia, particularly, in economics, were far from developing on mutually beneficial basis. They were most profoundly affected by the international situation, changes in the system of international relations, the NATO activities, particularly, during the Cold War period. The two factors, however, played a special role, i.e. the Canadian government's traditional commitment to Britain's imperial idea as well as its close economic, trade and military cooperation with the United States.

Cold War, detente, foreign policy, international relations, diplomatic relations, economic cooperation, North Atlantic Treaty Organization (NATO), Canada.

ЕВРОПА В ПРОШЛОМ

Europe in the Past

O.V. Pavlenko

THE HISTORIOGRAPHY OF THE HABSBERG MONARCHY IN THE RUSSIAN INTELLECTUAL TRADITION OF THE NINETEENTH AND EARLY TWENTIETH CENTURIES

О.В. Павленко

Историография Габсбургской монархии в российской интеллектуальной традиции XIX – начала XX веков

There are certain topics in historiography that have a special destiny. Depending on public preferences, they regularly go from being the talk of the town and provoking stormy debates to being completely neglected. In the Russian intellectual tradition, the process of understanding of the Habsburg monarchy phenomenon underwent several stages. Surges of keen interest were followed by the periods when the subject lost its relevancy and the history of the Danubian monarchy was perceived merely as a background for more important processes taking place on Slavic territories. Then the comparative studies of empires provoked a renewal of interest in the comprehensive study of monarchy that, in its turn, rekindled relevant discussions and brought about the development of new concepts. Despite a long tradition of nearly one hundred and fifty years, the Russian historiography of the Habsburg monarchy had never developed into a separate intellectual project. The reason lies in a long-term existence of several factors directly affecting the state of historiography of the subject.

Factors that Influenced the Historiography of the Habsburg Monarchy

These factors can be divided into three groups: (1) geopolitical factors; (2) Slavic factors; (3) disruptions in the tradition of schools of thought and drastic paradigm shifts within Russian historical studies.

A combination of geopolitical factors brought about a particular vision of “Empire” as the core code of Russia’s collective identity¹. This particular perspective in the history of state-building came to be deci-

sive in the study of the Habsburg monarchy as compared to Russia. Both states constituted major polysynthetic empires in the east of Europe. One of them comprised certain regions of Central Europe and a part of the Balkans, the other one, a gigantic Eurasian space. But the majority of nations united under Habsburg rule already enjoyed the heritage of parliamentarianism and state-building. Whereas the ethnocultural composition of Russia was, on the contrary, so heterogeneous, with glaring contrasts and conflicts, that it constantly required the highest concentration of powers of the centre to maintain control over restless provinces. Russian authorities always generated a power of geopolitical expansion. Government’s efficiency was largely determined by its capacity to annex and preserve new territories. It should come as no surprise then that Russia regarded as an evidence of decline of the Habsburg state its loss of certain territories in the second half of the nineteenth century. Constitutional experiments in Vienna, a search for national and civil consensus coincided with the Great Reforms in Russia. But having nearly made it to a constitution, Russia was turned away from it towards a traditional unitary order. The focus shifted from the development of parliamentarianism to a geopolitical expansion in Central Asia, the Caucasus and the Far East. In this respect, Russia was much more of an empire with a strong solid centre than Austria-Hungary. Nonetheless, it was the experience of Austria-Hungary that turned out to be the most coveted at the beginning of the twentieth century, when the sprouts of parliamentarianism started to appear on the political landscape of Russia, and the constitution-related debates resumed within its society.

Throughout history, a special system of codes and meanings is formed within cultures of states and societies, and they are revealed by means of symbolic interaction between self and other². Theoretical speculations of the Russian school led by Mikhail Bakhtin on the gnoseological and ontological bases of the “dialogue of cultures” allowed to expand the scope of interdisciplinary approach. The process of separation of self from other always created special meanings in the Russian intellectual tradition. The Habsburg and Romanov monarchies were linked not only by a common border but also by a long-term historical cooperation, in the course of which was formed a multilevel sociocultural system of communications. For several centuries, the awareness of the collective Russian self of itself, its singularity and relevance came about through its contacts with the Austrian other, with which it had in common both concurring and opposing geopolitical interests. A whole array of images of the other, perceived as friend-enemy-rival-competitor-ally, clearly manifested itself in the Russian-Austrian diplomatic relations and public perceptions, including historiographic projections.

The Slavic factors, in my opinion, had the biggest impact on the topic-related priorities and approaches in Russian research. There are numerous preconceptions surrounding the “Slavic question,” given that it is very difficult to draw a line between a scientific discourse and a political

update of the Slavdom topic with its inevitable distortions and speculations. The history of Slavic nationalism invariably contained stormy debates on the role of Russia. In any historiography – Russian, Czech, Slovak, Polish, Serb, Slovenian, Bulgarian or Ukrainian – the subject of Russia’s influence has always been one of the most sensitive ones. Despite an abundance of interpretations, it is not difficult to draw the conclusion that over the last two centuries it formed a fairly strong tradition of studying the history of Slavic nations against the background of the geopolitical Russia versus Europe/West dichotomy.

In Russia, the Slavic agenda traditionally occupies its own niche in historiography and public opinion. It comprises domestic and international contexts since it is closely linked to the research into the processes of state-building and collective identity of the Russian Empire, the understanding of the role of the Slavic question in both bilateral relations between Moscow and Vienna and diplomatic combinations of the entire “European concert” of the second half of the nineteenth and beginning of the twentieth centuries.

The third factor, disruptions in the tradition of schools of thought and paradigm shifts, had a considerable impact on the approaches and methods of Russian research of the Habsburg monarchy. The Russian historical science suffered two major disruptions in the intellectual tradition, and each time a change of political system brought about a new historiography that began with an emphatic rejection of the previous tradition. Following the October revolution of 1917, positivism was replaced by the Marxist-Leninist methodology based on class approach and theory of social formation that remained dominant up until the collapse of the USSR. The nineties witnessed stormy historiographic discussions between “pro-Western specialists” and “nationalists,” as well as an overall “methodological shock.” It was only by the beginning of the twenty-first century that appeared new schools of thought, integrated into international environment, and started to develop interdisciplinary research methods³.

This article will bear on the studies that, in my opinion, constituted an intellectual breakthrough and laid down new research areas in the Russian historiography of the Habsburg monarchy. Thousands of papers were written over the past one hundred and fifty years, and it is a challenging task to select the most important ones among them. All the more so since any selection is highly subjective, depending on author’s preferences and vision of historiographic situation. The suggested schema does not claim to present a universal classification. It is more of an attempt to reveal the principal directions in which progressed the knowledge of the Habsburg monarchy and its Slavic nature, of the relations between Moscow and Vienna in the nineteenth and beginning of the twentieth centuries. Already in 1995 an attempt was made to carry out a comprehensive research of the Soviet historiography on Austria-Hungary initiated by the “Austrian History Yearbook”. A research team led by Tofik Islamov, head

of the Department of History of Austro-Hungarian Nations, Institute for Slavic and Balkan Studies, analysed the key directions and progress of the Soviet historiography and revealed its specific nature⁴.

Having analysed various possibilities, I have opted for a chronological principle. It would make it easier to feel the mood of the times in different historical eras, to see the way that intellectual preferences and political updating affected research methodology, infiltrating research papers.

Slavonic Studies and History of the Habsburg Monarchy at the End of the Nineteenth, Beginning of the Twentieth Centuries

Since the second half of the nineteenth century, a new school began to develop in Russia, the academic Slavonic studies⁵. Chairs of Slavic philology were set up in major universities of Moscow, Petersburg, Warsaw, Tartu and Kiev, where they taught not only Slavic languages and literature but also the history of Slavic nations, both ancient and modern. There were no special Slavic History chairs. But it was obligatory for every single university, as well as ecclesiastical and military academies, even the Higher Courses for Women (*vysshie zhenskije kursy*), to have in their curriculum courses on the history and literature of Slavic nations; they published special magazines such as “Slavyanskije Izvestiya”, “Slavyanskoe Obozrenie”, etc.⁶. Thus, gradually took shape a tradition of studying Slavic nations separately, regardless of their state affiliation and the general history of the Habsburg monarchy. It was one of those cases in historiography when the principle of ethnicity overpowered the principle of historicism. The history and culture of Slavic nations were turning into independent research subjects, thus leading to a dual perception of the Habsburg monarchy and a fundamental distortion of its history that was divided into a “Slavic” and a “non-Slavic” one.

There are two reasons that can explain the clear separation of Austrian Slavs from the general Austrian history that became so typical of the Russian historiography. Firstly, the emergence of Slavonic studies coincided with the construction of a new collective identity of the Russian Empire based on the Slavdom code (Russia as a centre of Slavic world with no boundaries or dividing lines)⁷. Secondly, the impulse to set the history of Slavic nations aside as separate research subjects, regardless of their dependence on Austria-Hungary, was coming from the Austrian Slavs themselves. National movements grew aware of their identity and political goals in opposition to the centre – Vienna and *Österreichertum*. It is commonly known that future Russian professors had to serve a two- to three-year internship abroad, particularly in German universities, then go on a journey through Slavic lands where they were supposed to visit local archives and libraries, monuments and museums. A voluminous correspondence of the time between Russian scientists and their colleagues from Slavic lands of Austria-Hungary indicates active scien-

tific cooperation and a considerable Czech, Slovak and Polish influence on the development of Slavonic studies in Russia. All the more so since this new discipline was already taught in the universities of Prague, Vienna, Belgrade, Sofia and others by the end of the nineteenth century⁸.

The multidisciplinary Slavonic studies encompassing historical, linguistic, ethnographic and culturological research were a unique phenomenon in Russian humanities. Formed at the confluence of romantic fascination with Slavic reciprocity and academic interest in common cultural and historical heritage, the academic Slavonic studies, having survived the temptation of the political Pan-Slavism in 1860–1880, made a serious progress by the end of the nineteenth century⁹. Considerable achievements were accomplished in comparative Slavic philology and auxiliary sciences of history (Slavic palaeography, sphragistics, numismatics, archaeology).

However, according to Lyudmila Lapteva, an expert in the history of Slavonic studies, it took historians a long time to break away from Pan-Slavic interpretations. Only in 1870–1880 the positivist methodology allowed to gradually oust from academic papers the speculations on the “great future of Slavic world” and the ideas of unconditional Russophilism of foreign Slavs. But Russian historiography had never managed to fully overcome the “Slavophilistic approach”¹⁰.

Liberal professor Alexandr Pypin was a prominent representative of the critical positivism. He conducted a major comparative study of the way the academic Slavonic studies and the ideology of Pan-Slavism developed in Russia, Austria-Hungary and the Balkans based on different printed sources of the 17th–19th centuries¹¹. As a gutsy polemist, he took a stand against Slavophilism. Long before the “linguistic change of course” of the eighties, Pypin analysed literary works as a reflection of the “internal organic process” of formation of the nations of modern Eastern Europe. He used numerous examples to prove that the factor of statehood was of a particular importance for the forming Slavic nations. The Austrian Slavs, in his opinion, were closely related to the Habsburg dynasty and the Austrian-German culture for centuries, they shared a common historical experience of coexistence of various nations within the boundaries of the Danubian monarchy. They used their “ostentatious Russophilism” as a political tool to fight for their rights but by no means to reunite with Russia, as seemed to think certain Russian Panslavists¹². The very existence of Slavic movements in Austria-Hungary provoked fierce debates about the Russian Identity among the intellectuals. Virtually all Slavic communities with their territorial claims and awareness of their role in Europe served as study subjects. Scientific justification for these processes was reflected at first in the logical positivism of historical and philological studies of Slavic nations, then later in general socio-political writings.

Starting from the second half of the nineteenth century, an in-depth study of Slavdom was accompanied by a growth of interest in the his-

tory and current situation of Austria-Hungary, despite the fact that the Russian-Austrian relations kept on swinging from rapprochement to a dramatic chill. Major statistical studies were translated into Russian on an annual basis. A particular attention was paid to military statistics and financial situation of the state¹³.

In historical studies, one can make out three topical clusters that attracted the most attention. First of all, it was the magnificent eighteenth century when the German policy of Catherine the Great brought about a considerable rapprochement between Petersburg and Vienna. Russian historians still hold in high esteem the writings of Pavel Mitrofanov that provide a detailed analysis of the domestic and foreign policy of Joseph II, his attempt to combine state pragmatism and idealism, the reasons for his interest in Russia¹⁴. The prevailing opinion was that the union of two empires allowed to advocate common interests in the “Eastern question,” despite their differences in the vision of the role of the Ottoman Empire in European policy. Nonetheless, Russian research emphasized the fact that the support of Vienna enabled Russia to integrate into Europe as a great power. Just as much interest provoked the evolution of relations between the two empires within the Holy Alliance and the policy of State Chancellor Metternich¹⁵.

Since the second half of the nineteenth century, the diplomatic collections of imperial archives have gradually become accessible to the public. There were published treaties with foreign powers, official correspondence, diplomatic reports. A multi-volume edition by Friedrich Martens that laid the foundations of a systematic study of the foreign policy history of Russia was particularly valuable¹⁶. Researchers used these documents to prove that the relations between Petersburg and Vienna, sealed by the Holy Alliance, were far from the principles of a conservative legitimism. Despite their ostentatious solidarity, the contradictions between the two empires continued to intensify. There were many reasons for that: the Jewish question, relations with the Slavs, the status of Baltic Germans. Famous specialist of diplomatic history Sergej Tatichtchev proved that ever since 1837 Russia had tried to become closer to England, the most important financial and economic power in the world, which greatly irritated Metternich. It was only the Spring of Nations in 1848–1849 that reminded the two empires of their allied obligations in the face of revolutionary unrest in Hungary and Galicia¹⁷.

In the second place, particular interest aroused the military history of Austria-Hungary. Since the end of the nineteenth century, a series of lectures on the history of Austrian victories and defeats, army development and military reforms was prepared for the officers of the General Staff Academy¹⁸. The third in order of importance and number of publications was the history of Austrian parliamentarianism, the development of legislative system and insurance policy¹⁹. Even a brief review allows to make a conclusion: for all the information abundance and a strong interest in its closest European neighbour, there was no major work written on

the subject in Russia. General studies reflected a “divided” history, with a clear separation between “Germans/Hungarians” and the “downtrodden Slavs”²⁰. Despite a critical vision of the policy of liberal compromises of the Habsburg monarchy, Russia closely followed the development of its parliamentarianism. The nostalgia for a once close yet lost ally, who maintained his sociocultural appeal for the Russian society for all their diplomatic differences, tinges the historical research dating back to the cusp of the nineteenth and twentieth centuries.

Ideological Priorities and Topics Analysed in Soviet Historiographic Studies, 1930–1980

After the revolution and the collapse of the Romanov dynasty, a new historiography was created drawing on the synthesis of works of Marx, Engels and Lenin – Marxism-Leninism. Marx’s great social and economic theory and Lenin’s revolutionary theory were simplified and brought together into a general methodology of class struggle and formational approach. Pluralism of opinions was out of the question. Soviet historians were supposed to use quotes from the “classical authors of Marxism-Leninism” as their basic arguments in reference to various historical subjects. In hostile environment of censorship, the methodology of study of all historical eras and processes was determined by the principle of class struggle. Scientists had no other choice but to broaden their knowledge through archival research and reconstruct historical narratives to the last detail. Archival positivism became a sort of response to the submission of historical studies to political goals. Any conceptual deviation from the “classics” and attempts to create new theories could have led to repressions.

The Soviet historiography of the Habsburg monarchy was also unable to escape this fate. From the very beginning, it evolved within the narrow bounds of comments of Marx and Engels on Austrian topics, published mainly by “*Neue Rheinische Zeitung*” during the revolutionary period of 1848–1849, that called for a Pan-German revolutionary march against the “reactionary Slavs” and imperial Russia and assailed the Habsburg policy²¹. The negative judgements of Marx and Engels regarding the “reactionary nature” of Slavic nations, caused by their bitter disappointment in the “Spring of Nations,” became some sort of postulate for the Soviet historical school. One of its founding fathers, Mikhail Pokrovsky, claimed that Pan-Slavism and the support of Slavic movements served the “reactionary purposes of the tsarist government”²². Particular emphasis was also placed on the critical assessment of the Habsburg state as a “prison of nations” made by Lenin in his writings, in which he analysed the ways of dealing with the issue of inter-ethnic relations²³. This political scepticism with regard to the Danubian monarchy, typical of the “classics of Marxism-Leninism,” defined the methods of Soviet historiography for years to come.

Following the revolution, the Slavonic studies as a comprehensive discipline found itself in a deep crisis. Ideologues of Marxism-Leninism considered it a product of “reactionary Pan-Slavism.” Many reputed scientists (A. Pogodin, V. Frantsev, I. Yastrebov, etc.) were forced to emigrate. Russian universities were hit by a series of waves of reorganisation, “bourgeois professors” were cleaned out and replaced by the “red professordom,” the ideologues of Marxism-Leninism. The Academy of Sciences lost its autonomy²⁴. Academician Nikolaj Derzhavin tried to resurrect the tradition of comprehensive research in the Leningrad Institute of Slavic Studies that he created in 1931. He intended to use the Marxist-Leninist ideology in order to explicate the history of class struggle in the new Slavic countries formed as a result of the Treaty of Versailles. Slavic linguistics was to become a tool of class development, a future projection of revolutionary outbursts. But this audacious project did not last long. Already in the middle of the thirties broke out the “Affair of Slavists” that led to the arrest of over 70 scientists in Moscow and Leningrad, and the Institute was closed²⁵.

Priorities of Marxist-Leninist ideology were also reflected in the diplomatic history. The Bolsheviks disavowed the historical experience of Tsarist Russia, accusing the Romanov dynasty and government of “imperialistic ambitions” and unleashing of World War One. The history of Russian revolutions and revolutionary movements was being written on a clean slate, with not only the Habsburg monarchy but also the Romanov Empire viewed as a black and white issue, a necessary evil overcome by forward-thinking classes. A new diplomatic history was being created on the heels of events, capitalizing on the wave of massive declassification of tsarist documents²⁶.

By revealing the secrets of imperial chancelleries, the new government pointedly declined responsibility for any commitments of the overthrown monarchy. Originally, the Soviet approach to the study of foreign policy of the Russian Empire was focused on exposing the “cahoots” between bourgeois governments. Already in the twenties, the editors of “*Krasnyj Arkhiv*” were forced to admit that the first releases “were thrown together hastily, that would have been the end of any argument about ‘parties at fault,’ not because there weren’t any but because everyone was to blame, and way more than they thought they were”²⁷.

There was a dramatic change in historiography during World War Two and the first postwar decade. Soviet ideology had once again turned to the slavophile idea of an “age-long struggle between Slavdom and Germandom.” The Kremlin began to discuss a project of a “new Slavic movement” in Europe. In 1941 was founded the All-Slavic Committee, publisher of “*Slavyane*” magazine, there were organised All-Slavic rallies²⁸. Starting approximately from 1944, the USSR began to promote a new strategy designed to include Central and Eastern European countries in its zone of geopolitical influence. The historical policy had once again made a steep turn, having revived its “Slavic heritage” but this time

based on Marxism-Leninism. Historical studies were charged with a task “of summarising the revolutionary and democratic experience, as well as the class struggle of Slavic nations,” articulated by the Soviet delegation at the Slavic Congress Reunion in Belgrade in 1946²⁹.

In reality, it was a state order for the history of national radicalism and revolutionary movement of Slavic nations. In the forties were created the Institute of Slavic Studies of the Academy of Sciences of the USSR and the Department of Southern and Western Slavic History of the Moscow State University. Even though already by the end of the forties the Kremlin had given up its “Slavic project,” the Slavic discourse continued to be relevant in historical research all throughout the Soviet era. The sovietisation of Eastern and East-Central European countries raised the issue of heritage of Austria-Hungary that turned out to be divided and this time not on paper but by the actual national frontiers. The majority of Eastern and East-Central European countries became part of the Soviet block. It is small wonder that after the beginning of the Cold War the neutral Austria became the focus of particular attention from the USSR and the USA. Both states were well aware of the political and symbolic importance of Vienna for Central and Eastern European nations. The very idea of perceiving Austria-Hungary as an integration core of the Danube region was a challenge in itself, provoking division between historians of Eastern and Western Europe.

In the fifties, a project for the study of the “united state and all-Austrian idea (*Gesamtstaatsidee*),” supported by the Rockefeller Foundation and several major US universities, began to develop in Austria³⁰. At the same time, other thematic priorities were gaining their place in Soviet historiography. Let us review some of the trends that prevailed in Soviet research of the Habsburg monarchy.

Firstly, the highest priority was given to the history of protest movements in various regions governed by the monarchy, the status of working social groups, the evolution of radical nationalist parties and ideologies. In other words, Soviet historiography was focused on labour- and peasant-related issues. The topic of revolutions and their continuity in Europe was essential for Marxist historiography. Any manifestation of social conflicts became the subject of the most detailed study. This tradition was established already in 1948, at the moment of celebration of the “Spring of Nations”³¹. Revekka Averbukh, Sergej Kan, and Ivan Udal'tsov subjected to sharp criticism the national liberal forces that “betrayed” the revolutionary cause. The importance of extremist groups was greatly exaggerated. Austroslavism, the motto of the Prague Slavic Congress of 1848, was seen as a “reactionary and conservative” phenomenon. It must be noted that Marxist publications from Eastern and East-Central European countries significantly affected the progress of Soviet historiography. These writings were translated into Russian and always accompanied by reviews of Soviet historians in leading magazines. Russian historians adopted a conceptual approach only if it did not contradict the

“classics of Marxism-Leninism”³². In the history of the Habsburg monarchy a key emphasis was placed on the revolutions of 1848–49. They were the starting point in the development of labour movement and history of social democracy. Thus, there was established a historical continuity between the revolutions of 1848, the Russian revolutions of 1905 and 1917 and the revolutions of 1918³³.

Secondly, a separate discipline focused on the history of Pan-Germanism began to develop starting from the sixties. It originated at the confluence of German and Slavonic studies with a focus on the ideological mission of fighting against the *Ostforschung*, the Eastern European research that was gaining momentum in Western historiography. There were published the collections of “Slavyano-germanskie issledovaniya” featuring the narratives of confrontation between Slavic nations and German community, from colonization to two world wars. In this context, the Habsburg monarchy was obviously seen as an oppressive state, a tool of political supremacy of Germans over Slavs³⁴. The choice of historical sources was very selective, thus giving even academic discussions a tone of violent political controversy.

The review of *Drang nach Osten* in the seventies and eighties is a textbook example of penetration of politics into science and vice versa. But here, similar to the study of revolutionary movements, Soviet historiography was affected by the subjects and approaches of the national historiographies of Eastern and East-Central European countries dominated primarily by the concept of “liberation movements.” At that time, Soviet historiography begins to actively work with diplomatic sources on German politics kept in Russian archives, to reconstruct in detail the interactions between Russia, Austria, Germany and England in the Balkans on the cusp of the nineteenth and twentieth centuries, to analyse the institutional and ideological foundations of the Austrian Pan-German movement.

Thirdly, a new research area began to gather momentum since the end of the sixties, turning into a priority one in the eighties and managing to preserve its status in the post-Soviet historiography as well. The area in question is the comparative study of Slavic factor in the ideology of national movements and the politics of the Russian Empire. At that time, the Institute of History of the Academy of Sciences was divided into the Institute of Russian History and the Institute of World History. Accordingly, the Slavonic studies were concentrated in the Institute of Slavonic Studies and the Department of Southern and Western Slavic History of the Moscow State University, whereas the Austrian and German Studies, in the Institute of World History. That said, the history of Russian diplomacy was being analysed in all three Institutes. Such a division of institutions secured the academic dualism in the Habsburg studies, but it was no longer based on the “Slavic” criterion. The Institute of Slavic Studies was charged with studying the Romanian and Hungarian history, as for the Institute of World History, it was focused on the Austro-German and

Austro-Italian history, as well as the history of Austrian lands.

In the sixties–eighties, the system concepts of the history of the Habsburg monarchy were elaborated and the Central European discourse asserted itself in the West, while in the USSR it was opposed by the Slavic discourse up until the beginning of the nineties. Under heavy pressure of ideological censorship, Soviet historians took little heed of comprehensive approach. It is no wonder that the historiographical image of Austria-Hungary was painted in black and white. The dominant “Austro-German” reactionary feudal and bourgeois groups opposed the “progressive” revolutionary and democratic movements, but the latter still managed to ensure the destruction of the Habsburg Empire. This simplified image was built by the first generation of Marxist historians (Vladimir Turok, Aleksandr Ivanovich Molok) under the influence of their close contacts with Austrian social democrats and communists in the twenties. The next generation (Tofik Islamov, Il’ya Galkin, Vladimir Izrailevič Frejdzon, Il’ya Miller), although still shackled by Marxist-Leninist methodology, was already more open to new concepts and ideas³⁵.

The international contacts enabling to create “scientific bridges” between East and West and break through the walls of academic isolation assumed a considerable significance in the sixties–eighties. The sixties were marked by the magic of landmark anniversary celebrations: 50th anniversary of the beginning and the end of the World War One; 100th anniversary of the Austro-Hungarian Compromise of 1867; 50th anniversary of the collapse of the monarchy and the creation of new states. To commemorate these dates, there were organised major international conferences in Bloomington (USA), Vienna, Bratislava, and Warsaw; multi-authored publications saw the light of day. Soviet historians were able to participate in these conferences. Under the influence of academic communications, historiographic images, approaches and research methodology gradually began to undergo some adjustments. One can distinguish several major topics that initiated the process of rethinking and departure from the “Marxist-Leninist directives.”

Slavic Ideology and Slavic Question in the Habsburg Monarchy and Russia

This topic was not addressed by Soviet historiography until the end of the sixties. While there were hundreds of papers written on the subject in the Russian Empire, especially during the last decades of its existence, Marxist historiography considered it to be a marginal issue. Two factors have drastically changed the situation. For one thing, already in the fifties foreign researchers began to manifest keen interest in Pan-Slavism that was interpreted as one of the types of nationalism of the developing Slavic communities. But the historiographic stand was rather one-dimensional, which was generally typical of the Cold War period. American historians made direct comparisons between the situation in

Austria-Hungary and the sovietisation of Eastern Europe. The question of limits of acceptable analogies and the actual part that Pan-Slavism played in the foreign policy of the imperial Russia was not even raised. All the more so, as Western historians had no access to a major part of diplomatic documents. There was created a historiographic myth about the existence of a Russian project of an all-Slav empire that was accepted even by the most reputable encyclopaedias³⁶. Such a blatant politicization of the subject of Pan-Slavism in the West resulted in its ban in the USSR. “Slavyanskije komitety v Rossii v 1858–1876 gg.”, a brilliant paper by Sergej Nikitin based on an in-depth analysis of archival records and press, constituted a breakthrough in the research of Pan-Slavism and Slavic policy in Russia³⁷.

For another thing, the Czech historiography of the sixties witnessed stormy debates on the role of Russophilism and Slavdom (*slovanství*) in the national movement of the nineteenth and beginning of the twentieth centuries. Even though the Marxist writings of Zdeněk Nejedlý about the revolutionary “Russo-Slavic brotherhood,” reflecting the official stance, were reprinted in the USSR and Czechoslovakia, there began fierce discussions around the Slavic topic launched by the Slavic Institute in Prague. Two approaches, apologetic and critical, confronted at major conferences in Bratislava in 1959 and 1961, in Smolenice in 1959 and 1966, in Opava in 1966. The focus of these debates was the interpretation of value dimensions in the study of national identity and regulatory bias, myths and reality within the general context of Slavic subject. The question was raised as to what would be “in the best interests” of the national goals of Czechs and Slovaks? There were many various speculations on this point. Importantly, for the first time was raised a question of historical terminology and its modern interpretations. In the twentieth century, the all-Slavic notions created in the nineteenth century, like chameleons, were changing their connotation and meanings in response to the political environment. A consensus was reached concerning the use of the base concept of *slovanství* that encompasses the entire bulk of historically changing forms of collective consciousness reflecting the idea of Slavic community. The prime objective was to bring to light the very core of this phenomenon and to determine its relations with other components of national ideology. The evolution of the critical *slovanství* theory was interrupted for nearly twenty years due to the Warsaw Pact invasion of Czechoslovakia in 1968 and the ideological purges in universities and academic institutions that followed. But the intellectual potential of Czech and Slovak discussions gave an impetus to a new interpretation of the Slavonic topic in the Soviet historiography of the eighties.

A first attempt was made by Vladimir Volkov in 1969, when he tried to compare the Pan-German and Pan-Slavic movements under the Habsburg Monarchy³⁸. But there was no continuation to this ambitious attempt. Researchers of Slavic ideology chose to stay away from terminological discussions, invoking the absence of clear criteria for classifi-

cation.

Already in the eighties, the Soviet Slavonic studies had amassed a considerable amount of empirical materials regarding the nation formation processes in Central and South-Eastern Europe, which allowed to proceed to a large-scale comparative analysis. Key emphasis was still placed on the study of Slavic ideology. It was recognized that this ideology was created in opposition to Italian and German processes of unification, as well as in response to Hungarian nationalism. In contradiction to former Marxists directives was recognized the leading role of national businessmen and intelligentsia. But the evaluation criteria (“reactionary” bourgeois liberals and “progressive” bourgeois democrats) continued to be reproduced³⁹.

In a major general publication “Osvoboditel’nye dvizheniya narodov Avstrijskoj imperii” (1981), a special article was dedicated to the typology of “Slavisms.” Vladimir I. Frejdzon distinguished “progressive and reactionary moments” in the nationalism of each “small nation”. Various projects of Slavic solidarity were, in his opinion, but tools used by diverse nationalist parties to achieve their own political goals⁴⁰. Thus, the idea of *slovanství* being secondary to the national “self discourse,” defended in the sixties by the critical historiography of Czechoslovakia, was accepted by Soviet historians twenty years later. Types of nationalist movements were devised with due account for local characteristics, social structure and the role of Slavic ideology in Polish (Svetlana Falkovich, Alexei Miller, Leonid Gorizontov), Croatian (Frejdzon, Sergej Romanenko), Slovenian (Iskra Churkina), Czech and Slovak territories (Lyudmila Lapteva, Zoya Nenasheva, Klavdia Gogina). Soviet historiography abandoned the ideas of unconditional Russophilism of foreign Slavs, it analysed their pragmatic interests in relations with Russia, as well as Habsburg priorities. Lyudmila Lapteva made a considerable contribution to a new interpretation of Russo-Slavic relations, she managed to use an enormous mass of sources from academic archives to reconstruct the development of scientific ties of Russia with foreign scientific communities and to prove the maturity of the Russian positivist school of Slavonic studies at the end of the nineteenth and the beginning of the twentieth centuries.

Significant results were achieved in the studies of Russia’s Slavic policy. The ideas expressed by Sergej Nikitin were carried on by his pupils, Iskra Churkina and Vladimír Matula. In archives, they managed to find a group of documents shedding light on various aspects of activities of Mikhail Rayevsky (1811–1884), arch-priest of the Russian ambassadorial church in Vienna, and his extensive contacts with Austrian Slavs in the second half of the nineteenth century. The Neo-Slavism research carried out by Zoya Nenasheva significantly complemented the knowledge of “Slavic projects” in Russia and Russian-Austrian diplomatic relations in the beginning of the twentieth century⁴¹.

Typology of Nationalist Movements under the Habsburg Monarchy

The turning point in Soviet historiography stemmed from a refusal to blindly idealise the anti-Habsburg liberation movements. It was understood that the humanistic oriented “cultural nationalism” of the age of Enlightenment and Romanticism, embodied by the ideal figure of “citizen of the world” on the cusp of the nineteenth and twentieth centuries, made way for the “integral nationalism,” radical and belligerent. This new type of nationalism was directed not only against the polyethnic monarchy, but also against other nations in general co-existing under the same state-operated roof. These issues were discussed at a joint meeting of the Czech-Yugoslav Commission.

But the theory of complete and incomplete social structure of nationalist movements in Austria-Hungary, developed in the seventies and eighties by Il’ Miller, Vladimir Frejdzon and Tofik Islamov under the influence of writings of Polish historian Józef Chlebowski, was the one that reflected most fully the new trends. In the social structure of emerging nations, the emphasis was laid on the “historical nobility” as carrier of “historical conscience.” In conformity with this theory, the movements that preserved historical elites (Hungarian, Polish) were the ones that achieved the best results in the consolidation of the nations of modern Europe. This approach made it possible to deviate from the standard Marxist-Leninist scheme, to focus academic research on a comprehensive analysis of collective identities of the nations of Austria-Hungary. It can be said that the eighties witnessed a break with Slavocentrism that opened up new opportunities and horizons for a system research.

Habsburg Studies in Russia in the 1990s and 2000s: Methodology, Interpretation, Research Practices

Over the last twenty-five years, the Russian historiography has witnessed monumental debates and methodological schisms, search for new narratives, declassification of archives and change of generations. To this day, the community of professional historians is unable to overcome the so-called “civilization gaps” and restore the continuity between the imperial, Soviet and post-Soviet periods. To this day, the society is being rocked by heated debates about revolutions and wars, Soviet heritage and codes of collective identity⁴².

Following the collapse of the USSR, the interpretation of the historical past underwent a considerable transformation in both collective memory and academic science. This situation was similar to the one experienced by Austria after the World War II, when the historical image of the Habsburg Monarchy had been recreated through major research projects and reinvented in public discourse, thus becoming the key code for the new Austrian identity. A particular emphasis was laid on the reinterpretation

tion of the role played by Austria-Hungary in the lives of peoples of Central and South-Eastern Europe⁴³. In the 1990s, the images of the Russian Empire and the Soviet Union were reconstructed anew in the collective memory of post-Soviet states. And while for the Russian historiography this process has been unfolding within the confines of nationwide and civil codes, the national historiographies of post-Soviet societies so far tend to reject their common historical experience. The “Empire” episode is seen above all as a way of asserting their own national origins.

The reinterpretation of the history of the Habsburg Monarchy in the Russian historiography began in the 1990s, along with the new trends in the analysis of the Russian empire. It was particularly important for historians not only to integrate the imperial experience of Russia into the big picture of its history, but also to explain the way it was reflected in the memory culture of its modern society. In recent studies, the development of the Russian state is usually described in terms of plurality and integrity⁴⁴. The main emphasis is on the historical experience of coexistence and its multicultural component. This approach makes the Russian and Austrian historiographies similar in their analysis of the phenomenon of a polysynthetic state. But historians differ greatly in their assessment of efficiency of the models of evolution of these two monarchies in Central and Eastern Europe.

In the 1990s, the “nationalism” remained the key concept that Russian researchers turned to in order to describe the crisis phenomena in the history of the Habsburg Monarchy. They used to analyze national movements from the viewpoint of practicability and efficiency of political actions. Through this approach, emerged a very simple and understandable scheme, where the history of the monarchy was reduced to the process of social and cultural emancipation of ethnic groups from the “oppression” of “German centralism”. And despite the fundamental changes in research methodology, despite new, more sophisticated terms and approaches, the traditional opposition between nationalism and empire continued to persist.

From the beginning of the 1990s, the focal point of the new historiography was the Department of History of the Austro-Hungarian Nations, Institute for Slavic Studies, headed by Tofik Islamov. His publications on the history of Hungary and Austria in the nineteenth and the beginning of the twentieth centuries, featuring most recent trends in foreign research, had a major impact on the creation of a comprehensive approach to the history of the Habsburg Monarchy. The Department became the center of attraction for leading researchers aiming to overcome previous methodological “gaps” in ethnic and nationwide narratives. Prominent scholars from Austria, Hungary, USA, Germany, Canada came here. They prepared joint publications on the controversial aspects of the history of Austria-Hungary. This opened new perspectives in the understanding of social, economic and political processes. For the first time, the works of such distinguished authors, as Solomon Wank, Péter Hának, Valeria Heu-

berger, John C. Swanson, and Harry Cohen, were published in Russian.

One can only deplore the fact that the collections containing the documents of several international conferences on the Austro-Hungarian history have never turned into big thematic publications. However, they did boost further Russian research and closer contacts with foreign scholars. This cooperation in the interpretation of the history of the Habsburg Monarchy is a perfect example of the underlying processes taking place within the Russian humanities, where new ideas and approaches continue to interpenetrate and reshape one another, thus destroying the existing boundaries and barriers and creating a common research area.

The current historiographic situation in Russia is rich in alternative hypotheses and interpretations. In my opinion, there are several schools of thought that considerably improve the insight into the history of Austria-Hungary: 1) comparative imperial studies; 2) studies of intercommunications and inter-influences based on the constructivist methodology; 3) Slavic integration projects in the diplomatic relations between Vienna and Petersburg; 4) a humanitarian dimension of the Russo-Austrian relations.

The writings of Solomon Wank and Péter Hának had a particular impact on the genesis of new schools of thought and approaches in the historical research of the Habsburg Monarchy in Russia. Tofik Islamov and Vladimir Freidzon, by means of their conceptual papers, engaged in controversy with Austrian scholars, thus creating a critical yet highly interested discussion of the most recent concepts and narratives in the world historiography of the Habsburg Monarchy⁴⁵.

At the same time, one can't help but feel that the Russian studies in the 1990s played second fiddle to the Western research. They tended to have a particular predilection for archive documents and historiographic analysis. A substantial corpus of archive documents has always been the Russian standard of academic research. And due to a massive declassification of new funds in Russian archives, historians were faced with a very complex task. On the one hand, new, unknown sources had to be introduced into a scientific discourse. On the other hand, the Russian historical science was seriously lagging behind the methodologies of the Western humanities.

It was highly important to become familiar with foreign theories and research practices, to make sense of new notions, as well as the intellectual line of reasoning previously beyond the reach of the Soviet historiography. In the 1990s, a new comprehensive approach has been making its way, overcoming the resistance of advocates of the traditional pro-Slavic narrative of the history of Central and South-Eastern Europe. As such, two alternative discourses, Central European and Slavic, have been co-existing in the Russian historiography for nearly a decade. Only in the first decade of the twentieth century did their methodological convergence finally begin, consequently shaping the domestic infrastructure of the Austrian research.

At present, its scope is quite extensive. The key research centers are located in Moscow and Saint Petersburg. They collaborate closely with the regional schools that appeared in the Caucasus area, i.e. Stavropol⁴⁶ and Tambov⁴⁷. One should also note a particular interest that the scholars from Tomsk⁴⁸, Nizhny Novgorod⁴⁹, and Voronezh⁵⁰ show to the Austrian theme.

In Moscow, each research center specializes in a particular area of the Habsburg studies, thus ensuring their complementarity and a close cooperation. The Institute of World History of the Russian Academy of Sciences (RAS) makes a special emphasis on the eighteenth and the first half of the nineteenth centuries⁵¹. The Institute for Slavic Studies of RAS analyses the All-Austrian topics⁵²; the history of the Austro-Hungarian regions⁵³; Polish territories⁵⁴, Slovenian territories⁵⁵. The Austrian studies are included in the curriculum of comparative imperial studies of both research institutes.

Researchers from the Department of History of Southern and Western Slavs, Faculty of History, Moscow State University (MSU), are successfully carrying out several studies of Neo-Slavism, Czech-German relations, Slavic history and culture⁵⁶.

For several decades now, the Russian State University for the Humanities (RSUH) has been organizing projects of comparative studies of the Russian Empire and the Habsburg Monarchy. These interdisciplinary efforts brought together historians, culturologists and literary critics from Russia, Austria, Germany and Switzerland. Such an international scientific cooperation enables scholars to analyze the phenomenon of the Habsburg Monarchy on an interdisciplinary level, using a considerable array of sources recently made available to them. Because the key questions remain relevant to this day: What kind of influence, direct or indirect, did the Habsburg Monarchy have on Russia? What kind of interactions, visible as well as hidden, existed between these major polysynthetic states for almost 300 years? What kind of effect do this mighty, vanished yet not forgotten empires have on the historical memory and historiography of modern societies?

The first successful joint projects revolved around the Austrian literature of the nineteenth and the beginning of the twentieth century, with the most prominent paper being “Vena kak magnit?” (Vienna as a magnet?) edited by Nina Pavlova and Gertraud Marinelli-König⁵⁷. Yet another major project at the RSUH was initiated by Prof. Moritz Csáky, founder of the school of modern thought and head of the Commission for Cultural Studies and History of Theater, Austrian Academy of Sciences, Vienna. Russian scholars together with their Austrian, German and American colleagues from the University of Graz undertook a large-scale comparative study entitled “Drug ili vrag. Avstro-Vengriya i Rossiya kak dva mnogostavnykh gosudarstva v kontse 19 – nachale 20 vv.” [Friend or Foe. Austria-Hungary and Russia as Two Polysynthetic States at the End of the Nineteenth and the Beginning of the Twentieth Centuries].

It resulted in the publication of three books: “Modern – modernism – modernizatsiya. Sravnitel’nyj analiz Rossii, Avstrii, Shvejtsarii na rubezhe 19 – nachale 20 vv.” [Modern – Modernism – Modernization: Comparative Analysis of Russia, Austria, Switzerland on the Cusp of the Nineteenth and the Twentieth Centuries] (Moscow, 2004), “Mekhanizmy vlasti. Sravnitelnyj analiz politicheskoy kultury monarkhii Gabsburgov i Rossii” [Power Mechanisms: A Comparative Analysis of the Political Culture of the Habsburg Monarchy and Russia] (Moscow, 2007), and “Konfliktszenarien um 1900: politisch – sozial – kulturell. Österreich-Ungarn und das Russische Imperium im Vergleich”⁵⁸. In these publications, Russian, Austrian, German and Swiss scholars compared the models of power presentation, codes and symbols of collective identity of both states, their modernization dynamics and results, national policies and local contexts, conflict scenarios and visions of the future as perceived by the intellectuals and politicians on the cusp of two centuries. It was a first experience of close international cooperation that resulted not only in an active exchange of knowledge, but also in new approaches to the comparative analysis of two monarchies in this period.

Most importantly, these papers interpreted politics as the action zone of empires, where separate ethnic communities were perceived in the nationwide context. This approach allowed to reconstruct the life of the big empire in greater and more precise details, in all the beauty of its everyday life, as well as to understand the strategies of legitimization of nationalism of some of its ethnic groups. Yet the question remains – how should one evaluate the efficiency of specific imperial mechanisms? Should one devise special assessment criteria to determine the imperial center’s ability to withstand various social and political challenges? What is more important, an experience in parliamentary government and constitutional development or a strong centralized control?

The Institute of Art Studies carried out several large-scale comparative studies in the art culture of Austria-Hungary.

The North-Caucasus Federal University (NSFU) together with RSUH and the Institute for Slavic Studies succeeded in gathering together different research papers on the Habsburg Monarchy from regional universities of Russia. As a result, there have already been seven editions of “Rossijsko-avstrijskij almanakh: Istoricheskie i kulturnye paralleli”.

All Russian research efforts on the history of Austria-Hungary are united under the Russo-Austrian Commission of Historians (co-chaired by academician Aleksandr Oganovič Chubaryan and Prof. Stefan Karner) created in 2008. Its main focus is on the history of relations between the Russian Empire and the Habsburg Monarchy, the support of research projects on different aspects of the history of relations between Russia and Austria in the nineteenth and twentieth centuries. The Commission’s Austrian co-chairman Prof. Stefan Karner encourages the development of Austrian studies in Russia. Thus he initiated various large-scale projects: multi-authored publications, exhibitions, international conferences.

The Commission contributed to the organization of several international conferences, including the ones on the Napoleonic wars, the World War I, the Cold War, the European international relations. In 2017–2018, the Commission members published “Rossiya i Avstriya: vekhi sovместnoy istorii” [Russia and Austria: The Milestones of Common History] in both Russian and German⁵⁹. In this publication, scholars of both countries presented their views on the events of their common history, from the first contacts at the end of the fifteenth century to this day.

Since 2013, in addition to its regular sessions, the Commission has been hosting summer schools for young scholars with the support of Ludwig Boltzmann Institute for Research on War Consequences (Austria) and the European Union.

* * *

Thus, despite strict ideological filters during the Soviet period, the notions of plurality and integrity have been present in the Russian historiography for a long time. These days, the history of the Habsburg Monarchy is being recreated through its imperial experience and polysynthetic nature. There are a few trends that can be singled out.

Firstly, the historiography is slowly but surely moving from the simplified mythology towards a new research approach and critical analysis.

Secondly, the key topic of the so-called “small nations” and the “imperial bureaucratic power” underwent fundamental conceptual transformations in different historical periods. The thesis of oppressive ethnic- and language-specific discrimination and violent national conflicts has been gradually abandoned by scholars. At the same time, the national discourses of small nations, focused on the memories of historical traumas and the need to protect their own interests in their relations with the “big” (power-holding) nations, still continue to have a certain impact. Currently, the interpretation of the phenomenon of the polysynthetic state is mostly focused on its criteria and the limits of its democratization. Its history is reconstructed in accordance with political cycles: from an absolute monarchy to a police state, and then through the 1867 constitutional compromise to a parliamentary monarchy. Therefore, the core concepts of parliamentarism and constitutional monarchy feature high in the historical research.

Notes Примечания

¹ *Pavlenko O.V.* Geopolitical Visions in Russia: The Post-Soviet Interpretations // *Russlands Imperiale Macht* / Hrsg. von B. Pietrow-Ennker. Wien, Köln, Weimar: Boehrlau Verlag, 2012. S. 103–123.

² *Бородавкин С.В.* Гуманизм и гуманность как два языка культуры.

Санкт-Петербург, 2004. С. 11–60; *Onuf N.* Constructivism: A User's Manual // *International Relations in a Constructed World* / Ed. by V. Kubalkova, N.G. Onuf and P. Kowert. Armonk (NY): M.E. Sharpe, 1998. P. 58–78; *Wendt A.* The Agent-Structure-Problem in International Relations Theory // *International Organization*. 1987. Vol. 41. No. 3. P. 335–370; *Campbell D.* Writing Security: United States Foreign Policy and the Politics of Identity. Manchester: Manchester University Press, 1992; *Checkel J.T.* Norms, Institutions and National Identity in Contemporary Europe // *International Studies Quarterly*. 1999. Vol. 43. P. 84–114.

³ *Репина Л.П.* Историческая наука на рубеже XX – XXI вв.: Социальные теории и историографическая практика. Москва, 2011. С. 9–25; *Pavlenko O.V., Bezborodov A.B.* Die Aktualisierung historischer Erfahrung in russischen Lehrbüchern der 1990-er- und 2000er Jahre // *Wirtschaft. Macht. Geschichte. Brüche und Kontinuitäten im 20. Jahrhundert*. Festschrift Stefan Karner / Hrsg. von G. Schöpfer, B. Stelzl-Marx. Graz: Leykam, 2012. S. 589–607.

⁴ *Islamov T.M., Miller A.I., Pavlenko O.V., Glazkova M., Romanenko S.A.* Soviet Historiography on the Habsburg Empire // *Austrian History Yearbook*. 1995. Vol. 26. P. 165–188

⁵ *Лантева Л.П.* История славяноведения в России в XIX веке. Москва, 2005; *Лантева Л.П.* История славяноведения в России в конце XIX – первой трети XX в. Москва, 2012; *Бузескул В.П.* Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века. Москва, 2008.

⁶ *Лантева Л.П.* Кризис славяноведения в России в период с 1917 до середины 30-х годов // *Slavia. Časopis pro slovanskou filologii*. 2010. Vol. 79. P. 168.

⁷ *Павленко О.В.* Панславизм // *Славяноведение*. 1998. № 6. С. 43–60.

⁸ *Лантева Л.П.* История славяноведения в России в конце XIX – первой трети XX в. Москва, 2012. С. 10, 11.

⁹ *Лантева Л.П.* История западных и южных славян в освещении русской историографии XIX – XX вв. Санкт-Петербург, 2013.

¹⁰ *Лантева Л.П.* История славяноведения в России в конце XIX – первой трети XX в. Москва, 2012. С. 9.

¹¹ *Пыпин А.Н.* Панславизм в прошлом и настоящем (1878). Санкт-Петербург, 1913.

¹² *Павленко О.В.* Реконструкция панславизма в трудах А.Н. Пыпина // А.Н. Пыпин и проблемы славяноведения. Москва; Ставрополь, 2005. С. 66–78.

¹³ *Веселовский Г.* Финансовое положение Австрийской империи // *Журнал Министерства государственных имуществ*. 1843. № 6. С. 285–316; *Военная статистика Австрийской империи* // *Военный журнал*. 1841. № 6. С. 21–140.

¹⁴ *Митрофанов П.* Оппозиция реформе Иосифа II в Венгрии. Санкт-Петербург, 1905; *Митрофанов П.* Политическая деятельность Иосифа II, ее сторонники и ее враги (1780—1790). Санкт-Петербург, 1907.

¹⁵ *Зотов В.Р.* Записки Меттерниха // *Исторический вестник*. 1880. Февраль. С. 374–392; 1881. Май. С. 100–113; Июнь. С. 321–336; *Инсаров Х.Г.*

Князь Меттерних: Его жизнь и политическая деятельность: Биографический очерк. Санкт-Петербург, 1905.

¹⁶ Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. 1–15. Санкт-Петербург, 1874–1909.

¹⁷ *Татищев С.С.* Император Николай I и австрийский двор // Исторический вестник. 1887. Январь. С. 82–109; Февраль. С. 364–401.

¹⁸ *Сухотин Н.Н.* Наполеон: Австро-французская война 1809 г.: Лекции по истории военного искусства, читанные в Николаевской академии Генерального штаба. Санкт-Петербург, 1885; *Баскаков В.И.* Состояние вооруженных сил Австрии в эпоху революционных войн: По лекциям, читанным в Николаевской академии Генерального штаба. Санкт-Петербург, 1898.

¹⁹ Конституционные учреждения Австрии и движения, как в Венгрии, так и в других областях империи // Библиотека для чтения. 1861. Т. 163. № 1. С. 7–17; Конституция Австрийской империи // Библиотека для чтения. 1861. Т. 164. № 3. С. 24–32; *Башмаков А.А.* Избирательная реформа в Австрии и выборы в рейхсрат по новому закону о всенародном голосовании. Санкт-Петербург, 1907.

²⁰ *Палаузов С.Н.* Политическое и этнографическое состояние народностей Австрии. Санкт-Петербург, 1861; *Ланге Н.* Обзорение Австрийской империи. Санкт-Петербург, 1854.

²¹ *Энгельс Ф.* Начало конца Австрии // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 4. С. 471–478; *Маркс К.* Россия использует Австрию. Варшавский конгресс // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 15. С. 183–186; *Энгельс Ф.* Австрия. Развитие революции // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 15. С. 242–245.

²² *Покровский М.П.* М.П. Погодин // Историческая наука и борьба классов. Вып. 2. Москва, 1933. С. 266.

²³ *Ленин В.И.* Критические заметки по национальному вопросу // Полн. собр. соч. Т. 24. С. 113–150.

²⁴ *Лантева Л.П.* Кризис славяноведения в России в период с 1917 до середины 30-х годов // *Slavia. Časopis pro slovanskou filologii.* 2010. Vol. 79. P. 167–180; *Горяинов А.Н.* В России и эмиграции: Очерки о славяноведении и славистах первой половины XX века. Москва, 2006.

²⁵ *Ашинин Ф.Д., Алпатов В.М.* «Дело славистов»: 30-е годы. Москва, 1994. С. 88–206.

²⁶ Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. Ч. 1: От Французской революции до империалистической войны. Москва, 1925; Царская Россия в мировой войне. Ленинград, 1925.

²⁷ *Покровский М.П.* Предисловие // Красный архив. 1922. № 1. С. 5.

²⁸ *Державин Н.С.* Вековая борьба славян с немецкими захватчиками. Москва, 1943; *Козырев А.В.* Славяне: Очерки о культуре славянских народов и их борьбе за свою независимость. Ставрополь, 1945.

²⁹ *Досталь М.Ю.* Славянский конгресс в Белграде в 1946 г. // Славянские съезды XIX – XX вв. Москва, 1994. С. 128–142.

³⁰ *Hantsch H.* Das Forschungsprojekt zu einer Gesamtdarstellung der Geschichte und Kultur der österreichisch-ungarischen Monarchie // *Anzeiger der*

Österreichischen Akademie der Wissenschaften. 1960. Bd. 97. S. 65–74; *Павленко О.В.* Зарубежная историография Габсбургской монархии: XIX – начало XX века // Новая и новейшая история. 2013. № 2. С. 97–102.

³¹ *Кан С.Б.* Революция 1848 г. в Австрии и Германии. Москва, 1948; *Удальцов И.И.* Очерки из истории национально-политической борьбы в Чехии в 1848 году. Москва, 1951.

³² Документы о венгерской революции и освободительной борьбе 1848 – 1849 гг. Будапешт, 1948; *Клима А.* 1848 год в Чехии: Начало чешского рабочего движения. Москва, 1949.

³³ *Рубинштейн Е.И.* Из истории рабочего и социалистического движения в Австрии (Цислейтании) весной и летом 1917 года // Новая и новейшая история. 1960. № 4. С. 36–52; *Турок В.М.* Подъем австрийского рабочего движения под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции. Январская забастовка 1918 г. // Известия Академии Наук СССР: Серия истории и философии. 1952. № 3. С. 280–290.

³⁴ *Турок В.М.* Некоторые проблемы истории Австро-Венгрии // Советское славяноведение. 1965. № 4. С. 17–27; *Писарев Ю.А.* Освободительное движение югославянских народов Австро-Венгрии, 1905 – 1914. Москва, 1962.

³⁵ *Турок В.М.* Очерки истории Австрии, 1918 – 1929. Москва, 1955; *Рубинштейн Е.И.* Крушение австро-венгерской монархии. Москва, 1963.

³⁶ *Kohn H.* Russia's Great Age: Encounter with Europe // *The Mind of Modern Russia. Historical and Political Thought of Russia's Great Age* / Ed. by H. Kohn. New Brunswick (NJ): Rutgers University Press, 1955. P. 9–11; *Fadner F.J.* Seventy Years of Pan-Slavism in Russia: Karazin to Danilevskii, 1800 – 1870. Washington (DC): Georgetown University Press, 1962; *Riasanovsky N.V.* Russia and the West in the Teaching of the Slavophiles: A Study of Romantic Ideology. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1952.

³⁷ *Никитин С.А.* Славянские комитеты в России в 1858 – 1876 годах. Москва, 1960.

³⁸ *Волков В.К.* К вопросу о происхождении терминов «пангерманизм» и «панславизм» // Славяно-германские культурные связи и отношения. Москва, 1969. С. 25–70.

³⁹ *Дьяков В.А.* Славянский вопрос в общественной мысли дореволюционной России. Москва, 1993. С. 29–43.

⁴⁰ Освободительные движения народов Австрийской империи. Москва, 1981. С. 241–242.

⁴¹ *Ненашева З.С.* Идеино-политическая борьба в Чехии и Словакии в начале XX века: Чехи, словаки и неославизм. Москва, 1984.

⁴² *Чубарьян А.О.* Вторая мировая война в современной историографии и общественном сознании // Вестник Российской академии наук. 2016. Т. 86. № 5. С. 387–391; *Безбородов А.Б., Корчинский А.В., Павленко О.В., Шкаренков П.П.* Историческое знание и профессиональное гуманитарное образование // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. 2017. № 4-2 (10). С. 290–299; *Безбородов А.Б., Корчинский А.В., Павленко О.В.,*

Шкаренков П.П. Культурная история как основа исторического образования гуманитариев // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. 2017. № 4-2 (10). С. 300–305; Pavlenko O.V., Bezborodov A.B. Die Aktualisierung historischer Erfahrung in russischen Lehrbüchern der 1990er und 2000er Jahre // Wirtschaft. Macht. Geschichte. Brüche und Kontinuitäten im 20. Jahrhundert. Festschrift Stefan Karner / Hrsg. von G. Schöpfer, B. Stelzl-Marx. Graz: Leykam, 2012. S. 589–607.

⁴³ Павленко О.В. Зарубежная историография габсбургской монархии: XX – начало XXI века // Новая и новейшая история. 2013. № 2. С. 94–109.

⁴⁴ Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну. В 3 т. Т. 3. Санкт-Петербург, 2015. С. 606, 607.

⁴⁵ Исламов Т.М. Империя Габсбургов: Становление и развитие, XVI – XIX вв. // Новая и новейшая история. 2001. № 2. С. 11–40.

⁴⁶ Крючков И.В., Крючкова Н.Д. Россия и Австро-Венгрия: неполитический диалог двух империй в последней трети XIX – начале XX вв. // Былые годы. Российский исторический журнал. 2018. Т. 49. № 3. С. 1175–1185; Крючков И.В., Крючкова Н.Д. Историческая память и габсбургский миф: Посттравматический синдром человека XX в. и товар общества массового потребления // Диалог со временем. 2019. № 66. С. 86–99.

⁴⁷ Миронов В.В. Австро-Венгерская армия в Первой мировой войне: Разрушение оплота Габсбургской монархии. Тамбов, 2011.

⁴⁸ Фоминых С.Ф., Степанов А.О. Статус славянских языков в университетах Австро-Венгрии в конце XIX – начале XX в. (на материалах журнала «Славянский век» // Русин. 2016. № 4 (46). С. 141–152.

⁴⁹ Медоваров М.В. Кризис Австро-Венгрии и русская консервативная мысль накануне Первой мировой войны // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2015. № 1. С. 69–77.

⁵⁰ Семенов М.Ю. Исторический опыт организации народного просвещения в Австро-Венгрии и России в конце XIX – начале XX века (на примере Народного университета в Вене и Воронежского общества народных университетов) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 1 (63). С. 159–164.

⁵¹ Петрова М.А. Внешнеполитические проекты Екатерины II и Иосифа II // Российско-австрийский альманах: Исторические и культурные параллели. Вып. 5. Пятигорск, 2014. С. 27–39.

⁵² Хаванова О.В. Усердие, честолюбие и карьера: Чиновничество в монархии Габсбургов в эпоху просвещенного абсолютизма. Москва, 2018; Политические партии и общественные движения в монархии Габсбургов: 1848 – 1914 гг.: Очерки. Москва, 2018.

⁵³ Хаванова О.В. Венгрия в «Большом пестром саду» Франца Иосифа: политическая реальность и исторический миф // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2017. № 12. С. 274–281.

⁵⁴ Клопова М.Э. Русины, русские, украинцы: Национальные движения восточнославянского населения Галиции в XIX – начале XX века. Москва,

2016.

⁵⁵ Чуркина И.В. Россия и славяне в идеологии словенских национальных деятелей XVI в. – 1914 г. Москва, 2017; Кирилина Л.А. Влияние Балканских войн 1912 – 1913 годов на национально-политические процессы в словенских землях // Славяноведение. 2014. № 1. С. 3–11.

⁵⁶ Лантева Л.П. Русско-чешские научные связи во второй половине XIX – первой четверти XX века: По данным переписки ученых // Новая и новейшая история. 2016. № 1. С. 68–93; Ненашева З.С. Чехи в России между двух революций: мечты, иллюзии и реальность // Современная Европа. 2017. № 7 (79). С. 88–97; Ждановская А.А. Первый среди равных? Австрийское языковое законодательство 1880-х гг. и дискуссия о государственном языке Цислейтании // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2018. № 4. С. 46–59; Фирсов Е.Ф. Т.Г. Масарик в России и борьба за независимость чехов и словаков. Москва, 2012.

⁵⁷ Wien als Magnet? Schriftsteller aus Ost-, Ostmittel- und Südosteuropa über die Stadt / Hrsg. von G. Marinelli-König, N. Pavlova. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1996.

⁵⁸ Konfliktszenarien um 1900: politisch – sozial – kulturell: Österreich-Ungarn und das Russische Imperium im Vergleich / Hrsg. von P. Deutschmann, V. Munz, O. Pavlenko. Wien: Praesens Verlag, 2011.

⁵⁹ Россия – Австрия = Österreich – Russland: Вехи совместной истории. Москва, 2017; Mueller W., Pavlenko O. Russland und die Habsburgermonarchie 1854–1914: Von Krisen zum Untergang // Österreich – Russland: Stationen gemeinsamer Geschichte / Hrsg. von S. Karner, A.O. Tschubarjan. Graz; Wien: Leykam, 2018. S. 63–90; Leidinger H., Sergeev E. Der Erste Weltkrieg: Der Prozess des Zerfalls beider Monarchien // Österreich – Russland: Stationen gemeinsamer Geschichte / Hrsg. von S. Karner, A.O. Tschubarjan. Graz; Wien: Leykam, 2018. S. 91–120.

Author, Abstract, Key words

Olga V. Pavlenko – Candidate of History, Professor, Vice Rector for Scientific Affairs, Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia) pavlenko@rggu.ru

There are topics in historiography which have a peculiar destiny. Following public preferences, they may rise to the peak of attention triggering heated discussions or may fall from that height. Such was the case with the studies of the Habsburg monarchy phenomenon in the Russian intellectual tradition. The efforts to embrace it fall into several stages. The surges of acute attention were followed by its decline as the history of this state on the Danube emerged as a background for more significant developments in the Slavic lands. And then, as a response to contrastive imperial studies, interest was aroused toward holistic studies of monarchy, which brought about new discussions and conceptions.

Despite its 150-year-long tradition, the Russian historiography of the Habsburg monarchy failed to shape into a separate intellectual project. It is ac-

counted for by a number of factors coexisting for a long time, which directly influenced the historiographic situation. These are: 1) geopolitical factors; 2) Slavic factors; 3) gaps in the continuity of scientific schools and the abrupt change of paradigms in Russian historical science. Huge historiographic materials are used to analyze the turning points and crucial stages in the study of the phenomenon of the Habsburg monarchy in Russia's intellectual tradition during one and a half century.

Habsburg monarchy, Slavs, Czechs, Slovaks, Hungarians, Pan-Slavism, Revolutions of 1848–1849, World War I, Cold War, ideological struggle, historiography, Slavic studies, historical myth.

References

(Articles from Scientific Journals)

1. Bezborodov, A.B.; Korchinskiy, A.V.; Pavlenko, O.V., Shkarenkov, P.P. Istoricheskoye znaniye i professionalnoye gumanitarnoye obrazovaniye [Historical Knowledge and Professional Education in the Humanities.]. *Vestnik RGGU. Seriya: Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnyye otnosheniya. Zarubezhnoye regionovedeniye. Vostokovedeniye*, 2017, no. 4-2 (10), pp. 290–299. (In Russian)

2. Bezborodov, A.B.; Korchinskiy, A.V.; Pavlenko, O.V.; Shkarenkov, P.P. Kulturnaya istoriya kak osnova istoricheskogo obrazovaniya gumanitariyev [Cultural History as the Basis of the Historical Education of Humanists.]. *Vestnik RGGU. Seriya: Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnyye otnosheniya. Zarubezhnoye regionovedeniye. Vostokovedeniye*, 2017, no. 4-2 (10), pp. 300–305. (In Russian)

3. Checkel, J.T. Norms, Institutions and National Identity in Contemporary Europe. *International Studies Quarterly*, 1999, vol. 43, pp. 84–114. (In English)

4. Chubaryan, A.O. Vtoraya mirovaya vojna v sovremennoy istoriografii i obshchestvennom soznanii [The Second World War in Contemporary Historiography and Public Consciousness.]. *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk*, 2016, vol. 86, no. 5, pp. 387–391. (In Russian)

5. Fominykh, S.F.; Stepanov, A.O. Status slavyanskikh yazykov v universitetakh Avstro-Vengrii v kontse XIX – nachale XX v. (na materialakh zhurnala “Slavyanskiy vek” [The Status of Slavic Languages in Austro-Hungarian Universities in the Late-Nineteenth and Early-Twentieth Centuries (Based on Materials of the Magazine “Slavic Century”).]. *Rusin*, 2016, no. 4 (46), pp. 141–152. (In Russian)

6. Hantsch, H. Das Forschungsprojekt zu einer Gesamtdarstellung der Geschichte und Kultur der österreichisch-ungarischen Monarchie. *Anzeiger der Österreichischen Akademie der Wissenschaften*, 1960, bd. 97, s. 65–74. (In German)

7. Islamov, T.M. Imperiya Gabsburgov: Stanovleniye i razvitiye, XVI – XIX vv. [The Habsburg Empire: Formation and Development, 16th – 19th Centuries.]. *Novaya i noveyshaya istoriya*, 2001, no. 2, pp. 11–40. (In Russian)

8. Islamov, T.M.; Miller, A.I.; Pavlenko, O.V.; Glazkova, M.; Romanenko, S.A. Soviet Historiography on the Habsburg Empire. *Austrian History Yearbook*, 1995, vol. 26, pp. 165–188. (In English)

9. Khavanova, O.V. Vengriya v “Bolshom pestrom sadu” Frantsa Iosifa: politicheskaya realnost i istoricheskiy mif [Hungary in the “Big Colorful Garden” of Franz Joseph: Political Reality and Historical Myth.]. *Slavyanskiy mir v tretyem tysyacheletii*, 2017, no. 12, pp. 274–281. (In Russian)

10. Kirilina, L.A. Vliyaniye Balkanskikh voyn 1912 – 1913 godov na nacionalno-politicheskiye protsessy v slovenskikh zemlyakh [The Influence of the Balkan Wars of 1912 – 1913 on National-Political Processes in the Slovenian Lands.]. *Slavyanovedeniye*, 2014, no. 1, pp. 3–11. (In Russian)

11. Kryuchkov, I.V.; Kryuchkova, N.D. Istoricheskaya pamyat i gabsburgskiy mif: Posttravmaticheskiy sindrom cheloveka XX v. i tovar obshchestva massovogo potrebleniya [Historical Memory and the Habsburg Myth: Post-Traumatic Stress Syndrome in the Twentieth-Century Individual and the Product of Mass Consumption Society.]. *Dialog so vremenem*, 2019, no. 66, pp. 86–99. (In Russian)

12. Kryuchkov, I.V.; Kryuchkova, N.D. Rossiya i Avstro-Vengriya: nepoliticheskiy dialog dvukh imperiy v posledney treti XIX – nachale XX vv. [Russia and Austria-Hungary: Non-Political Dialogue of Two Empires in the Last Third of the 19th – the Beginning of the 20th Centuries.]. *Bylyye gody. Rossiyskiy istoricheskiy zhurnal*, 2018, vol. 49, no. 3, pp. 1175–1185. (In Russian)

13. Lapteva, L.P. Krizis slavyanovedeniya v Rossii v period s 1917 do serediny 30-kh godov [The Crisis of Slavic Studies in Russia from 1917 to the Mid-1930s.]. *Slavia. Časopis pro slovanskou filologii*, 2010, vol. 79, pp. 167–180. (In Russian)

14. Lapteva, L.P. Russko-cheshskiy nauchnyye svyazi vo vtoroy polovine XIX – pervoy chetverti XX veka: Po dannym perezpiski uchenykh [Russian-Czech Scientific Relations from the Second Half of the Nineteenth to the First Quarter of the Twentieth Centuries as Described in the Correspondence of Scientists.]. *Novaya i noveyshaya istoriya*, 2016, no. 1, pp. 68–93. (In Russian)

15. Medovarov, M.V. Krizis Avstro-Vengrii i russkaya konservativnaya mysl nakanune Pervoy mirovoy voyny [The Austro-Hungarian Crisis and Russian Conservative Thought on the Eve of the First World War.]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*, 2015, no. 1, pp. 69–77. (In Russian)

16. Nenasheva, Z.S. Chekhi v Rossii mezhdru dvukh revolyutsiy: mechy, illyuzii i realnost [Czechs in Russia between Two Revolutions: Dreams, Illusions, and Reality.]. *Sovremennaya Evropa*, 2017, no. 7 (79), pp. 88–97. (In Russian)

17. Pavlenko, O.V. Panslavizm [Pan-Slavism.]. *Slavyanovedeniye*, 1998, no. 6, pp. 43–60. (In Russian)

18. Pavlenko, O.V. Zarubezhnaya istoriografiya Gabsburgskoy monarkhii: XIX – nachalo XX veka [Foreign Historiography of the Habsburg Monarchy, 19th – Early 20th Centuries.]. *Novaya i noveyshaya istoriya*, 2013, no. 2, pp. 94–109. (In Russian)

19. Rubinshteyn, E.I. Iz istorii rabochego i sotsialisticheskogo dvizheniya

v Avstrii (Tsisleytanii) vesnoy i letom 1917 goda [From the History of the Workers' and Socialist Movement in Austria (Cisleithania) in the Spring and Summer of 1917.]. *Novaya i noveyshaya istoriya*, 1960, no. 4, pp. 36–52. (In Russian)

20. Semenov, M.Yu. Istoricheskiy opyt organizatsii narodnogo prosveshcheniya v Avstro-Vengrii i Rossii v kontse XIX – nachale XX veka (na primere Narodnogo universiteta v Vene i Voronezhskogo obshchestva narodnykh universitetov) [The Historical Experience of the Organization of Public Education in Austria-Hungary and Russia in the Late 19th – Early 20th Centuries (Based on the Examples of the People's University in Vienna and the Voronezh Society of People's Universities.)]. *Istoricheskiye, filosofskiyе, politicheskkiye i yuridicheskii nauki, kulturologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki*, 2016, no. 1 (63), pp. 159–164. (In Russian)

21. Turok, V.M. Nekotoryye problemy istorii Avstro-Vengrii [Some Problems of the History of Austria-Hungary.]. *Sovetskoye slavyanovedeniye*, 1965, no. 4, pp. 17–27. (In Russian)

22. Turok, V.M. Podyem avstriyskogo rabochego dvizheniya pod vliyaniyem Velikoy Oktyabrskoy sotsialisticheskoy revolyutsii. Yanvarskaya zabastovka 1918 g. [The Rise of the Austrian Workers' Movement under the Influence of the Great October Socialist Revolution. January Strike of 1918.]. *Izvestiya Akademii Nauk SSSR: Seriya istorii i filosofii*, 1952, no. 3, pp. 280–290. (In Russian)

23. Wendt, A. The Agent-Structure-Problem in International Relations Theory. *International Organization*, 1987, vol. 41, no. 3, pp. 335–370. (In English)

24. Zhdanovskaya, A.A. Pervyy sredi ravnykh? Avstriyskoye yazykovoye zakonodatelstvo 1880-kh gg. i diskussiya o gosudarstvennom yazyke Tsisleytanii [First among Equals? Austrian Language Legislation of the 1880s and the Discussion of the Official Language of Cisleithania.]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8: Istoriya*, 2018, no. 4, pp. 46–59. (In Russian)

(Essays, Articles, and Papers from Books, Proceedings, and Research Collections)

25. Dostal, M.Yu. Slavyanskiy kongress v Belgrade v 1946 g. [Slavic Congress in Belgrade in 1946.]. *Slavyanskiye syezdy XIX – XX vv.* [Slavic Congresses of the 19th – 20th Centuries.]. Moscow, 1994, pp. 128–142. (In Russian)

26. Kohn, H. Russia's Great Age: Encounter with Europe. *The Mind of Modern Russia: Historical and Political Thought of Russia's Great Age* / Ed. by H. Kohn. New Brunswick (NJ): Rutgers University Press, 1955, pp. 3–33. (In English)

27. Leidinger, H.; Sergeev, E. Der Erste Weltkrieg: Der Prozess des Zerfalls beider Monarchien. *Österreich – Russland: Stationen gemeinsamer Geschichte* / Hrsg. von S. Karner, A.O. Tschubarjan. Graz; Wien: Leykam, 2018, s. 91–120. (In German)

28. Mueller, W.; Pavlenko, O. Russland und die Habsburgermonarchie 1854–1914: Von Krisen zum Untergang. *Österreich – Russland: Stationen ge-*

meinsamer Geschichte / Hrsg. von S. Karner, A.O. Tschubarjan. Graz; Wien: Leykam, 2018, s. 63–90. (In German)

29. Onuf, N. Constructivism: A User's Manual. *International Relations in a Constructed World* / Ed. by V. Kubalkova, N.G. Onuf and P. Kowert. Armonk (NY): M.E. Sharpe, 1998, pp. 58–78. (In English)

30. Pavlenko, O.V. Geopolitical Visions in Russia: The Post-Soviet Interpretations. *Russlands Imperiale Macht* / Hrsg. von B. Pietrow-Ennker. Wien, Köln, Weimar: Boehlau Verlag, 2012, s. 103–123. (In English)

31. Pavlenko, O.V. Rekonstruktsiya panslavizma v trudakh A.N. Pypina [Reconstruction of Panslavism in the Works of A.N. Pypin.]. *A.N. Pypin i problemy slavyanovedeniya* [A.N. Pypin and Problems of Slavic Studies.]. Moskva; Stavropol, 2005. S. 66–78. (In Russian)

32. Pavlenko, O.V.; Bezborodov, A.B. Die Aktualisierung historischer Erfahrung in russischen Lehrbüchern der 1990er und 2000er Jahre. *Wirtschaft. Macht. Geschichte. Brüche und Kontinuitäten im 20. Jahrhundert. Festschrift Stefan Karner* / Hrsg. von G. Schöpfer, B. Stelzl-Marx. Graz: Leykam, 2012, s. 589–607. (In German)

33. Petrova, M.A. Vneshnepoliticheskiye proyekty Ekateriny II i Iosifa II [Foreign Policy Projects of Catherine II and Joseph II.]. *Rossiysko-avstriyskiy almanakh: Istoricheskiye i kulturnyye paralleli* [Russian-Austrian Almanac: Historical and Cultural Parallels.]. Pyatigorsk, 2014, vol. 5, pp. 27–39. (In Russian)

34. Volkov, V.K. K voprosu o proiskhozhdenii terminov “pangermanizm” i “panslavizm” [On the Question of the Origin of the Terms “pan-Germanism” and “pan-Slavism”]. *Slavyano-germanskiye kulturnyye svyazi i otnosheniya* [Slavic-German Cultural Ties and Relations.]. Moscow, 1969, pp. 25–70. (In Russian)

(Monographs)

35. Ashnin, F.D.; Alpatov, V.M. “Delo slavistov”: 30-e gody [“The Slavists' Case”: The 1930s.]. Moscow, 1994, 284 p. (In Russian)

36. Borodavkin, S.V. Gumanizm i gumannost kak dva yazyka kultury [Humanism and Humanity as Two Cultural Languages.]. St. Petersburg, 2004, 239 p. (In Russian)

37. Buzeskul, V.P. Vseobshchaya istoriya i eye predstaviteli v Rossii v XIX i nachale XX veka [World History and its Representatives in Russia in the 19th and Early 20th Centuries.]. Moscow, 2008, 832 p. (In Russian)

38. Campbell, D. Writing Security: United States Foreign Policy and the Politics of Identity. Manchester: Manchester University Press, 1992, 269 p. (In English)

39. Churkina, I.V. Rossiya i slavyane v ideologii slovenskikh natsionalnykh deyateley XVI v. – 1914 g. [Russia and the Slavs in the Ideology of Slovenian National Figures of the 16th Century – 1914.]. Moscow, 2017, 574 p. (In Russian)

40. Fadner, F.J. Seventy Years of Pan-Slavism in Russia: Karazin to Dani-

- levskii, 1800 – 1870. Washington (DC): Georgetown University Press, 1962, 429 p. (In English)
41. Firsov, E.F. T.G. Masarik v Rossii i borba za nezavisimost chekhov i slovakov [Thomas Masaryk in Russia and the Struggle for Independence of Czechs and Slovaks.]. Moscow, 2012, 335 p. (In Russian)
42. Goryainov, A.N. V Rossii i emigratsii: Ocherki o slavyanovedenii i slavistakh pervoy poloviny XX veka [In Russia and Emigration: Essays on Slavic Studies and Slavists of the First Half of the 20th Century.]. Moscow, 2006, 320 p. (In Russian)
43. Dyakov, V.A. Slavyanskiy vopros v obshchestvennoy mysli dorevolutsionnoy Rossii [The Slavic Question in the Public Thought of Pre-Revolutionary Russia.]. Moscow, 1993, 205 p. (In Russian)
44. Khavanova, O.V. Userdiye, chestolyubiye i karyera: Chinovnichestvo v monarkhii Gabsburgov v epokhu prosveshchennogo absol'yutizma [Zeal, Ambition, and Career: Officialdom in the Habsburg Monarchy in the Age of Enlightened Absolutism.]. Moscow, 2018, 359 p. (In Russian)
45. Klopova, M.E. Rusiny, russkiye, ukraintsy: Natsionalnyye dvizheniya vostochnoslavianskogo naseleniya Galitsii v XIX – nachale XX veka [Rusyns, Russians, and Ukrainians: National Movements of the East Slavic Population of Galicia in the 19th – Early 20th Centuris.]. Moscow, 2016, 279 p. (In Russian)
46. Lapteva, L.P. Istoriya slavyanovedeniya v Rossii v XIX veke [A History of Slavic Studies in Russia in the 19th Century.]. Moscow, 2005, 847 p. (In Russian)
47. Lapteva, L.P. Istoriya slavyanovedeniya v Rossii v kontse XIX – pervoy treti XX v. [A History of Slavic Studies in Russia at the End of the 19th – First Third of the 20th Centuries.]. Moscow, 2012, 839 p. (In Russian)
48. Lapteva, L.P. Istoriya zapadnykh i yuzhnykh slavyan v osveshchenii russkoy istoriografii XIX – XX vv. [A History of the Western and Southern Slavs in the Coverage of Russian Historiography of the 19th – 20th Centuries.]. St. Petersburg, 2013, 527 p. (In Russian)
49. Mironov, B.N. Rossiyskaya imperiya: ot traditsii k modernu [The Russian Empire: From Tradition to Modernity.]. In 3 vols. St. Petersburg, 2015, vol. 3, 989 p. (In Russian)
50. Mironov, V.V. Avstro-Vengerskaya armiya v Pervoy mirovoy voyne: Razrusheniye oplota Gabsburgskoy monarkhii [The Austro-Hungarian Army in the First World War: The Destruction of the Stronghold of the Habsburg Monarchy.]. Tambov, 2011, 408 p. (In Russian)
51. Nenasheva, Z.S. Ideyno-politicheskaya borba v Chekhii i Slovakkii v nachale XX veka: Chekhi, slovaki i neoslavizm [Ideological and Political Struggle in the Czech Republic and Slovakia at the Beginning of the 20th Century: Czechs, Slovaks, and Neo-Slavism.]. Moscow, 1984, 240 p. (In Russian)
52. Nikitin, S.A. Slavyanskiye komitety v Rossii v 1858 – 1876 godakh [The Slavic Committees in Russia, 1858 – 1876.]. Moscow, 1960, 362 p. (In Russian)
53. Pisarev, Yu.A. Osvoboditelnoye dvizheniye yugoslavianskikh narodov Avstro-Vengrii, 1905 – 1914 [The Liberation Movement of the Yugoslav Peoples of Austria-Hungary, 1905 – 1914.]. Moscow, 1962, 419 p. (In Russian)
54. Pypin, A.N. Panslavizm v proshlom i nastoyashchem (1878) [Pan-Slavism in the Past and Present (1878).]. St. Petersburg, 1913, 189 p. (In Russian)
55. Repina, L.P. Istoricheskaya nauka na rubezhe XX – XXI vv.: Sotsial'nyye

teorii i istoriograficheskaya praktika [The Historical Science at the Turn of the 19th – 20th Centuries: Social Theories and Historiographic Practice.]. Moscow, 2011, 559 p. (In Russian)

56. Riasanovsky, N.V. Russia and the West in the Teaching of the Slavophiles: A Study of Romantic Ideology. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1952, 244 p. (In English)

57. Rubinshteyn, E.I. Krusheniye avstro-vengerskoy monarkhii [The Ruin of the Austro-Hungarian Monarchy.]. Moscow, 1963, 428 p. (In Russian)

58. Turok, V.M. Ocherki istorii Avstrii, 1918 – 1929 [Essays on the History of Austria, 1918 – 1929.]. Moscow, 1955, 588 p. (In Russian)

59. Udaltsov, I.I. Ocherki iz istorii natsionalno-politicheskoy borby v Chekhii v 1848 godu [Essays from the History of the National-Political Struggle in the Czech Republic in 1848.]. Moscow, 1951, 252 p. (In Russian)

Автор, аннотация, ключевые слова

Павленко Ольга Вячеславовна – канд. ист. наук, профессор, проректор по научной работе, Российский государственный гуманитарный университет (Москва)

pavlenko@rggu.ru

В историографии есть темы, которые имеют особую судьбу. Ответственные предпочтения то возносят их на вершину интереса, возбуждая бурные дискуссии, то ниспровергают. Осмысление феномена монархии Габсбургов в интеллектуальной традиции России постигло именно такая судьба. Это осмысление проходило в несколько этапов. Пики острого интереса сменялись потерей актуальности, а история Дунайского государства воспринималась лишь как фон для более значимых процессов в славянских землях. Затем вновь на волне сравнительных имперских исследований пробуждался интерес к комплексному изучению монархии, и тогда снова возрождались дискуссии и разрабатывались новые концепции.

Несмотря на длительную традицию почти в сто пятьдесят лет, российская историография монархии Габсбургов не сложилась в отдельный интеллектуальный проект. Причина кроется в долговременном существовании ряда факторов, напрямую влиявших на историографическую ситуацию. Их можно объединить в три группы: 1) геополитические факторы; 2) славянские факторы; 3) разрывы преемственности в научных школах и резкая смена парадигм в отечественной исторической науке. В статье на огромном историографическом материале рассматриваются переломные моменты и этапы осмысления феномена монархии Габсбургов в интеллектуальной традиции России на протяжении полутора веков.

Габсбургская монархия, славянство, чехи, словаки, венгры панславизм, революции 1848–1849 годов, Первая мировая война, Холодная война, идеологическая борьба, историография, славяноведение, исторический миф.

ПАМЯТЬ КУЛЬТУРЫ

Cultural Memory

Т.А. Володина

ИВАН ПЕТРОВИЧ САХАРОВ: ТУЛЬСКИЙ «ПОСАДСКИЙ ЧЕЛОВЕК» В РОССИЙСКОЙ НАУКЕ

T.A. Volodina

Ivan Sakharov: Tula's "Posad Man" of Russian Science



И.П. Сахаров

Провинциальная историография XVIII–XIX вв. нередко изучается как хронологический перечень дат, имен авторов и их публикаций с добавлением изрядной доли краеведческого пиетета. Однако такой подход оставляет за пределами исследовательского внимания ряд сюжетов, без которых невозможно «вписать» личности и сочинения местных авторов в широкий социокультурный контекст.

Только в последние десятилетия проявилась тенденция к расширению проблематики традиционных историографических исследований, которые прежде были сосредоточены преимущественно на эволюции академической науки¹.

А подобный подход фокусирует внимание историков на новых вопросах. Какие мотивы заставляли провинциальных деятелей братья за исторические сочинения? Что определяло их предпочтения в выборе предмета исследований? Какие факторы влияли на форму сочинений и концептуальные выводы авторов? Был ли у этих исторических сочинений читатель, и каковы были его запросы? Как решался денежный вопрос в сфере исторических исследований,

учитывая то, что сами по себе изыскания и публикация сочинений требовали материальных затрат? Как выстраивались интеллектуальные связи провинции и столицы?

Намеченный круг вопросов подводит нас к методологической парадигме интеллектуальной истории. Именно в этом ключе мы попытаемся проанализировать деятельность И.П. Сахарова. Однако в этом случае помимо традиционных источников, составляющих библиографию научных трудов Сахарова, для нас не меньший интерес будут представлять источники, которые позволят вписать фигуру Сахарова в социальный и культурный контекст той эпохи (архивные документы, воспоминания, переписка и т.п.).

* * *

Иван Петрович Сахаров (1807 – 1863) принадлежит к плеяде тех, чьи имена обычно перечисляют в качестве представителей тульской провинциальной историографии первой половины XIX в. Печататься он начал очень рано. Первая статья увидела свет в 1830 г.², вскоре были напечатаны и другие его работы: публикации источников, статьи, заметки, книги.

В 1832 г. в Москве вышла книга Сахарова «История общественного образования Тульской губернии» с многообещающим подзаголовком «Часть I». Подзаголовок давал понять, что у автора уже написана некая «Часть II», которую он не замедлит издать. Предполагаемая вторая часть казалась интригующей и многообещающей. Ведь в первой части собственно авторского-то текста и не было: здесь были опубликованы грамоты и писцовые книги Тулы XVII в., обнаруженные Сахаровым в архивах Тульского городского магистрата и оружейного завода. Так существовала ли тогда, в 1832 г., эта «вторая часть» – собственно тульская история в изложении Сахарова? Да, она существовала, но никогда не была напечатана.

Рукопись этой «второй части» находится в фонде Сахарова в РГБ, и написание ее можно датировать 1828–1830 гг. Сравнение с более поздними сахаровскими работами доказывает, что в определенном отношении юный исследователь, при всей своей неопытности, поднимал более трудные вопросы, нежели добившийся признания Сахаров двадцать лет спустя. Конечно, ответы его выглядят с высоты нашего сегодняшнего знания слабыми и неуверенными, но при этом они отражают изменения в умственных процессах, которые происходили в русском обществе первой половины XIX в.

Доказательством того, что рукопись, сохранившаяся в архиве (Ч. 2) и опубликованная в 1832 г. книга (Ч. 1) составляют единое целое, являются сноски в рукописи, которые отсылают нас к соответствующему документу в напечатанной книге³.

Самой интересной частью ранней рукописи Сахарова является, безусловно, введение. В определенной мере он демонстрирует

здесь знакомые и привычные компоненты диссертационных работ: выделяет предмет своего исследования, дает характеристику предшествующих работ, очерчивает круг привлекаемых источников⁴. Среди своих предшественников на ниве тульской истории Сахаров упоминает работы Ф.Г. Дильтея, В.А. Левшина, Ф.Г. Покровского и И.Х. Гамеля, но считает их безнадежно устаревшими, написанными под влиянием «верований в сказания Татищева и Щербатова». Сахаров упрекает их в отсутствии исторической критики источников и пренебрежении архивными материалами. Вердикт его отдает юношеским максимализмом: «Незабвенный историограф Н.М. Карамзин в примечаниях к истории государства Российского поместил разные выписки о событиях сей губернии, за которые одни обменяют более всех сих описаний»⁵.

На каком же фундаменте собирался строить свое здание тульской истории Сахаров?

Для него самого ответ ясен: «Заранее предвидев, что труды их не могут служить для меня пособием, решился искать для своего занятия оснований прочных и незыблемых»⁶. Под прочными основаниями понимаются им документы тульских архивов, доступ к которым ему открыло «благодетельное снисхождение начальства».

Напомним: Иван Сахаров в это время – 20-летний семинарист. Каким образом мог он получить доступ в тульские архивы? Отец его, Петр Андреевич Сахаров, сначала был дьяконом, а потом священником в Туле. Когда мальчику исполнилось 6 лет (в 1813 г.), отец умер. Верх мечтаний для сироты из духовного звания – духовная семинария и место приходского священника. Однако юный Сахаров стремится выбраться из этой социальной колеи, и средством для этого становится история. Как и все юноши 1820-х гг., он подпадает под магическое воздействие «Истории» Карамзина. Начальные принципы работы Сахарова над тульской историей нетрудно спрогнозировать – из 12-томной «Истории государства Российского» он начал выписывать все факты, которые касались тульского края. Нужно признать, что до появления «Ключа» П.М. Строева такая работа сама по себе равнялась изучению курса отечественной истории.

Благодаря этим ученым занятиям юноше удалось привлечь к себе внимание тех людей, кто мог оценить его устремления. Таких было немного, на весь губернский город их набралось десятка два, и по социальному статусу они стояли намного выше Сахарова: губернский землемер Д.Т. Комаров, штабс-лекарь Ф.Э. Громницкий, чиновник Тульской губернской казенной палаты А.Е. Цветков, белевский помещик И.Ф. Афремов, директор Тульской гимназии Е.Н. Воронцов-Вельяминов и некоторые другие. Именно «покровители» устроили Сахарову прием у губернатора, два вечера подряд юноша читал тому свои сочинения⁷.

Тульский губернатор Иван Христофорович фон Трейблут, генерал и масон, сам не чуждался сочинительства и печатания своих

стихов. Да к тому же до него доходили слухи, что из самого Петербурга собираются прислать ученую экспедицию, чтобы осматривать архивы и библиотеки на предмет старинных рукописей и документов (речь шла об археографической экспедиции П.М. Строева). Трейблут и отдал распоряжение допустить Сахарова в губернские архивы: дескать, напишет или не напишет семинарист тульскую историю – дело десятое, но он хотя бы прояснит, в каком состоянии находятся эти документы.

Результатом этого допуска и стала первая часть «Истории общественного образования Тульской губернии» (1832 г.), в которую Сахаров включил все найденные им документы: писцовые книги тульского посада 1624, 1629 и 1685 гг., а также некоторые грамоты. Археографические принципы в этом издании находятся еще на «младенческом» уровне: при публикации Сахаров свел вместе все три книги, так что стало непонятно, к какому именно году относится та или иная запись, да еще и отредактировал текст. Эти материалы и должно было положить, по мысли Сахарова, «прочным основанием» тульской истории: не Левшина или Покровского, а архивные грамоты и документы. Однако воплотить в жизнь этот замысел оказалось невозможно, и надежду, что «из Тульской истории выйдет история лучше Карамзина» Сахаров назовет позже «жалкой ошибкой»⁸. Необходимо разобраться, почему его постигло такое разочарование.

«История» Карамзина, безусловно, была высочайшим достижением исторического таланта, сплавом рационалистической методологии XVIII в. и нового литературного языка века девятнадцатого. Она и читалась так легко и увлекательно, потому что в ней люди, наделенные разумом и страстями, вступали в борьбу, творили заговоры, сражались в битвах и сочиняли законы. В методологических координатах того времени, история была драмой, а правители и герои выступали на ее авансцене. В тульском случае все это было достаточно трудно воплотить в нарратив: Тула не была центром удельного княжества, не имела собственной традиции летописания, а из писцовых книг с перечислением слобод, церквей, дворов и количества жителей не получалось драмы. Герои отказывались выходить на сцену.

Сахаров вполне осознанно понимал это противоречие: «История Тульской губернии не может быть политической. Если и были на пространстве сей губернии события политические, имевшие влияние на все государство, то они, как явления посторонние, не зависящие от действия жителей, не имеют права на политический быт»⁹. Доказательством служит само название рукописи – «История общественного образования Тульской губернии».

Конечно, сразу же бросается в глаза концептуально-методологическое противоречие, когда понятие и явление XIX в. (Тульская губерния) опрокидывалось в древность. Гораздо интереснее другое словосочетание – «общественное образование». Что имелось в виду,

почему такой необычный заголовок? Ведь в первой половине XIX в. слово «образование» употреблялось в значении: обучение либо учреждение чего-либо¹⁰. Оба значения не укладываются в смысл сахаровского названия. Однако в Словаре В.И. Даля находим и другое значение, которое постепенно выходило из употребления в XIX в.: образовывать – придавать чему-то образ, обтесывать нечто цельное из сырья. В соответствии с этим Сахаров заявляет своей целью – обратить все свое внимание на жизнь граждан, их верования и нравы, постепенность общественного развития. В целом в его понимании «образование» – это постепенный процесс развития от первоначальной племенной дикости к более цивилизованному обществу со сложным социальным устройством, учреждениями, городами и т.п.

Сахаров уловил запрос на общий методологический сдвиг в понимании предмета исторической науки, который наметился в 1830-е гг. Именно поэтому он, признавая драгоценность примечаний Карамзина, одновременно с этим приходил к выводу: «В прагматическом изложении русских событий Полевого находим разрешения на самые трудные вопросы, и его верные взгляды на историю русского народа радуют всякого благомыслящего гражданина»¹¹. Действительно, по своим взглядам и особенностям биографии Сахаров не мог не откликнуться на идеи Полевого.

Среди тех, кто занимался историей в 1830-е гг., трудно найти человека, будоражившего сознание современников больше, чем Николай Алексеевич Полевой. Под пером этого сибирского купца-самоучки рушились репутации, статьи в его журнале «Московский телеграф» становились причиной не только журнальной полемики, но и разрыва личных отношений. Полевой вынес приговор Карамзину и попросту объявил «Историю государства Российского» устаревшей.¹²

Идеи Полевого означали пришествие в русскую историческую науку философии романтизма. Согласно концепциям романтизма, не правители творят историю, а более мощная и иррациональная сила – народный дух. В обществе есть глубинные, темные и могучие силы, которые развиваются веками и тысячелетиями. Эти силы становятся нравами, обычаями и предрассудками. Они, господствуя над людьми помимо их воли и сознания, составляют дух народа. Вот этот народный дух и должна изучать историческая наука, по мнению Полевого.

Однако одно дело сочинить статью с изложением новой концепции, а другое – написать обширное историческое сочинение, раскрывающее «дух народа». Полевой выступил возмутителем спокойствия, но по популярности среди читателей его «История русского народа» никогда не могла даже приблизиться к труду Карамзина. А в сочинении Сахарова народный дух и вовсе воплощался в какие-то бытовые и прозаические рассказы о целительности бани, о любви к рыбным кушаньям, приправленным луком и чесноком, о девичьих

играх и неприятии табака¹³. Все слабости истории Полевого и местных историй типа сахаровской блестяще высмеял Пушкин в «Истории села Горюхина». Это незаконченное сочинение было написано осенью 1830 г., и являлось оно злой пародией на исторические сочинения Полевого¹⁴.

Вымышленный Пушкиным автор решает заняться написанием истории, имея за плечами лишь образование, полученное у местного дьячка. Он, как и положено историку, дает обзор источников, на которых основывается его сельская хроника (собрание старинных календарей с собственноручными записями прадеда, летопись горюхинского дьячка, изустные предания и ревизские сказки с пометками старост). Приведем лишь некоторые цитаты из «Истории села Горюхина»:

«Страна, по имени столицы своей Горюхиным называемая, занимает на земном шаре более 240 десятин. Число жителей простирается до 63 душ... Жители Горюхина издавна производят обильный торг лыками, лукошками и лаптями. Сему способствует река Сивка, через которую весною переправляются они на челноках, подобно древним скандинавам, а прочие времена года переходят вброд, предварительно засучив портки до колен»¹⁵.

Идеи Полевого становились у Пушкина объектом иронии и сарказма, а Сахарова тянуло именно к Полевому. Может быть, здесь срабатывал дух сословной солидарности с недворянином, а может быть, он чувствовал, что исторические идеи Полевого несут в себе позитивный импульс с точки зрения развития науки. Так или иначе, но Сахаров, поступив в Московский университет, знакомится с Полевым и начинает доставлять ему различные материалы для печати. В эти годы (1830 – 1833 гг.) вышло семь публикаций Сахарова в «Московском телеграфе». К тому же он обеспечил Полевому практически половину объема книги «Русская вивлиофика», доставив издателю документы, скопированные им в тульских архивах¹⁶.

Помимо искреннего интереса к прошлому, Сахаров рассматривал занятия историей и как способ социального продвижения: «Бедному человеку, без связей и средств, трудно было пробраться в круг этих людей. Это я испытал сам. Года два жизни стоило мне, чтобы обратить только внимание их на себя»¹⁷.

Наряду с «покровителями» выделилась и группа недоброжелателей. Одну ее часть представляли конкуренты по части исторических изысканий. Как ни мало было количество потенциальных «историков» в Туле, но чувства ученого честолюбия и зависти были им знакомы. Сахаров называет: мещанина Грязева, который вел записи о тульских событиях и «имел какие-то записи от Вознесенского дьякона, прожившего около ста лет (как же это перекликается с «летописью горюхинского дьячка»); священника Т.Т. Хитрова, «доставшего себе тетрадь Феофилакта Покровского»; и Н.Ф. Андреева, «купившего бумаги В.А. Левшина о Тульской губернии». С застарелой

обидой он прибавляет, что бумаг Покровского и Левшина никогда не видел, ибо соперники их скрывали.

Другую часть недовольных составляло духовное начальство: глава епархии архиепископ Дамаскин, ректор Тульской духовной семинарии архимандрит Стефан и некоторые семинарские профессора. В их глазах поведение семинариста выглядело неслыханной наглостью, ибо нарушало принятые модели поведения, социальную субординацию и принцип «всяк сверчок знай свой шесток». Если «покровители» относились к людям либерального образа мысли, то «недоброжелатели» отличались последовательным консерватизмом.

В воспоминаниях одного из церковнослужителей, который преподавал в Тульской духовной семинарии именно в это время, рисуются яркие портреты тех, с кем общался Сахаров¹⁸. Среди них мы находим и сахаровских недоброжелателей со свойственными им чертами: жестокостью, алчностью и развитым чувством казенной субординации¹⁹. Профессор и инспектор Козьма Максимович Органов – «Был жесток к ученикам и мстителен. Любил шептателей. За что его ненавидели.... По должностям строг, с подчиненными важен»²⁰. Не удивительно, что этот Органов отказался показать Сахарову документы, хранившиеся в Успенском соборе, мотивируя это просто: «На что нам твоя история Тулы? Жили мы счастливо без нее до тебя, проживем и после тебя, так же весело и покойно»²¹. От неприятностей, которые грозили Сахарову со стороны церковного начальства, его сумел избавить И.Ф. Афремов. Этот человек вообще играл особую роль в судьбе юного историка: «Он был моим хорошим знакомым, покровителем перед тульскими губернаторами и защитником на суде Дамаскина и Стефана»²². Именно ему Сахаров посвятил «Достопамятности Венева монастыря» (1831 г.), а во всех изданиях «Сказаний русского народа» изъявлял благодарность.

Помимо интереса к истории и умения «пробраться в круг нужных людей» Сахарову была свойственна еще одна черта, которая составляла, пожалуй, главный стержень его личности. Для ее обозначения можно использовать множество терминов, исполненных позитивной или негативной коннотации: «патриотизм», «национализм», «славянофильство», «русопятство», «шовинизм». Причем, выбор термина по большей части определяется не сущностью явления как такового, а позицией того, кто использует термин. С точки зрения Сахарова, иностранное влияние, в первую очередь европейское, подтачивает Россию. Пагубность эта идет «рука об руку с дворянским просвещением, ложным, бесполезным и вредным для нашего отечества»²³.

Как только дело касается европейской культуры, слог Сахарова становится ярким, образным, исполненным ядовитого сарказма. Одни лишь казенные учебные заведения, по его мнению, могут образовать достойного русского гражданина, а европейские бродяги, хлынувшие в Россию (созвучно фамусовскому «Берем же побродяг

и в дом и по билетам») на столетие вперед заложили в умы дворянства идеи космополитизма и презрения к России. Сахаров использует для таких наставников говорящие имена (перефразируя фамилии Мерзенштейн и Гаденбург из стихотворения М.Н. Лонгинова «Два рыцаря» (1853 г.), ходившего в списках и имевшего яркую националистическую окраску) – «Мерзенштейны и Скотенберги»²⁴ и с гордостью подчеркивает свою «русскость»: «Благодарю Господа, что над моею головою не работала ни одна французская тварь. Горжусь, что вокруг меня не было ни одного немецкого бродяги. Я не преклонялся ни пред одним сапожником-французом и не принимал от него наставлений, как презирать отца и мать, как ненавидеть родину и как расточать достояние отцов и дедов. За меня ни одной копейки не перешло в карман бродяг»²⁵.

Эта яростная сосредоточенность на всем русском в противовес европейскому не была присуща Сахарову лишь в конце жизни, когда он писал свои воспоминания. Может быть, он не так четко артикулировал эти чувства в бытность свою в Туле, но ощущал он их уже в молодости. Собственно, чтение Карамзина и началось для Сахарова после случая, который больно задел его: немцы-губернеры в беседе утверждали, что у России нет своей истории.

Еще более яркий эпизод относится к 1837 г., когда в гостях у А.Ф. Воейкова Сахаров практически устроил скандал в пароксизме русского патриотизма. На этом вечере, который был организован по случаю открытия Воейковым типографии, присутствовал цвет петербургских литераторов. Сахаров вспоминал: «Неожиданно аристократия предложила тост в память Гутенберга: полурусские-полунемецкие наши бояре обрадовались этому тосту и запивали память чужеземца»²⁶. С отчаянными криками Сахаров обвинил «аристократию» в пренебрежении памятью своего родного первопечатника: «В том нет русской крови, кто не захочет почтить память Ивана Федорова!» Нестор Кукольник зарыдал, бросился обнимать и целовать Сахарова, некоторые другие смотрели на эти крики «со злобой». Здесь Сахаров рисует себя главным патриотом и борцом за Россию на фоне всех этих «дворян от литературы» (П.А. Вяземский, В.Ф. Одоевский, В.А. Жуковский и другие). Впрочем, в воспоминаниях И.И. Панаева, который тоже присутствовал на этом вечере, на первый план выходит пьяный вздор, слезы и крики, от которых остается гадкое послевкусие²⁷. А в знаменитом «Дневнике» А.В. Никитенко и вовсе находим прозаически грустное описание: «Я предложил соседям тост в память Гутенберга. “Не надо, не надо, – заревели они, – а в память Ивана Федорова!».... В результате у меня пропали калоши, и мне обменяли шубу»²⁸.

Однако Сахаров прекрасно умел держать себя в руках, если это нужно было для достижения его собственных целей. Ненависть к «немцам» не помешала ему прочесть свои сочинения у губернатора Трейблута или посвятить свою «Историю общественного образо-

вания Тульской губернии» Е.Е. Штадену – военному губернатору, который оплатил типографские расходы по изданию книги. За демонстративное подчеркивание своей «исконности» в литературных салонах Петербурга Сахаров даже получил прозвище – «посадский человек»²⁹. Эту нарочитость тонко подметил Панаев: «Особенное внимание великосветских госпож и господ обращал на себя издатель “Сказаний русского народа” И.П. Сахаров, появлявшийся всегда на вечерах Одоевского в длиннополом гороховом сюртуке. Сахаров, впрочем, русский человек себе на уме, хитро посматривал на все из-под навеса своих густых белокурых бровей и не смущался бросаемыми на него взглядами и возбуждаемыми им улыбочками. Он даже, кажется, нарочно облекался в свой гороховый сюртук, отправляясь на вечера Одоевского». Впрочем, и в Петербурге провинциал из Тулы быстро сумел «пробраться в круг нужных людей»: «Через эту книгу [«Сказания русского народа». – Т.В.] Сахаров скоро сблизился со всеми литераторами и стал особенно ухаживать за журналистами»³⁰.

Эта черта – назовем ее коммуникабельность, чтобы не сказать пронырливость – поражает в Сахарове. Может быть, благодаря ей сирота-попович и не бедствовал. В 1830 г. он выходит из духовного звания и поступает своекоштным студентом на Медицинский факультет Императорского Московского университета. Учиться «за свой кошт» означало необходимость платить за обучение и невозможность жить в казенном общежитии. И Сахаров снимает квартиру (не угол, не комнату) в Мещаниновом подворье³¹. Дом купцов Мещаниновых располагался рядом с нынешним ГУМом, так что на занятия в университет добираться было легко и удобно. Летом 1835 г., по окончании университета, Сахаров был направлен врачом для прохождения практики в Московскую городскую больницу. А уже в феврале 1836 г. мы находим его в Петербурге занимающим штатную должность врача Почтового департамента Министерства внутренних дел. Ни лихорадки, ни чахотки, ни умирающих больных – приличная чиновничья должность в столице с неплохим жалованьем.

В 1836 г. Сахаров уже печатает первым изданием свои «Сказания русского народа о семейной жизни своих предков», да сразу в трех книжках. Причем первая из них имеет самый притягивающий для публики подзаголовок – «Сказания русского народа о черно-книжии». Тираж был мгновенно раскуплен, и через несколько месяцев Сахаров выпускает второе издание. В 1838 г. он уже владелец собственной типографии, а такое обзаведение должно было стоить минимум несколько тысяч рублей (станок, типографский шрифт, наемный наборщик). В общем, вчерашний студент поразительно легко вписался в литературно-издательское коловращение столицы.

Мемуаристы отмечают еще одну особенность Сахарова: он умел ладить с людьми различного социального статуса, особенно если был заинтересован в установлении контакта с человеком. И.И. Срез-

невский вспоминал, как охотно общался Сахаров с «более образованными людьми из простого народа по поводу собирания памятников»³². Современники, вероятно, могли «считывать» информацию из намеков: образованные люди... из простого народа... обсуждают старые книги. Сахаров, похоже, подобрал ключик к раскольникам. Подтверждение находим в письмах Сахарова к А.М. Кубареву. В 1843 г. он пишет своему московскому корреспонденту: «Теперь попал я в библиотеку купца Кузьмина. У него все рукописи». А вскоре Сахаров сообщает: «У нас здесь закрыли часовню у Кузьмина, собирателя книг – и с ним исчезла еще библиотека на многие годы»³³. Думается, речь здесь идет о закрытии старообрядческой Королевской молельни и развернувшимся в 1844–1945 гг. правительственным давлением на беспоповцев Петербурга.

Прекрасно продвигался он и по служебной лестнице. Какие-то намеки на идейное преследование Сахаров подчас оставляет. Так, он рассказывал своему знакомому, что за «Сказания русского народа» дело для него чуть не обернулось Соловками³⁴. А за статью о Сильвестре Медведеве, пишет он А.М. Кубареву: «Меня было притащили ко Иисусу и отделяюсь тем, что пишу объяснения»³⁵. Нам представляется, что эти известия либо придуманы самим Сахаровым либо же сильно им преувеличены. Дело в том, что человеку, причастному к сочинительству и издательскому делу, в царствование Николая I было почти неприлично «не пострадать». Какой же ты литератор, если даже рептильные Воейков, Булгарин и Греч за «пристрастные литературные рецензии», бывало, оказывались под арестом³⁶?

Ну, ссылка на Кавказ или заключение в крепость – это, конечно, чересчур, но чтобы совсем не иметь трений с правительством – это как-то не солидно. Мы еще вернемся к вопросу о цензурных преследованиях, здесь же заметим лишь, что «Сказания русского народа» в 1836–1841 гг. выдержали три издания, если бы существовал хотя бы намек на Соловки, о переизданиях не могло быть и речи.

На самом деле, настоящую известность в научном мире, да и коммерческий успех, Сахарову принесли именно «Сказания русского народа». Это сочинение в отношении к нему читающей публики и научного сообщества прошло несколько этапов. При первом появлении сахаровских «Сказаний» успех был прочный и поразительный. Современник вспоминал: «Даже в юношеских кругах студентских явилось немало охотников не только прочесть, но и приобрести книги Сахарова; а между тем студентов, умевших отделять деньги на покупку книг, было тогда очень-очень мало»³⁷. Сахаров в это время пользуется хорошей репутацией среди научного сообщества, его принимают в члены Общества истории и древностей российских.

Первый звончок прозвенел в 1854 г., когда А.А. Григорьев подверг фольклорные издания Сахарова критическому разбору и установил, что в них попадают тексты, уже многократно печатанные,

либо «деланные», то есть носящие следы литературной правки. Впоследствии, по мере формирования принципов научной фольклористики, тексты Сахарова не раз становились объектом критики со стороны известных ученых. В наши дни выдающийся исследователь предлагает прямо наложить мораторий на использование текстов из сборников Сахарова в научных работах, мотивируя тем, что если это действительно фольклорный текст, то его можно найти в «нормальных изданиях», а если текст содержится только у Сахарова, то это «наверняка фальсификат»³⁸.

Попробуем внести некоторую ясность в систему обвинений, выдвигаемых против Сахарова на протяжении многих десятилетий.

Начиная с 1836 г. он принялся издавать фольклорные тексты, которые выходили отдельными частями, книгами и изданиями. В целом можно сказать, что в 1836–1837 гг. у Сахарова оказались готовы к печати три книги, которые содержали песни, пословицы, заговоры, обряды чародейства и колдовства, гадания, магии и т.п. Безусловно, тематика чернокнижия и колдовства обладала притягательной силой и пробуждала у публики огромный интерес. Возникал вполне закономерный вопрос – откуда такое богатство?

В предисловии сам издатель рассказывает читателям, как он искал фольклор русской народности по городам и весям: «... я поместил все то, что было собрано мною во время путешествия по губерниям Тульской, Калужской, Орловской, Рязанской и Московской. В эти счастливые дни моей жизни, изучая русскую семейную жизнь, я внимательно вслушивался во все рассказы поселян, с тщательностью записывал все народные предания и поверья, со слов самих рассказчиков... За этою-то народностию ходил я по городам и селам, по домам и полям»³⁹. Сахаров упрекает своих предшественников: «Всего легче окружить себя книгами и из них выбирать сведения о старой русской жизни, нежели таскаться по селениям, собирать поверья и обычаи, подвергаться на каждом шагу тысячам неприятностей»⁴⁰. Этими обличениями Сахаров давал понять, что он-то как раз «таскался по селениям и подвергался неприятностям». Тем самым он закладывает миф о своих заслугах в деле собирания «сокровищ народности»: он представлял себя собирателем, который «пошел в народ».

Возникает закономерный вопрос – когда? Когда автор исходил пять губерний? Во время каникул, между экзаменами по патологии и хирургии? Или же еще раньше, отпрашиваясь у семинарского начальства? Это было абсолютно немыслимо.

Во-первых, собирательство фольклора было делом долгим. П.В. Киреевский, например, собирал народные песни более 20 лет, поддерживая переписку со многими корреспондентами, которых он привлек к сотрудничеству, при этом он обладал достаточным состоянием, чтобы вкладывать в свое хобби немалые деньги и не был обременен службой. Единственным, кого Киреевский нашел для того,

чтобы в буквальном смысле «послать в народ», был П.И. Якушкин, который ради странствий по полям и весям бросил учебу в Московском университете. При этом Якушкин всегда воспринимался окружающими как «человек не от мира сего».

Сахаровские приемы издания фольклорных текстов проанализировали еще ученые XIX в. Так, А.Н. Пыпин уличил его в заимствовании из предшествующих фольклорных сборников⁴¹. Действительно, к 1830-м гг. уже были напечатаны фольклорные материалы в сборниках М.Д. Чулкова, Н.А. Львова, И.М. Снегирева, Кирши Данилова и других. Можно сказать, что Сахаров брал отовсюду, откуда мог, но при этом не делал указаний на источник заимствований. Вместо этого у него присутствуют ссылки на некую «рукопись купца Бельского», которая неведомо какими путями оказалась в его руках и которую никто никогда не видел. Ученые второй половины XIX в. раскрыли и характерные черты литературной обработки, которую применял Сахаров: грубый, сильный и здоровый фольклорный текст он «улучшал» искусственной слащавой чувствительностью и мнимой архаичностью. П.А. Бессонов, например, с ироничной издевкой писал, что все богатыри у Сахарова, вопреки киевской былинной традиции, оженились, жили в Киеве припеваючи, а потом состарились и преставились⁴².

Верхом научной «предприимчивости» Сахарова является колдовской заговор по превращению человека в волка. Текстуальное сравнение, проведенное А.Л. Топорковым, доказывает, что «фольклорный» текст был позаимствован Сахаровым из фантастической повести О.М. Сомова «Оборотень», напечатанной в 1829 г.⁴³

В работах того же А.Л. Топоркова благодаря сравнению заговоров, которые Сахаров получал от своего тихвинского корреспондента Г.И. Парихина, с текстами, которые он публиковал в своих изданиях, выявлены принципы редактуры, которые применял Сахаров. Можно с уверенностью предположить, что и все остальные тексты подвергались аналогичной переработке. Среди прочего (удаление места, обстоятельств и источника записи, что в целом допускалось публикаторской практикой того времени) обращают на себя внимание два момента: из текстов Сахаров убирал все, что было связано с христианской религией, и удалял все кощунственные моменты⁴⁴.

При этом второе совершенно понятно: издатель убирал текст с обещанием служить черту или редактировал заговор, в котором крест кладут под пятку. В этих случаях как раз могли возникнуть неприятности с Синодом или цензурой.

Но зачем ему понадобилось убирать из текстов все упоминания Христа, Богородицы, архангелов, церкви? Даже формулу «я, раб божий такой-то» Сахаров всюду заменяет на «я, раб такой-то». Согласимся, в русском языке абсолютно нормально воспринимается выражение «я, раб божий Иван», и абсолютно не соответствует внутреннему строю языка форма «я, раб Иван». А.Л. Топорков делает

вывод, что, превращая полухристианские тексты в языческие, Сахаров тем самым уходил от возможных цензурных преследований. На наш взгляд, свои цензурные мытарства Сахаров сознательно преувеличивал, а придание текстам исключительно языческого облика имело своей целью намеренное «удревнение» фольклора, а значит – и подчеркивание научных заслуг собирателя.

Думается, сегодня мы можем совершенно спокойно воспринимать тот факт, что Сахаров в своих изданиях выдавал чужие материалы за свои, редактировал и приукрашивал фольклор и даже выдавал собственные тексты за произведения народного творчества. Он не нуждается ни в нашем приговоре, ни в оправдательном вердикте. Гораздо интереснее понять, почему он все это делал, и почему читающая публика с таким восторгом и увлечением приняла его издания?

Степень востребованности была действительно очень высока. В 1885 г., при переиздании, сообщалось, что купить сахаровские «Сказания» практически невозможно, а первый том (тот самый, с черно-книжем) даже выкрали из Императорской публичной библиотеки в Петербурге⁴⁵. На наш взгляд, важнейшей заслугой Сахарова было то, что фольклорные материалы были впервые собраны воедино из старых и редких изданий, даже из рукописей. Фактически это было научно-популярное издание, но оно сделало фольклор доступным для читателя-неспециалиста. Кроме того, издания Сахарова оказались той самой «ложкой, которая дорога к обеду».

В 1830-е гг. в общественных умонастроениях начинает оформляться идея народности. Можно выделить целый пласт в культуре того времени, который создавался не дворянами. Они могли происходить из разных социальных слоев: М.П. Погодин и Н.Г. Устрялов вышли из крепостных, Н.А. Полевой – из купцов, И.П. Сахаров – из духовенства, И.Н. Скобелев – из однодворцев. По социальному статусу они находились в коридоре между дворянством и крестьянством (даже если получали дворянское звание за службу), хранили в своем подсознании самоощущение «посадского человека», который не выпитывал французский с молоком матери, и которому приходилось упорно бить лапками, чтобы запрыгнуть в социальный лифт.

Мы перечислили «писателей», но ведь были еще и «читатели», и читателей становилось все больше. На этот слой начинает ориентироваться газета «Северная пчела» и достигает небывалого тиража в 9 тыс. экземпляров; ее читают лавочники и канцеляристы, ее выписывают на Урале и на Дону⁴⁶. Помимо талантливых фельетонов публику особенно привлекали очерки о русских самородках торгово-фабричного склада: о «русском Страдивари» скрипичном мастере Батове, о табачном фабриканте Жукове и других. Один из сотрудников «Северной пчелы» вспоминал об этих статьях: «Они делали фурор между читателями Гостиного двора... которые восклицали: «Ишь ты, «Пчелка»-то как славно, шельма, жужжит! Ан,

наш брат русак-то англичанина аль немца иного так себе за пояс-то затыкает!»). И эти патриоты активно подписывались на «Пчелку»⁴⁷.

Эти общественные настроения в политическом отношении имели ярко выраженный консервативный характер. Теория и практика уваровской доктрины воспринималась «посадскими людьми» как магистральная линия, но без «народности» они уже не могли принять «самодержавия и православия».

Это было зарождение национализма, и большой вопрос, кто кого подталкивал на этом пути: правительство – «посадских людей», или они – правительство. Но двигались обе эти силы в 1830–1840-е гг. параллельными курсами. Для Сахарова издания фольклора совпали с его внутренней убежденностью в необходимости изучения «народного духа». В истории у него это не получилось, не слишком удачно вышло и у Полевого в «Истории русского народа» – в «Сказаниях» Сахаров берет реванш. Глубинные и темные начала русского народа, его седую древность, его воззрения, предрассудки и традиции – все это мощными глыбами он выдает читающей публике. Сахаровские «подделки» имели своей целью складывание мифа о духе народа. В глазах Сахарова, чем более древним был фольклор, чем более он был могучим, ярким и прекрасным, тем более могучим, древним и прекрасным был дух русского народа.

В этом отношении работа Сахарова была проявлением тенденции, общей для Европы и России. Первая треть XIX в. в Европе проходила под знаком романтизма и национализма. В Англии, Франции и, пожалуй, в Греции рождение национального импульса было связано с революциями, остальным странам приходилось искать свидетельства народного гения в эпосе, песнях и сказках. Фольклор стал восприниматься как живительный источник, к которому люди могут припасть в поисках «славного прошлого». Параллельно оформлялись два процесса: убеждение, что народное творчество драгоценно, и собирание этого драгоценного наследия.

В Германии братья Гримм начинают свою работу, в Финляндии врач Леннрот собирает песни «Калевалы», в Сербии Вук Караджич не только публикует произведения народного творчества, но и создает сербский литературный язык. Стремление обрести свой великий и могучий эпос было столь сильно, что в случае его отсутствия рождалось естественное желание восполнить этот пробел. К наиболее ярким примерам подобного фольклорного творчества относятся баллады Оссиана авторства Джеймса Макферсона, а также Краледворская рукопись, сочиненная Вацлавом Ганкой⁴⁸. Конечно, фольклорное сочинительство Ганки по художественному уровню далеко превосходило «редактуру» Сахарова, но это уже вопрос меры таланта, а не научной принципиальности. Представляется, что главный мотив Сахарова, когда он издавал и «подправлял» фольклор, лежал в той же плоскости. Главный – но не единственный.

Ему, безусловно, импонировала роль авторитета и знатока, ко-

торый собрал и опубликовал самый обширный свод русского фольклора. Ведь не под какого-то университетского профессора, а под Сахарова был специально введен в 1851 г. курс палеографии в Императорском училище правоведения и в Александровском лицее. Сомнительно, правда, что будущей элите российской империи так уж необходима была палеография, но факт остается фактом – Сахаров стал преподавателем.

Не последнюю роль для него играли и материальные выгоды, которые были связаны с ролью собирателя и издателя русского фольклора. В «Русском архиве» приводится переписка 1841 г. начальника Сахарова, главноначальствующего Почтового департамента МВД князя А.Н. Голицына с Николаем I и графом С.С. Уваровым⁴⁹. Голицын был тот самый могущественный вельможа, который в предшествующее царствование возглавлял Министерство духовных дел и народного просвещения, просуществовавшее неполных восемь лет. Он обратился напрямую к императору с просьбой наградить титулярного советника Сахарова орденом (что автоматически давало дворянство) и дополнительным жалованьем за «исторические изыскания русской народности». Подобные представления были исключительной прерогативой Министерства народного просвещения, и министр Уваров был уязвлен. В итоге Сахаров получил вместо ордена бриллиантовый перстень, а насчет прибавки жалованья министр вернул пас обратно главноначальствующему Почтового департамента. Уваров, аргументируя тем, что у Министерства народного просвещения нет денежных источников, просил Голицына обеспечить эту прибавку за счет доходов своего ведомства.

Некий драматический перелом произошел в жизни Сахарова в 1853 г. Об этом глухо пишет И.И. Срезневский: «Причиной были частью семейные обстоятельства, частью отношения к некоторым из людей, в кругу которых он работал». Спустя десять лет Сахаров скончается в своем имении в Валдайском уезде (значит, уже и поместье приобрел), по сообщению того же Срезневского, «вследствие разжижения мозга»⁵⁰.

Косвенным подтверждением «катастрофы 1853 г.» служит резкое снижение творческой активности Сахарова: обычно из-под его пера выходило от 5 до 15 публикаций в год, а в период 1853–1863 гг. увидела свет лишь одна брошюра («Записка о русских гербах», 1856 г.). Да и по службе все складывалось далеко не гладко. Мы не можем с достоверностью установить, что именно произошло, однако при изучении жизненного пути Сахарова взгляд неизбежно останавливается на неких мелочах, которым трудно найти истолкование. Каждому из этих пунктов в отдельности легко найти объяснение, но все вместе они наводят на некоторые размышления.

При многообразии описаний мужчин, с которыми Сахаров общался в жизни, мы не найдем в его воспоминаниях ни одной женщины. Напротив, мы встречаем лишь яростные филиппики в адрес

женщин, которым надобны только «болтовня, танцы, кокетство и рассеянье в жизни»⁵¹.

Нигде, никогда, ни у одного современника мы не встречаем упоминания женщины рядом с именем Сахарова.

С юности рядом с ним как будто присутствует невидимая рука, оказывающая помощь и покровительство (своекоштная учеба в университете, теплое место в Петербурге, собственная типография и т.п.).

Князь Александр Николаевич Голицын, под началом которого столь успешно служил Сахаров в Петербурге, был известен современникам своей склонностью к гомосексуализму⁵².

В 1837–1838 гг. Сахаров предоставил восемь статей для «Энциклопедического лексикона» Плюшара. Именно в эти два года редакторство издания осуществлял А.Ф. Шенин, служивший инспектором Павловского кадетского корпуса. Позже Шенин был «отставлен от службы и выслан из Петербурга за педерастию»⁵³.

В привилегированных закрытых учебных заведениях гомосексуальные отношения были достаточно распространенным явлением, но особенной репутацией в этой связи пользовалось в Петербурге Императорское училище правоведения, где Сахаров преподавал курс палеографии⁵⁴.

Медицинские диагнозы прошлого достаточно трудно перевести на современный язык, однако «разжижение мозга» в XIX в. очень часто было неким эвфемизмом для обозначения поздних стадий сифилиса.

Если наше предположение о гомосексуальной ориентации Сахарова верно, то этот факт тоже необходимо учитывать при изучении его жизненного пути. Это среди аристократического дворянства было возможно шутливо-ироничное отношение к подобным утехам, о чем свидетельствуют письма и эпиграммы Пушкина. У Сахарова же его происхождение и воспитание должны были формировать глубокое отвращение к Содому и Гоморре, а значит – ощущение стыда, греховности и болезненных комплексов.

Взглянем на портрет Сахарова, который был приложен к изданию «Сказаний» 1841 г. Расходы на художника и изготовление гравированной литографии не остановили Сахарова, хотя это, безусловно, удорожало печатание книги. Подчеркнутое сходство с Бонапартом нельзя считать случайным, а если бы Сахаров заложил руку за борт сюртука, то сходство уже перешло бы в пародию. Однако этот портрет означает, что Сахаров именно таким желал представить себя публике – «великим и одиноким», с жестким и пронизательным взглядом, с упрямо сжатым ртом и нижней губой, демонстрирующей неуступчивость и самоуверенность. Подобный тип саморепрезентации вырабатывается, когда человека терзают комплексы и страсти. В сочинениях Сахарова это тоже проявлялось: в сложном смешении заносчивости, высокомерия и обидчивости в адрес своих

предшественников и современников на ниве научных исследований.

* * *

Жизненный путь и научная судьба Ивана Петровича Сахарова отражают те духовные процессы, которые начались в русском обществе в 1820-е – 1830-е гг. Важную роль в «запуске» этих процессов сыграли два фактора: Отечественная война 1812 г. и «История государства Российского» Карамзина. Эти два феномена были «считаны» обществом как завет: «Оказывается, у меня есть Отечество!».

В процесс ментального «обретения отечества» втягивались и выходцы из недворянских слоев. Однако в отличие от разночинцев пореформенного времени, которые в массе своей усваивали революционно-демократическое мировоззрение, «посадские люди» 1830-х гг. стояли на консервативно-националистических позициях.

Примечания

Notes

¹ *Бердинских В.А.* Уездные историки: Русская провинциальная историография. Москва, 2003; *Боярченков В.В.* Историки-федералисты: Концепция местной истории в русской мысли 20–70-х годов XIX века. Санкт-Петербург, 2005; *Володина Т.А.* Уваровская триада и учебники по русской истории // Вопросы истории. 2004. № 2. С. 117–129; *Володина Т.А.* «Дилетанты» и «профессионалы»: К вопросу о периодизации развития исторической науки в конце XVIII – первой трети XIX века // Отечественная история. 2003. № 4. С. 122–130.

² *Сахаров И.П.* Отрывки из истории г. Тулы // Галатея. 1830. № 12. С. 20–32.

³ Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 268. Оп. 1. Д. 1. Л. 87; *Сахаров И.П.* История общественного образования Тульской губернии. Ч. 1. Москва, 1832. С. 41, 190.

⁴ ОР РГБ. Ф. 268. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–10.

⁵ Там же. Л. 6.

⁶ Там же. Л. 6об.

⁷ Для биографии И.П. Сахарова // Русский архив. 1873. № 6. Стб. 897–900.

⁸ Для биографии И.П. Сахарова // Русский архив. 1873. № 6. Стб. 898.

⁹ ОР РГБ. Ф. 268. Оп. 1. Д. 1. Л. 6об.

¹⁰ *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. Санкт-Петербург; Москва, 1881. С. 632, 633.

¹¹ ОР РГБ. Ф. 268. Оп. 1. Д. 1. Л. 9об.

¹² *Полевой Н.А.* «История государства Российского», сочинение Н.М. Карамзина // Московский телеграф. 1829. Ч. 27. № 12. С. 470.

¹³ ОР РГБ. Ф. 268. Оп. 1. Д. 1. Л. 72–75об.

¹⁴ *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений. В 10 т. Т. 6. Ленинград,

1978. С. 523.

¹⁵ *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений. В 10 т. Т. 6. Ленинград, 1978. С. 124, 125.

¹⁶ Для биографии И.П. Сахарова // Русский архив. 1873. № 6. Стб. 927–929.

¹⁷ Для биографии И.П. Сахарова // Русский архив. 1873. № 6. Стб. 902.

¹⁸ *Никодим (Казанцев), епископ.* Мое первое житие и инспекторство в Тульской семинарии // Тульские епархиальные ведомости. 1911. № 7–12.

¹⁹ Тульские епархиальные ведомости. 1911. № 11. С. 229–230; № 12. С. 254.

²⁰ Тульские епархиальные ведомости. 1911. № 11. С. 233.

²¹ Для биографии И.П. Сахарова // Русский архив. 1873. № 6. Стб. 901.

²² Для биографии И.П. Сахарова // Русский архив. 1873. № 6. Стб. 899.

²³ Для биографии И.П. Сахарова // Русский архив. 1873. № 6. Стб. 903.

²⁴ *Лонгинов М.Н.* Два рыцаря // Вольная русская поэзия XVIII – XIX вв. Москва, 1975. С. 227, 228.

²⁵ Для биографии И.П. Сахарова // Русский архив. 1873. № 6. Стб. 906.

²⁶ Для биографии И.П. Сахарова // Русский архив. 1873. № 6. Стб. 943

²⁷ *Панаев И.И.* Литературные воспоминания. Москва, 1988. С. 107–110.

²⁸ *Никитенко А.В.* Дневник. В 3 т. Т. 1. Москва, 1955. С. 202.

²⁹ *Барсуков Н.П.* Русские палеологи сороковых годов // Древняя и новая Россия. 1880. Т. 16. № 2. С. 265.

³⁰ *Панаев И.И.* Литературные воспоминания. Москва, 1988. С. 118.

³¹ Для биографии И.П. Сахарова // Русский архив. 1873. № 6. Стб. 953.

³² *Срезневский И.И.* Воспоминания об И.П. Сахарове // Записки Императорской Академии наук. Т. 4. Санкт-Петербург, 1864. С. 242.

³³ *Барсуков Н.П.* Русские палеологи сороковых годов // Древняя и новая Россия. 1880. Т. 16. № 2. С. 271; № 3. С. 538.

³⁴ Для биографии И.П. Сахарова // Русский архив. 1873. № 6. Стб. 930.

³⁵ *Барсуков Н.П.* Русские палеологи сороковых годов // Древняя и новая Россия. 1880. Т. 16. № 3. С. 521.

³⁶ *Никитенко А.В.* Дневник. В 3 т. Т. 1. Москва, 1955. С. 89.

³⁷ *Срезневский И.И.* Воспоминания об И.П. Сахарове // Записки Императорской Академии наук. Т. 4. Санкт-Петербург, 1864. С. 240.

³⁸ *Топорков А.Л.* Русский волк-оборотень и его английские жертвы // Новое литературное обозрение. 2010. № 3 (103). С. 151.

³⁹ *Сахаров И.П.* Сказания русского народа о семейной жизни своих предков. 3-е изд. Т. 1. Предисловие. Санкт-Петербург, 1841.

⁴⁰ *Сахаров И.П.* Сказания русского народа о семейной жизни своих предков. 3-е изд. Т. 1. Предисловие. Санкт-Петербург, 1841. С. 74.

⁴¹ *Пытин А.Н.* История русской этнографии. В 4 т. Т. 1. Санкт-Петербург, 1890. С. 300–305.

⁴² *Бессонов П.А.* Приложения // Песни Киреевского. Вып. 5. Москва, 1863. С. СХХVIII.

⁴³ *Топорков А.Л.* Русский волк-оборотень и его английские жертвы // Новое литературное обозрение. 2010. № 3 (103). С. 140–151.

⁴⁴ *Топорков А.Л.* «В наших сказаниях не все то помещено, что известно в селениях» (Фольклорные записи из архивного собрания И.П. Сахарова) // Традиционная культура. 2014. № 4 (56). С. 149, 150.

⁴⁵ *Сахаров И.П.* Сказания русского народа. Санкт-Петербург, 1885. С. V.

⁴⁶ *Рейтблат А.И.* Фаддей Венедиктович Булгарин: идеолог, журналист, консультант секретной полиции. Москва, 2016. С. 85–97.

⁴⁷ *Бурнашев В.П.* Воспоминания из моей частной и служебной деятельности Петербургского Старожила // Русский вестник. 1872. Т. 99. № 5. С. 49.

⁴⁸ Рукописи, которых не было: Подделки в области славянского фольклора. Москва, 2002. С. 11–245.

⁴⁹ Для биографии И.П. Сахарова // Русский архив. 1873. № 6. Стб. 920–927.

⁵⁰ *Срезневский И.И.* Воспоминания об И.П.Сахарове // Записки Императорской Академии наук. Т. 4. СПб., 1864. С. 244.

⁵¹ Для биографии И.П. Сахарова // Русский архив. 1873. № 6. Стб. 902–904.

⁵² *Кон И.С.* Лики и маски однополю любви. Лунный свет на заре. Москва, 2003. С. 323.

⁵³ *Eros Russe: Русский эрот не для дам.* Женева, 1879. С. 51.

⁵⁴ *Eros Russe: Русский эрот не для дам.* Женева, 1879. С. 65; *Смасов В.В.* Избранные сочинения. В 3 т. Т. 2. Москва, 1952. С. 310–372.

Автор, аннотация, ключевые слова

Володина Татьяна Андреевна – докт. ист. наук, профессор, Тульский государственный педагогический университет имени Л.Н. Толстого (Тула) volodina.tatiana2016@yandex.ru

В статье рассматривается творческая биография Ивана Петровича Сахарова, яркого представителя «непрофессионального» направления в российской исторической науке первой половины XIX в. Он исследовал историю Тульской губернии и активно занимался сбором и изданием фольклора русского народа.

Исследуются интеллектуальная атмосфера российского провинциального общества 1820-х гг. и те социальные, политические и духовные факторы, которые подталкивали его представителей к изучению местной истории. Важнейшими из этих факторов явились Отечественная война 1812 г. и выход в свет «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина.

Особое внимание уделяется жизненному опыту и личностным особенностям И.П. Сахарова, а также его мировосприятию интеллектуала недворянского происхождения. Показывается, как его личностные особенности оказывали влияние на его научную работу, на его увлечение фольклористикой и, наконец, на его издательскую деятельность.

На примере И.П. Сахарова раскрываются характерные черты менталитета «посадских людей» – социального слоя, являвшегося частью городского населения российской провинции. В отличие от разночинцев пореформенного времени, которые в массе своей усваивали революционно-демократическое мировоззрение, «посадские люди» 1830-х гг. стояли на консервативных и националистических позициях.

Российское самодержавие, Тульская губерния, духовная культура, фольклор, черная магия, консерватизм, национализм, новая интеллектуальная история, местная история, историография, история культуры, гомосексуализм, И.П. Сахаров.

References

(Articles from Scientific Journals)

1. Volodina, T.A. “Diletanty” i “professionally”: K voprosu o periodizatsii razvitiya istoricheskoy nauki v kontse XVIII – pervoy trety XIX veka [“Dilettantes” and “Professionals”: On the Question of Periodization in the Development of Historical Science in the Late 18th – First Third of the 19th Centuries.]. *Otechestvennaya istoriya*, 2003, no. 4, pp. 122–130. (In Russian)

2. Volodina, T.A. Uvarovskaya triada i uchebniki po russkoy istorii [Count Sergey Uvarov’s Triad and Textbooks on Russian History.]. *Voprosy istorii*, 2004, no. 2, pp. 117–129. (In Russian)

3. Toporkov, A.L. “V nashikh skazaniyakh ne vse to pomeshcheno, chto izvestno v seleniyakh” (Folklornyye zapisi iz arkhivnogo sobraniya I.P. Sakharova) [“Not Everything Known to the Villages Is Contained in Our Folktales” (Folklore Records from the Archival Collection of Ivan Sakharov).]. *Traditsionnaya kultura*, 2014, no. 4 (56), pp. 140–154. (In Russian)

4. Toporkov, A.L. Russkiy volk-oboroten i ego angliyskiye zhertvy [The Russian Werewolf and his English Victims.]. *Novoye literaturnoye obozreniye*, 2010, no. 3 (103), pp. 140–151. (In Russian)

(Monographs)

5. Berdinskikh, V.A. Uyezdnyye istoriki: Russkaya provintsialnaya istoriografiya [Regional Historians: Russian Provincial Historiography.]. Moscow, 2003, 522 p. (In Russian)

6. Boyarchenkov, V.V. Istoriki-federalisty: Kontseptsiya mestnoy istorii v russkoy mysli 20–70-kh godov XIX veka [Federalist Historians: The Concept of Local History in Russian Thought, 1820 – 1879.]. St. Petersburg, 2005, 251 p. (In Russian)

7. Kon, I.S. Liki i maski odnopoloy lyubvi. Lunnyy svet na zare [Faces and Masks of Same-Sex Love. Moonlight at Dawn.]. Moscow, 2003, 576 p. (In Russian)

8. Pypin, A.N. Istoriya russkoy etnografii [A History of Russian Ethnography.]. In 4 vs. St. Petersburg, 1890, vol. 1, 424 p. (In Russian)

9. Reytblat, A.I. Faddey Venediktovich Bulgarin: ideolog, zhurnalist, konsultant sekretnoy politzii [Faddey Bulgarin: Ideologue, Journalist, and Consultant to the Secret Police.]. Moscow, 2016, 630 p. (In Russian)

Author, Abstract, Key words

Tatyana A. Volodina – Doctor of History, Professor, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University (Tula, Russia)
volodina.tatiana2016@yandex.ru

The article examines the professional life of Ivan Sakharov, a vivid representative of what is known as “nonprofessional” direction in Russian historical science in the first half of the 19th century. He studied the history of Tula Province and actively collected and published the folklore of the Russian people.

The author analyzes the intellectual atmosphere of the Russian provincial society in the 1820s and the social, political and spiritual factors that encouraged its citizens to study local history. The most significant ones were the 1812 Patriotic War and the publication of “The History of the Russian State” by N. Karamzin.

The article highlights I. Sakharov’s life experience and his personal traits as well as his worldview as an intellectual of non-aristocratic origin. The author shows how Sakharov’s character influenced his research, his love for folklore and, finally, his publishing business.

I. Sakharov exemplifies the characteristic mentality of “posad” people, a social group in the urban population of Russian province. Unlike the “raznochintsy” (people of non-noble origin) in the after-reform time who mostly shared revolutionary and democratic outlook whereas the “posad” people in the 1830s had conservative and nationalist views.

Russian autocracy, Tula Province, spiritual culture, folklore, black magic, conservatism, nationalism, new intellectual history, local history, historiography, cultural history, homosexuality, Ivan P. Sakharov.

Т.А. Колосовская, Д.С. Ткаченко

**ИМПЕРСКАЯ ПОЛИТИКА ПАМЯТИ НА КАВКАЗЕ:
МЕХАНИЗМЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ
МАССОВОГО ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ
(XIX – начало XX веков)***

T.A. Kolosovskaya and D.S. Tkachenko

**The Imperial Politics of Memory in the Caucasus:
Mechanisms for Constructing Mass Historical Consciousness
(19th – Early 20th Centuries)**

Массовое историческое сознание (или, иными словами, историческая память) является как неотъемлемой частью культуры любого человеческого общества, так и объектом государственной политики. В ходе реализации последней, обращение к памяти о прошлом может стать своеобразным ответом на вызовы настоящего. В связи с этим, проблематика memory studies активно разрабатывается как за рубежом¹, так и в нашей стране². Смещение акцентов в исследованиях с изучения исторических событий или явлений как таковых к анализу памяти о них, позволяет говорить даже о «мемориальном повороте», который кардинально изменил облик современной исторической науки³.

Являясь совокупностью массовых представлений социума об общем прошлом, историческая память подвержена манипуляциям в политических целях. Изучение механизмов таких манипуляций входит в предметную область политики памяти, которая «обозначает всю сферу общественных практик и норм, устанавливаемых государством и связанных с регулированием коллективных представлений об истории, акцентированием внимания на одних сюжетах и замалчиванием или маргинализацией других»⁴. Наибольшей сложностью отличается изучение ее региональных особенностей, прежде всего если речь идет о регулировании коллективных представлений о таких противоречивых событиях, как присоединение национальных территорий к Российской империи.

Целью настоящей статьи является рассмотрение политики памяти на Кавказе, анализ эволюции ее практик, которые применялись имперскими властями в регионе со времени присоединения Грузии (1801 г.) до революционных событий 1917 г. Исследование основывается на архивных документах, материалах местных периодиче-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта «Имперская политика памяти на Кавказе: механизмы конструирования массового исторического сознания (XIX – начало XX в.)» (№ 19-19-50004). = Funding: The reported study was funded by RFBR, project number 19-19-50004.

ских изданий (газета Кавказ) и исторических трудах дореволюционных авторов, отражающих различные способы проявления политики памяти. Особое внимание уделяется нарративным стратегиям (созданию исторических описаний с четко определенным набором сюжетов, героев и их интерпретаций) и монументальным практикам коммеморации (увековечиванию в монументе значимых событий или исторических деятелей в строго заданном идеологическом контексте).

Нарративные стратегии политики памяти

Важным инструментом воздействия на массовое историческое сознание и средством конструирования коллективной памяти являются нарративы – сюжетно оформленные повествования, предлагающие связную картину цепи исторических событий⁵. Одновременно со строительством Российской империи происходило складывание ее официального нарратива, то есть принятого на государственном уровне видения истории страны. Свою нишу в нем заняли традиции историописания движения России на Кавказ и установления здесь российского доминирования.

К середине XIX в., несмотря на активную политику России в регионе, новая окраина страны оставалась малоизвестной широким кругам российской общественности. О Кавказе публика судила «по нескольким повестям да рассказам людей, приехавших на Пятигорские воды»⁶. В то же время в Европе публиковались труды побывавших на Кавказе иностранцев – Дж. Бэлла, Э. Спенсера, Дж. Лонгворта, Т. Лапинского. В них Россия представлялась в роли агрессора и угнетателя кавказских жителей⁷. Российское правительство открыто обвинялось в «сокрытии действительного состояния дел в этом крае»⁸, а побудительные мотивы утверждения на Кавказе объявлялись «ненасытным властолюбием и жадой завоеваний одного единственного человека, императора России»⁹.

Обвинения западных авторов стали своего рода вызовом, предопределившим необходимость создания официального нарратива присоединения Кавказа к России. Особенности его формирования определялись тем, что оно происходило в русле решения проблемы «умиротворения Кавказа», а его авторами становятся военные, принимавшие непосредственное участие в событиях Кавказской войны. Имея личный опыт знакомства с регионом, они попытались представить свое видение смысла и исторической значимости происшедших там событий.

В 1839 г. местом обсуждения концепции такого исторического сочинения стал город Тифлис, а его участниками – командир Отдельного Кавказского корпуса генерал-лейтенант Е.А. Головин и офицер Генерального штаба Д.А. Милютин. В то время будущий военный министр, как один из выпускников Императорской военной

академии, проходил на Кавказе боевую практику. По его мнению, решение кавказского вопроса было невозможно без изучения исторического опыта, поэтому он настаивал на разработке военной истории Кавказа. Предложение Милютина корпусной командир принял с сочувствием и высказал свои пожелания к ее подготовке.

Головин настаивал на том, чтобы в историческом труде был подчеркнут мессианский характер деятельности России на Кавказе. Для этого изложение событий следовало начать со времени, «когда Россия освободилась от ига татарского, начала приходить в силу и была в состоянии отеснить варварство в глубину Азии»¹⁰. Акцентируя внимание на ведущей роли Руси в защите Европы от «меча магометанского», по мнению Головина, будет не трудно доказать, что «настоящая борьба наша на Кавказе есть не что иное как продолжение борьбы христианства с исламом, варварства с просвещением»¹¹. Новое сочинение должно было оказать влияние на массовое сознание России и других европейских стран, о чем весьма недвусмысленно писал сам Головин: «С такой только точки зрения история военных действий наших, в недрах Кавказских гор, может быть дружелюбно приветствована Европой и остановит все нелепые и кривые суждения насчет желания России делать в Азии новые завоевания»¹².

Рекомендации корпусного командира Е.А. Головина были учтены Д.А. Милютиным в составленной им развернутой программе задуманного сочинения под названием «История русского владычества на Кавказе»¹³. В ней были сформулированы основные положения общей концепции истории движения России на Кавказ, развитие которых получило в дальнейшем свое отражение в работах авторов второй половины XIX – начала XX вв. Они заключались в том, что: 1) движение России на Кавказ – процесс исторически predetermined и закономерный; 2) присоединение Кавказа отвечало государственным интересам России; 3) действия России в регионе являлись исполнением ее цивилизаторской миссии на Востоке; 4) история присоединения Кавказа к России не должна сводиться только к описанию военных событий, но и создавать подробную картину тех усилий, которые прикладывало российское правительство к развитию системы управления и хозяйственному обустройству края.

Когда в 1840-е гг. вопрос подготовки кавказской истории прорабатывался в Санкт-Петербурге, в Главном штабе, выяснилось, что военному министру А.И. Чернышovu гораздо важнее героизация недавних событий, нежели изучение исторического опыта в глубокой ретроспективе. Вместо подготовки военной истории Кавказа, начиная с первых походов русов в тот край, Д.А. Милютину было предложено приступить к разработке истории Русско-турецкой войны 1828–1829 гг. и Польского восстания. Тогда Милютин отказался становиться «сочинителем панегириков в прославление властей предрежащих»¹⁴. Понадобилось 20 лет, прежде чем сформулированная им

в соавторстве с Е.А. Головиным концепция, нашла свое отражение в исторических трудах по кавказской тематике.

На завершающем этапе вооруженного противостояния на Кавказе был опубликован написанный по поручению командующего Кавказской армией А.И. Барятинского труд полковника Р.А. Фадеева под названием «Шестьдесят лет Кавказской войны» (Тифлис, 1860). В 1861 г. работу перевели на немецкий язык. Тогда же в Санкт-Петербурге, в зале Пассажа, полковник Д.И. Романовский прочел публичные лекции по военной истории Кавказа. Лекции вызвали большой общественный резонанс и были изданы отдельной книгой «Кавказ и Кавказская война» (Санкт-Петербург, 1860).

Написанные на фактах, очевидцами которых они были сами и на мнениях людей, хорошо изучивших край (Д.А. Милютин, П.К. Услар), работы Р.А. Фадеева и Д.И. Романовского представляли собой первые обобщающие исторические сочинения по новой истории Кавказа, доступные читающей публике. Они объясняли современникам, каких целей Россия старалась достигнуть на Кавказе, зачем ей это было нужно, показывали, в чем и почему она ошибалась, как с исправлением ошибок удалось подчинить Кавказ, какая всей стране от этого польза. Военная тема в их сочинениях явно преобладала и это не случайно. Авторы акцентировали внимание на тех трудностях, которые пришлось преодолевать в регионе, и тем самым убеждали общественность в исторической легитимности российского присутствия на Кавказе. Все остальные сведения географического, этнографического, социально-экономического характера носили лишь вспомогательный характер.

Более всех к разработке обобщающей истории присоединения Кавказа к России приблизился Н.Ф. Дубровин. В 1866 г. по поручению Кавказского наместника и главнокомандующего Кавказской армией вел. кн. Михаила Николаевича он приступил к составлению истории «покорения и владычества русских» на Кавказе, для чего ему был открыт доступ во все архивы, где хранились дела по этому вопросу¹⁵. Его многотомное сочинение положило начало переходу от эмоциональных описаний времен Кавказской войны к энциклопедическому подходу в изучении региона, закладывало основы сюжетной канвы и формировало пантеон главных героев для дальнейшего развития имперского нарратива¹⁶.

Формирование положительного образа включения региона в состав империи не замыкалось только в рамках подготовки обобщающих исторических трудов и проявлялось в иных поддерживаемых властью нарративных стратегиях. Весной 1865 г. вел. кн. Михаил Николаевич, «желая сохранить для потомства по возможности полное и подробное повествование тех подвигов, которые совершены были частями войск и отдельными лицами в течение непрерывной войны с горцами»¹⁷, распорядился, чтобы «во всех полках и отдельных батальонах была составлена история их действий и всей жизни

на Кавказе»¹⁸.

Главной целью полковых историй была воспитательная: они помогали знакомить новобранцев с боевыми подвигами и традициями той части, в которую недавно прибыли. «Неучи победить еще могут, но люди, не дорожащие честью полкового мундира, – не победят никогда»¹⁹, – оценивал важность подобной работы один из боевых генералов. Такие установки накладывали свой отпечаток как на выбор сюжетов, так и на стиль этой формы официального нарратива. Тираж полковых историй был не велик, их авторы (преимущественно не являвшиеся профессиональными историками офицеры того же полка) ориентировались на небольшую аудиторию военнослужащих, а выбор сюжетов зачастую определялся требованиями «узкоэскадронного патриотизма».

Первым примером подобного рода сочинений на Кавказе стала работа поручика Г. Казбека, посвященная истории Грузинского гренадерского полка²⁰. Вслед за ней были опубликованы полковые истории «куринцев»²¹, «самурцев»²², «дагестанцев»²³, «тенгинцев»²⁴ и других частей. В целом инициатива наместника и главнокомандующего нашла живой отклик. В начале XX в. большинство войсковых частей округа располагали своими историями.

После завершения Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. военное командование попыталось четко регламентировать содержание полковых историй. В приказе № 55 по Кавказскому военному округу (КВО) от 20 февраля 1879 г. была изложена их программа минимум, которая определяла и способы повествования (последовательное изложение событий из боевой жизни полка с опорой на архивные документы и воспоминания очевидцев) и саму стратегию организации такого повествования²⁵. При этом таким талантливым и увлеченным работой полковым историкам, как А.Л. Зиссерман²⁶ и В.А. Потто²⁷, удалось выйти за рамки перечисления боевых сражений. Их произведения давали оценку событиям военно-политической истории Кавказа, характеризовали исторические портреты выдающихся кавказских деятелей, включали историко-этнографические зарисовки местного населения. Тем самым, полковые историки вносили свою лепту в популяризацию «официальной» версии присоединения Кавказа к России, закрепляя ее в коллективной памяти. «Хорошо составленная история полка, – писал А.Л. Зиссерман, – может быть прочтена с удовольствием не только военным, но и всяким образованным человеком, интересующимся нашею историей, нашими “делами давно минувших дней”, выдвинувшими Россию в ранг великой европейской державы»²⁸.

Реализация нарративных стратегий конструирования исторической памяти ставила перед властью новые задачи: подготовка исторических описаний актуализировала проблему разбора местных архивов, а популяризация их содержания в массах подталкивала обратить внимание на возможности музейных практик коммемора-

ции. Решение таких задач могло быть вверено в руки специальных государственных учреждений, создание которых не заставило себя долго ждать.

В 1864 г., при Главном управлении Кавказского наместника была создана Археографическая комиссия. Немногочисленный штат ее сотрудников (председатель и два постоянных члена) занимался разбором архивов местных гражданских учреждений и последовательной публикацией их документов. Деятельность комиссии развивалась успешно, и к началу XX в. было издано 12 увесистых томов «Актов» в формате in-folio и объемом около 1 000 страниц каждый²⁹. Они включали в себя систематизированные по периодам управления Кавказом тем или иным наместником документальные свидетельства, которые легли в основу источниковой базы имперского нарратива присоединения Кавказа. Это материалы о русско-иранских и русско-турецких войнах, о Кавказской войне, а также источники, проливающие свет на постепенное развитие гражданского управления в крае.

История создания еще одного подобного учреждения на Кавказе связана с реализацией масштабного археографического проекта военной администрации. В 10-летнюю годовщину завершения вооруженного противостояния с горцами на страницах местной газеты «Кавказ» было опубликовано воззвание наместника и главнокомандующего вел. кн. Михаила Николаевича к ветеранам Кавказской войны о доставлении на его имя записок, воспоминаний и других материалов о недавних событиях. Обращая внимание на проблему исследования военного прошлого Кавказа наместник подчеркивал, что «для полноты и правильности подобной работы приходится пожелать появления в свет тех описаний очевидцев и деятелей, кои хранятся у авторов, или в потомстве их и доселе почему-либо не были изданы»³⁰.

Для разбора поступающих рукописей, а также их постепенной публикации, при штабе Кавказского военного округа (КВО) был создан Военно-исторический отдел: сначала как временное учреждение, а с 1888 г. – постоянное. Его штат включал в себя начальника, помощника и двух редакторов³¹. Под редакцией отдела было выпущено 32 тома «Кавказских сборников»³². Это издание по объему и многообразию представленных на его страницах материалов представляло собой достойного «конкурента» «Актам Кавказской археографической комиссии». Если первоначальный план подготовки сборников ориентировался на источники личного происхождения и исследовательские работы сотрудников отдела, то к концу XIX в. главное место в издании стали занимать документы, извлекаемые из архивов упраздненных военных учреждений Кавказа³³.

Положение дел в этих учреждениях тогда оставляло желать лучшего. Старейший и важнейший на Кавказе архив канцелярии кизлярского коменданта пришел в плачевное состояние. «Трудно даже

допустить, – писал корреспондент газеты «Кавказ», – чтоб на чердаке, под дырявой крышей, могло что-нибудь сохраниться, и, по всей вероятности, “дела” послужили скудной трапезой прожорливым мышам, или истлели от сырости и всеокрушающего времени»³⁴. Понимая историческую важность хранившихся в подобных архивах документов, Военно-исторический отдел организовал их разбор. Выявляемые в Ставрополе, Владикавказе, Моздоке, Георгиевске, Нальчике, Грозном, Екатеринодаре и других населенных пунктах Кавказа документы стали собирать в Тифлисе, в Военно-историческом архиве при штабе КВО, который образовал документальную базу для продолжения исторических исследований в русле официальной концепции.

Визуализация сюжетов и героев создаваемого исторического нарратива нашла свое отражение в экспозициях Кавказского военно-исторического музея (КВИМ), открытого в Тифлисе в 1888 г. На массивных металлических досках, закрепленных на фасаде музейного здания, золотыми буквами была выписана хронология событий имперского нарратива закрепления России на Кавказе и в Средней Азии, начиная с 1567 г. (заложения крепости Терки) и заканчивая 1885 г. (присоединением к России Мерва)³⁵.

Еще большее эмоциональное воздействие на посетителей оказывала созданная по заказу Военного министерства картинная галерея музея. Батальные сцены, выполненные художниками Ф.А. Рубо, Н.С. Самокишем, И.К. Айвазовским и другими, погружали посетителей в атмосферу эпохи и акцентировали внимание на ставших хрестоматийными сюжетах имперского нарратива: вступление императора Петра Великого в Тарки (1722 г.), защита станицы Наурской (1774 г.), вступление в Тифлис 17-го Егерского генерал-майора Лазарева полка (1799 г.), сражение при реке Иоре русских и грузинских войск с лезгинами (1800 г.), штурм и взятие крепости Ленкорани (1812 г.), поражение персов под Елисаветполем (1826 г.), штурм и сдача крепости Эривань (1828 г.), взятие штурмом аула Гимры (1832 г.), высадка императора Николая I во главе войск в Геленджике (1837 г.), взятие штурмом аула Ахульго (1839 г.), взрыв и гибель Михайловского укрепления (1840 г.), взятие аула Дарго М.С. Воронцовым («Сухарная экспедиция», 1845 г.), штурм и взятие аула Салты (1847 г.), смерть генерал-майора Н.П. Слепцова (1851 г.), переход отряда князя М.З. Аргутинского-Долгорукова через Кавказские горы (1853 г.), штурм Гуниба и взятие в плен Шамиля (1859 г.), Кюрюк-Даринское сражение (1854 г.), штурм и взятие крепости Карс (1855 г.), взятие турецкой кочермы (1856 г.), штурм и взятие крепости Ардагана (1877 г.), Авлиарское сражение (1877 г.), взятие крепости Карса (1877 г.), взятие штурмом крепости Геог-Тепе (1881 г.), бой при реке Кушке (1885 г.)³⁶.

С портретов, размещенных на внутренних стенах музея, на посетителей смотрели российские самодержцы Петр I, Екатерина II,

Павел I, Александр I, Николай I, Александр II и Александр III, грузинские цари Ираклий II и Георгий XII, видные государственные и военные деятели Кавказа В.А. Зубов, Г. Чавчавадзе, А.П. Ермолов, В.О. Бебутов, М.Т. Лорис-Меликов и другие³⁷. Благодаря подробному «Путеводителю» у посетителей была возможность познакомиться с их биографиями и заслугами перед Отечеством³⁸.

КВИМ не был закрытым учреждением военного ведомства и через пропаганду положительного образа присутствия России на Кавказе активно влиял на формирование социальной среды, способной к восприятию смыслов и ценностей империи. Практическую значимость такой деятельности подчеркивали сами устроители музея: «Кавказский военно-исторический музей – это тот величественный памятник победоносной Кавказской армии, на котором все народности Кавказа – русские, грузины, армяне, мусульмане – найдут имена своих героев, совершивших великое дело умиротворения Кавказа для его культурного развития и запечатлевших кровью своей беззаветную верность Царю и Родине»³⁹. Выступая в роли опорных точек, своеобразных «маяков» массового исторического сознания, экспонаты музея заполняли пространство общей памяти символами и героями, и тем самым наглядно представляли официальную версию истории присоединения Кавказа к России, пропагандируя идеи единого Отечества и объединения народов под скипетром российского монарха.

Созданные властью Кавказская археографическая комиссия и Военно-исторический отдел постепенно эволюционировали в самостоятельные институты памяти на южной окраине России, способные чутко реагировать на общие тенденции имперской политики. Когда в щедрое на юбилеи время рубежа XIX–XX вв. в центральной России о Кавказе забыли⁴⁰, местные институты памяти напомнили о себе сами. К 100-летию занятия Тифлиса русскими войсками (26 ноября 1799 г.) силами сотрудников Военно-исторического отдела и Кавказской археографической комиссии был подготовлен исторический очерк, повествующий о развитии российско-кавказских отношениях с XVI в. до принятия Грузии в российское подданство⁴¹. В кратком обзоре авторы показали «тот путь, которым первые случайные сношения Руси с Кавказом привели постепенно к осознанию исторической задачи Русского государства на Кавказском перешейке»⁴².

Местная инициатива была поддержана в Военном министерстве. В том же году, в преддверии уже другого юбилея – 100-летия присоединения Грузии к России, – военный министр А.Н. Куропаткин утвердил программу подготовки продолжения исторического очерка в виде 15-томного издания под названием «Утверждение русского владычества на Кавказе»⁴³. По уже применявшейся ранее при публикации архивных документов схеме фактический материал систематизировался в нем по периодам управления Кавказом того или

иного государственного деятеля. Однако в отличие от предыдущих, новый проект предусматривал разработку отдельных томов, посвященных деятельности русской армии и военного ведомства на Кавказе, в том числе их участию в развитии местной инфраструктуры, вопросам религиозной жизни на Кавказе, гражданского, судебного, поземельного и финансового устройства края, его общественной и экономической жизни. Общее согласование тематических статей между собой, необходимые их дополнения и редакторскую работу возложили на начальника Кавказского военно-исторического отдела В.А. Потто.

«Утверждение...» продолжало традиции создания героического нарратива, в котором присоединение Кавказа к России преподносилось как упорная и длительная борьба, стоившая множества жертв, но при этом принесшая пользу как самой России, так и народам Кавказа, отдавших себя под покровительство российских монархов. Как подчеркивалось во введении, его авторы стремились «дать вполне верную и правдивую картину состояния Кавказского края во всех отношениях во время присоединения Грузии к России, и чем стал Кавказ после столетней жизни его под скипетром русских монархов; показать: сколько принесено жертв, сколько пролито крови и положено трудов на умиротворение страны, чтобы вывести народы Кавказа на путь широкого развития и благоденствия»⁴⁴.

Хотя проект не был доведен до конца (к началу Первой мировой войны удалось опубликовать лишь 5 томов в 7 книгах, хронологически охватывающих период с 1801 г. до конца 1820-х гг., времен управления И.Ф. Паскевича на Кавказе) он стал апофеозом разработки официального государственного нарратива на региональном уровне. Через «правильную» интерпретацию исторического прошлого его содержание должно было консолидировать российское общество и способствовать формированию общеимперской идентичности.

Монументальные практики коммеморации

В иной форме политика памяти проявляется через монументальное строительство, где памятники выступают как «вещественное воплощение форм и слов, которые способны легко вызвать к жизни исторические ассоциации»⁴⁵. Строительство памятника дает возможность легко идеализировать избранное историческое событие, наглядно представить его трактовку в художественном образе и тем самым передать «послание», интерпретирующее событие в определенном свете⁴⁶.

К возведению памятника примыкает и мемориализация уже существующих объектов. Строение при этом утрачивает свое утилитарное назначение или вместе с ним выполняет роль памятника – вызывает в сознании смотрящего на него четкие ассоциации. Храмы

и часовни, посвященные знаковому событию, остатки крепостных стен или дверные арки разрушенных строений по силе своего воздействия не уступают специально для этой цели отлитым скульптурам.

Монументальное поле коммеморации на Кавказе было представлено разными типами памятников. И для того чтобы понять роль каждого из них в политике памяти имперских властей, монументы следует рассматривать не по хронологии воспеваемых ими событий (как это делали отдельные дореволюционные авторы⁴⁷), а поместить вдоль воображаемой «оси, идущей от общественного интереса к частному»⁴⁸.

Выражением имперского официоза, выдававшегося властями за «общественный интерес», стали памятники особам царствующего дома и монументы-свидетельства посещения региона лицами правящей династии. Эту группу монументов власти считали памятниками первостепенной важности, призванными подогреть верноподданнические чувства на южной окраине страны, а некоторые из них (например, крест Николая I в Тифлисе) возводились по инициативе самих императоров на их личные средства⁴⁹.

Наиболее знаковым из этого типа памятников стал мемориал в Дербенте, посвященный пребыванию в городе Петра I во время его Персидского похода 1722–1723 гг. Объектом мемориализации стала землянка, в которой, по легенде, император останавливался на отдых, обнесенная навесом для защиты от непогоды⁵⁰. Несмотря на то что имперская администрация сомневалась в правдивости легенды⁵¹, а расследование показало, что она появилась лишь в середине XIX в.⁵², навес над землянкой становился все более монументальным и демонстрировал степень уважения памяти об императоре, «гений коего указал нам путь к этим владениям»⁵³. История превращения скромной землянки в помпезный мемориал ярко показывает, что в памятнике для потомков важно то «послание», которое он транслирует, а «физический образ памятника неизбежно подправляется, видоизменяется или с течением времени как-то еще преобразуется»⁵⁴.

Еще более явный политико-идеологический контекст нес памятник Екатерине II в Екатеринодаре, призванный не столько увековечить историю появления казачества на Кубани, сколько пропагандировать в годы революции 1905–1907 гг. идею неразрывной связи казачества со службой самодержавию⁵⁵. Несмотря на то что сюжет скульптурной композиции отсылал зрителя к легенде о «даре Екатерины» – акту предоставления в 1792 г. казакам земель для колонизации, – политическое назначение памятника было озвучено на открытии монумента 6 мая 1907 г. приуроченного ко дню рождения Николая II⁵⁶. Пример этого памятника демонстрирует то, как при реализации политики памяти в сознании людей осуществляется «сплав почитания памяти с насущными идеологическими потребностями для утверждения авторитета власти»⁵⁷.

Второй группой памятников, близких по своему политическому значению к «царским», стали монументы, метко названные западными исследователями «маркерами триумфа»⁵⁸. Их роль выполняли многочисленные триумфальные арки, поводом для возведения которых стала коммеморация региональных событий: от победы над врагом до проезда через населенный пункт особы царствующего дома. Форма монумента, заимствованная из античной практики, четко следовала утвердившейся форме и лишь слегка варьировалась в зависимости от местных условий.

Первой по времени и наиболее значимой по своему идеологическому «посланию» стала триумфальная арка, возведенная в конце XVIII в. в станице Екатериноградской с надписью «Дорога в Грузию»⁵⁹. «Послание» одновременно и возвеличивало достижения внешней политики России, и призывало к дальнейшему расширению имперских границ на юге. Однако уже в середине XIX в. триумфальная арка превратилась в политико-идеологический объект, возведенный в мало подходящем для этого месте. Столицей Кавказского наместничества Екатериноград так и не стал, а помпезное сооружение, стоящее в окружении жалких хижин посреди заросшего травой пустыря, выглядело нелепо⁶⁰.

Не только арка в Екатериноградской, но и аналогичные «маркеры триумфа» в Ставрополе, Екатеринодаре, Анапе, Грозном и Кизляре содержали в себе противоречие. Чтобы понять «послание» монумента, зрителю следовало обладать знаниями о практике организации триумфов в Древнем Риме. Без них же и пышность композиции, и античная символика утрачивали свой смысл.

Это ярко показывает отчет Ставропольского губернатора Н.Е. Никифораки в Министерство внутренних дел о состоянии триумфальной арки «Тифлиссские ворота» в Ставрополе, установленной «в конце бульвара по Николаевскому проспекту». Городские обыватели, пересказывая легенды, связанные с историей появления памятника, терялись в догадках насчет назначения этого величавого архитектурного сооружения, ставшего символом города⁶¹.

В целом коллективные «фоновые истории» триумфальных арок Кавказа передавали зрителю один из главных постулатов имперской идеологии: через систему образов и аллегорий они «говорили» о мощи России и незыблемости ее внутренних порядков. Трансляция этой идеи считалась властями важной частью монументальной пропаганды, однако идеологическое воздействие велось в форме, непонятной для неграмотного большинства переселенцев. Для них гораздо большим смыслом были наполнены не абстрактные символы власти и могущества, а памятники, посвященные конкретным людям и событиям.

Отдельным направлением коммеморации стало возведение памятников «строителям империи» – лицам, которые занимали руководящие военно-административные посты и определяли политику

России в регионе. Памятники могли быть разнообразными по форме: от сохранившихся надгробий над местами захоронения до отдельного скульптурного произведения. Отношение к памятнику целиком зависело от степени популярности объекта коммеморации. Так, памятники командующим на Кавказской линии Д.Т. Лисаневичу, Н.В. Грекову и К.Ф. Сталю из частных надмогильных памятников так и не превратились в общественно значимые монументы и, по емкому определению В.А. Потто, представляли собой «безмолвный гранит, ничего не говорящий ни уму, ни сердцу, ни воображению»⁶².

Иным было отношение к популярным деятелям кавказской администрации, таким как М.С. Воронцов, высокохудожественный памятник которому был открыт в Тифлисе в марте 1867 г. Имперские власти хотели, чтобы потомки помнили М.С. Воронцова за его заботу о благосостоянии региона и культуртрегерскую деятельность. «Пройдут десятки и сотни лет, поколения сменяют поколения, еще громаднее расширится Тифлис, – и все с тем же величием и приветом будет смотреть на него изображение фельдмаршала, как бы радуясь его развитию и преуспеванию»⁶³, – говорилось на открытии памятника.

Трансляция официального прочтения событий Кавказской войны стала еще одним из направлений строительства памятников в регионе. В ее рамках появились монументы, посвященные героизированным в имперском нарративе военным событиям и личностям. Они служат иллюстрацией того, как власть, финансирующая работы по возведению памятников, пыталась структурировать монументальное пространство исторической памяти.

Стараниями военной администрации Кавказа в 1840–1850-е гг. были коммеморированы имперские герои начального этапа присоединения региона к России – П.Д. Цицианов, В.С. Гуляков, П.С. Котляревский и майор И. Монтрезор, которым в Закавказье были возведены памятники разного масштаба⁶⁴. Каждый факт жизненного пути и сама смерть имперских героев, обыгранные в фоновой истории, был противоречив, а монументы чтили больше идеал, чем следовали реальным историческим фактам. Однако, не найдя в Закавказье достаточной целевой аудитории, готовой к восприятию имперского идеологического «послания», многие военные памятники были вскоре после их возведения заброшены, а проект помпезного монумента П.Д. Цицианову в Тифлисе в силу открытого сопротивления грузинской аристократии так и не доведен до конца⁶⁵.

Более удачной стала коммеморация борьбы империи с внешним врагом, которая решала текущие политические задачи – транслировала «послание», что границы «русского Кавказа» проходят по местам, где лежат солдатские кости. Эту идею хорошо передавали многочисленные мемориалы павшим в войну 1877–1878 гг., воздвигнутые по единому типовому архитектурному проекту в приграничной полосе с Турцией⁶⁶.

Венцом имперского монументального строительства стал памятник «воинам, погибшим при одновременных штурмах крепости Карс»⁶⁷, открытый 6 ноября 1910 г. на месте братских могил солдат, погибших в 1825, 1855 и 1877 гг. Он был выполнен в новом для начала XX в. стиле, использовавшем общеевропейский образ⁶⁸ – «простого солдата», водружающего знамя победы на далекой южной границе империи. Благодаря силе своего идеологического воздействия, памятник был в начале второго десятилетия XX в. широко растиражирован в фотографиях, словесных описаниях и даже стихах⁶⁹.

В целом, коллективная «фоновая история» военных памятников в Закавказье должна была транслировать современникам и их потомкам официальную версию истории того, как регион при последних грузинских царях перешел под контроль России и как империи удалось продвинуть границы российского Кавказа на ту линию, которую закрепила война 1877–1878 гг.

К государственным проектам так же добавлялись «солдатские» и «народно-казачьи» монументы. Они выражали социальные стремления тех социальных групп, которым как опоре правительства следовало дать возможность выразить свою историческую память.

«Солдатские» монументы, возводившиеся исключительно по инициативе той или иной войсковой части, были посвящены памяти однополчан, павших в годы Кавказской войны. Каждый полк стремился создать для себя символ воинской славы. Мемориальная деятельность военных была прямолинейна, а сюжеты памятников нацелены на трансляцию идеи выполнения воинского долга, беспрекословного повиновения воинской дисциплине и готовности по приказу «отца-командира» пожертвовать жизнью. Самым ярким примером этого стал памятник рядовому Гаврило Сидорову, открытый в 1902 г. 13-м лейб-гренадерским Эриванским полком в своей штаб-квартире в селе Манглис⁷⁰. Монумент обращался к сюжету гибели героя во время строительства «живого моста» для переправы орудий при отступлении русского отряда от крепости Шах-Булаг⁷¹.

Другие полки бывшей Кавказской армии так же апеллировали к примерам героизма своих солдат. 81-й пехотный Апшеронский полк через памятники на Гунибе и в Темир-хан-Шуре провозглашал себя воинской частью, проложившей князю Барятинскому путь к победе над Шамилем в августе 1859 г. 77-й пехотный Тенгинский полк в монументах во Владикавказе и Архипо-Осиповке апеллировал к подвигу защитников Михайловского укрепления, взорвавших форт вместе с захватившими его горцами. 79-й пехотный Куринский и 80-й пехотный Кабардинский полки через монумент, воздвигнутый в Дарго, обращались к событиям «Сухарной экспедиции» М.С. Воронцова. 83-й пехотный Самурский полк возвел в своей штаб-квартире в селении Дешлагар и в его окрестностях памятники товарищам, павшим во время военных экспедиций в аулы Шеляги, Салты и Гергебиль.

Военные вряд ли задумывались над негативным этнополитическим контекстом, который коммеморация героики Кавказской войны имела в глазах местного населения, воспринимавшего памятники не символами героизма, а символами силовой политики России на Кавказе. Однако уже сами строители выражали опасение за сохранность монументов после ухода воинской части. Показательно, что на памятнике в ауле Дарго для местного населения была сделана специальная надпись-предостережение на арабском языке: «Уважай мертвых, ибо сам умрешь»⁷².

Власть так же не препятствовала идущей «снизу» инициативе создания казачьих памятников. Они имели сильное сходство с «солдатскими» мемориалами, но акцентировали внимание на тяготах, опасностях и жертвах «малой Кавказской войны», которую казаки вели в российско-горском приграничье. Прежде всего, казаки чтят память своих предводителей – тех из них, кто соответствовал представлениям о справедливом и популярном начальнике. Помимо этого памятники А.П. Ермолову в Грозном, Н.П. Слепцову в Сунженской (Слепцовой) и Троицкой станицах, Ф.А. Круковскому в станице Екатериноградской и близ укрепления Урус-Мартан были призваны выполнять роль символа казачьей гегемонии в регионе. Показательно, что надпись на кенотафе Н.П. Слепцова, возведенном на церковной площади в Троицкой, акцентировала внимание на том, что память об атамане, павшем в сражении с горцами, сохраняет уже третье поколение жителей станицы⁷³.

Кубанские казаки также установили свои символы легитимации присутствия на землях Кавказа, самым ярким из которых был монумент в станице Царской. Выполненный в стиле памятников особам царствующего дома – с бюстом Александра II, облаченного в казачью форму⁷⁴, – он на мемориальных табличках сообщал, что казаки занимают земли Закубанья вследствие точного исполнения утвержденного императором плана покорения Западного Кавказа⁷⁵. Аналогичную функцию выполнял памятник 200-летия Кубанского казачьего войска, воздвигнутый в 1897 г. в Екатеринодаре, на мемориальных досках фиксировавший историю появления в регионе обеих частей войска – и «линейцев», и «черноморцев»⁷⁶.

Однако большинство казачьих мемориалов в кубанских станицах апеллировали не к триумфу победы, а к трагедии – героизму, проявленному при защите родных станиц от набегов горцев. Часовня в Тифлисской, воздвигнутая над могилой сотника Гречишкина и его казаков, памятник полковнику Тиховскому в Ольгинской, скромный монумент в Каменобродской, посвященный жителям, погибшим от набега Джембулата, частные захоронения героев, таких как полковник А. Дадымов, составляют группу «народно-казачьих» памятников. Выполненные в стиле частных захоронений, они не только отражали ту грань жизни в приграничье, которую хотели помнить потомки участников «малой войны», но также использо-

вались казачьими верхами для пропаганды единства военно-служилого сословия в противовес «иногородним». Дидактическую роль народно-казачьих памятников точно подметил Ф.А. Щербина, подчеркнувший, что павшие при защите Ольгинского поста полковник «Тиховский и его сподвижники – это наш казачий Леонид и наши казаки спартанцы»⁷⁷.

Облик, который приобретала политика России на Кавказе в отражении «солдатских» и казачьих памятников, был целостным и непротиворечивым. В прямой или завуалированной форме монументы «говорили» о военных методах присоединения региона и высокой цене победы, а их строители были далеки от размышлений о национальном вопросе, возникшем уже после того, как бывшие противники стали вместе жить в одной мирной стране. И их не интересовало то, что памятники «покорения Кавказа» в условиях революционного кризиса начала XX в. века зачастую выглядели не как «маркеры триумфа», а как «зарубки памяти» об этнической розни.

Как средство, призванное воздействовать на историческую память зрительской аудитории, памятники лучше всего выполняют свою идеологическую задачу во время организации возле них празднования памятных событий. В ходе мероприятия рядом с памятником на фоне знамен и транспарантов с государственной символикой происходила постановка своеобразного спектакля, включающего речи ораторов, парады, фейерверки, а иногда и массовые гуляния, с целью запечатлеть в памяти людей нужный идеологический постулат в ярком виде⁷⁸.

Идеологический потенциал, заложенный в организации праздничных мероприятий, приуроченных к годовщинам официально чтимых событий, имперские власти пытались активно использовать.

Наиболее значимым событием как имперского нарратива, так и всей монументальной пропаганды, являлось завершение Кавказской войны, которое трактовалось не столько как конец российско-горского противостояния, сколько как безусловная победа империи при «покорении Кавказа». Празднование 50-летия завершения войны на Северо-Восточном Кавказе, закончившееся пленением Шамиля, было организовано в августе 1909 г. на Гунибе.

В проведении мероприятия было не только лично задействовано высшее руководство Кавказа – наместник И.И. Воронцов-Дашков и ведущие представители имперской администрации, но и участвовали военнотружущие всех «старых» Кавказской полков. Акт коммеморации был проведен в форме точной исторической реконструкции штурма Гуниба, выполненной по сценарию, составленному Военно-историческим отделом Кавказского военного округа. Помимо имитации штурма, он включал целый ряд мероприятий: посещение военными своих полковых памятников, парад войск в березовой роще у «Сени Барятинского», праздничного обеда для офицеров, солдат и горских делегаций на «царской поляне», а также народные гуляния

и фейерверк⁷⁹.

Идеологическим мероприятием, вокруг которого строился весь акт коммеморации, являлось торжественное чтение Кавказским наместником приказа по Кавказскому военному округу. В нем, помимо идеи преемственности боевого духа и традиций старых и новых полков⁸⁰, звучал и важный политический посыл, напрямую обращенный к исторической памяти о Кавказской войне: «Не губительный меч завоевателя, а духовные блага мира, спокойствия и процветания народов вносили с собой русские войска в тущобы недоступных гор, в дебри вековых дремучих лесов»⁸¹. Местное горское население заверялось в том, что «Великий Государь наш, равно заботящийся о всех своих подданных», заметит и отблагодарит их 50-летнюю лояльность представителям государственной власти⁸².

Похожие идеологические постулаты озвучивались и в ходе других актов коммеморации, обращенные к памяти о событиях военно-политической истории региона: во время открытия памятника разгрому лезгин на реке Иоре; закладке, а затем и открытия Храма Кавказской Армии в Тифлисе; открытия в Карсе памятника медицинским чинам, погибшим в войну 1877–1878 гг. В них видна попытка властей использовать историческую память о событии ради «четко просчитанной легитимизации своего положения как гражданских лидеров общества, проведения через них идеи верховенства государственных законов и общественного порядка»⁸³.

* * *

Как и во всей империи, политика памяти на Кавказе носила ярко выраженный идеологический характер и была направлена на формирование имперской идентичности. Идеалом, который она пыталась внушить, была мысль о лояльности населения правящей династии, незыблемости существующих порядков и необходимости служить российскому государству, независимо от социального статуса или этнической принадлежности.

Самодержавие пыталось заявить о своей «надклассовости», «народности», стремясь зафиксировать в исторической памяти подданных серию строго подобранных исторических сюжетов. В рамках официальной установки, герои коммеморируемых событий трансформировались в плеяду образов «верных царских слуг». Обращение к их делам должно было не столько напоминать населению о реальном событии, сколько наглядно демонстрировать, «как чтут Царь и Отечество славные подвиги своих храбрых и верных слуг»⁸⁴.

Однако сословная структура империи неизбежно накладывала отпечаток как на систему образов, так и сюжеты, избираемые для идеологического воздействия. Казаки, вспоминаящие о своих атаманах; офицеры и солдаты бывшей Кавказской армии, чтящие павших однополчан; военные и гражданские чиновники,

прославляющие мощь российской власти и образы строителей империи, – все они являлись представителями тех социальных групп, которым была предоставлена привилегия официального выражения своей исторической памяти.

Под их моральные ценности и социальные стремления подгонялась трактовка тех коммеморированных исторических событий, которые должны были воздействовать на население. Любые другие оценки тех же событий, которые сохранялись в исторической памяти «безмолвствующего большинства» – представителей неимущих и непривилегированных сословий и части этнических групп Кавказа – не имели права на коммеморацию.

Целевая аудитория, способная воспринимать смыслы и ценности империи, неизбежно сужалась, и к 1917 г. политика памяти превратилась в искусственно поддерживаемый государством официальный проект, который, лишившись в силу революции и Гражданской войны идеологической и финансовой подпитки, сошел с исторической арены. Имперские памятники были либо сметены революционными событиями, либо, даже сохранившись, изменили свое идеологическое «послание». Официальные нарративы пылились на полках архивов и библиотек, представляя интерес лишь для узкого круга специалистов-кавказоведов, которые обращались к ним в поисках фактического материала.

Примечания Notes

¹ Terdiman R. Present Past: Modernity and the Memory Crisis. Ithaca (NY), 1993; Matsuda M.K. The Memory of the Modern. Oxford, 1996.

² Репина Л.П. Историческая память и современная историография // Новая и новейшая история. 2004. № 5. С. 39–51; Святославский А.В. История России в зеркале памяти: Механизмы формирования исторических образов. Москва, 2013; Шадже А.Ю., Хут Л.Р., Куква Е.С. Российский Северный Кавказ: Историческая память vs историческая политика // Былые годы. Российский исторический журнал. 2014. № 32 (2). С. 132–139; Pavlenko O.V. 1938/39 in Soviet and Russian Historiography and Historical Memory // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. 2018. № 1 (11). С. 41–55; Сабенникова И.В. Русская эмиграция и сохранение национальной памяти // История и архивы. 2019. № 3. С. 29–39.

³ Леонтьева О.Б. «Мемориальный поворот» в современной российской исторической науке // Диалог со временем. 2015. № 50. С. 59.

⁴ Миллер А.И., Малинова О.Ю., Ефременко Д.В. Политика памяти и историческая наука // Российская история. 2018. № 5. С. 128.

⁵ Малинова О.Ю. Коммеморация исторических событий как инструмент символической политики: Возможности сравнительного анализа // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и

социологии политики). 2017. № 4 (87). С. 17.

⁶ *Фадеев Р.А.* 60 лет Кавказской войны. Письма с Кавказа. Записки о кавказских делах. Москва, 2007. С. 145.

⁷ *Дегоев В.В.* Большая игра на Кавказе: история и современность: Статьи, очерки, эссе. 2-е изд. Москва, 2003. С. 54–116.

⁸ *Спенсер Э.* Описание поездок по Западному Кавказу, включая путешествие через Имеретию, Мингрелию, Турцию, Молдавию, Галицию, Силезию и Моравию. Нальчик, 2008. С. 9.

⁹ *Бэлл Дж.* Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837 – 1839 гг. В 2 т. Т. 1. Нальчик, 2007. С. 6.

¹⁰ Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ). Ф. 169. Карт. 96. Ед. хр. 44. Л. 1об.

¹¹ НИОР РГБ. Ф. 169. Карт. 96. Ед. хр. 44. Л. 1об.

¹² Там же. Л. 2.

¹³ НИОР РГБ. Ф. 169. Карт. 81. Ед. хр. 1. Л. 1–6.

¹⁴ *Милютин Д.А.* Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина: 1843 – 1856. Москва, 2000. С. 178.

¹⁵ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 401. Оп. 2. 1866 г. Д. 105. Л. 1–12.

¹⁶ *Дубровин Н.Ф.* История войны и владычества русских на Кавказе. В 6 т. Санкт-Петербург, 1871–1888.

¹⁷ Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 254. Оп. 2. Д. 216. Л. 2.

¹⁸ ГАКК. Ф. 254. Оп. 2. Д. 216. Л. 2.

¹⁹ *Потто В.А.* Памятники времен утверждения русского владычества на Кавказе. Вып. 1. Тифлис, 1906. С. II.

²⁰ *Казбек Г.Н.* История Грузинского гренадерского полка, в связи с историей Кавказской войны. Тифлис, 1865.

²¹ *Казбек Г.Н.* Курицы в Чечне и Дагестане: 1834 – 1861 г. Тифлис, 1885.

²² *Петров А.К.* История 83-го пехотного Самурского полка. Петровск, 1892.

²³ *Игнатович Д.Ю.* Боевая летопись 82-го пехотного Дагестанского полка во время Кавказской войны (1845 – 1861 гг.). Тифлис, 1897.

²⁴ *Ракович Д.В.* Тенгинский полк на Кавказе: 1819 – 1846. Тифлис, 1900.

²⁵ Приказы по Кавказскому военному округу за 1858 – 1917 гг. Тифлис, 1879. С. 1–2.

²⁶ *Зиссерман А.Л.* История 80-го пехотного Кабардинского полка (1726 – 1880). В 3 т. Санкт-Петербург, 1881.

²⁷ *Потто В.А.* История 44-го драгунского Нижегородского полка. В 10 т., 5 кн. Санкт-Петербург, 1892–1895.

²⁸ *Зиссерман А.Л.* История 80-го пехотного Кабардинского полка, (1726 – 1880). В 3 т. Т. 1. Санкт-Петербург, 1881. С. III.

²⁹ Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. В 12 т. Тифлис, 1866–1904.

³⁰ Кавказ (Тифлис). 1874. 8 сент.

³¹ *Парова Л.М.* Создание и деятельность Военно-исторического отдела штаба Кавказского военного округа // Военно-исторический журнал. 1988. № 5. С. 88.

³² Кавказский сборник. Т. 1–32. Тифлис, 1876–1912.

³³ *Колосовская Т.А.* «Кавказские сборники»: история и судьба археографического проекта // Вестник архивиста. 2019. № 3. С. 663–674.

³⁴ Кавказ (Тифлис). 1886. 21 апр.

³⁵ *Эсадзе Б.С.* Краткое описание Кавказского военно-исторического музея. Тифлис, 1899. С. 6–10.

³⁶ *Эсадзе Б.С.* Боевые подвиги кавказских войск: Альбом Картинной галереи Кавказского военно-исторического музея. Тифлис, 1899.

³⁷ *Эсадзе Б.С.* Краткое описание Кавказского военно-исторического музея. Тифлис, 1899. С. 10, 12.

³⁸ Путеводитель по Кавказскому военно-историческому музею. Тифлис, 1915.

³⁹ Путеводитель по Кавказскому военно-историческому музею. Тифлис, 1915. С. III.

⁴⁰ *Лавин В.В.* Кавказская война XVIII – XIX веков в исторической памяти // Россия XXI. 2007. № 6. С. 82–101.

⁴¹ Исторический очерк Кавказских войн от их начала до присоединения Грузии. Тифлис, 1899.

⁴² Исторический очерк Кавказских войн от их начала до присоединения Грузии. Тифлис, 1899. С. 2.

⁴³ Утверждение русского владычества на Кавказе: Программа. Тифлис, 1901.

⁴⁴ Утверждение русского владычества на Кавказе: К столетию присоединения Грузии к России: 1801 – 1901. Т. 1. Тифлис, 1901. С. 6.

⁴⁵ *Gobel D., Rossell D.* Introduction // Commemoration in America: Essays on Monuments, Memorialization, and Memory. Charlottesville, 2013. P. 6.

⁴⁶ *Upton D.* Why Do Contemporary Monuments Talk so Much? // Commemoration in America: Essays on Monuments, Memorialization, and Memory. Charlottesville, 2013. P. 22.

⁴⁷ *Потто В.А.* Памятники времен утверждения русского владычества на Кавказе. Вып. I, II. Тифлис, 1906–1909.

⁴⁸ *Gobel D., Rossell D.* Introduction // Commemoration in America: Essays on Monuments, Memorialization, and Memory. Charlottesville, 2013. P. 8.

⁴⁹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1284. Оп. 186. Д. 2. Л. 3.

⁵⁰ РГИА Ф. 1284. Оп. 188. Д. 122. Л. 3об.–4.

⁵¹ Там же.

⁵² Кавказ (Тифлис). 1890. 25 февр.

⁵³ *Зиссерман А.Л.* 25 лет на Кавказе. Т. 2. Санкт-Петербург, 1879. С. 3.

⁵⁴ *Gobel D., Rossell D.* Introduction // Commemoration in America: Essays on Monuments, Memorialization, and Memory. Charlottesville, 2013. P. 7.

⁵⁵ *Потто В.А.* Памятники времен утверждения русского владычества на Кавказе. Вып. I. Тифлис, 1906. С. 6–15.

- ⁵⁶ *Потто В.А.* Памятники времен утверждения русского владычества на Кавказе. Вып. I. Тифлис, 1906. С. 15.
- ⁵⁷ *Gobel D., Rossell D.* Introduction // *Commemoration in America: Essays on Monuments, Memorialization, and Memory.* Charlottesville, 2013. P. 9.
- ⁵⁸ *Gobel D., Rossell D.* Introduction // *Commemoration in America: Essays on Monuments, Memorialization, and Memory.* Charlottesville, 2013. P. 9.
- ⁵⁹ *Потто В.А.* Памятники времен утверждения русского владычества на Кавказе. Вып. I. Тифлис, 1906. С. 56.
- ⁶⁰ *Потто В.А.* История 44-го драгунского Нижегородского полка. Т. V. Санкт-Петербург, 1894. С. 1.
- ⁶¹ РГИА Ф.1284. Оп. 188. Д. 133. Л. 1–1об.
- ⁶² *Потто В.А.* Памятники времен утверждения русского владычества на Кавказе. Вып. II. Тифлис, 1909. С. 190.
- ⁶³ Открытие памятника в Тифлисе светлейшему князю Михаилу Семёновичу Воронцову. Тифлис, 1867. С. 22, 23.
- ⁶⁴ *Потто В.А.* Памятники времен утверждения русского владычества на Кавказе. Вып. I. Тифлис, 1906. С. 104–108, 109–124, 140–152.
- ⁶⁵ *Ткаченко Д.С.* Невоздвигнутый памятник П.Д. Цицианову: Имперская идея в мемориальной деятельности кавказской администрации во второй половине XIX – начале XX вв. // *Научная мысль Кавказа.* 2016. № 3 (87). С. 68–73.
- ⁶⁶ РГИА. Ф. 1284. Оп. 186. Д. 8. Л. 27.
- ⁶⁷ Путеводитель по Кавказскому военно-историческому музею. Тифлис, 1915. С. 160.
- ⁶⁸ *Upton D.* Why Do Contemporary Monuments Talk so Much? // *Commemoration in America: Essays on Monuments, Memorialization, and Memory.* Charlottesville, 2013. P. 23.
- ⁶⁹ Крепость Карс: Об открытии 6-го Ноября 1910 года памятника русским воинам, доблестно павшим при штурмах крепости Карс в 1828, 1855 и 1877 гг. Карс, 1910.
- ⁷⁰ *Потто В.А.* Памятники времен утверждения русского владычества на Кавказе. Вып. I. Тифлис, 1906. С. 134–137.
- ⁷¹ *Бобровский П.О.* История 13-го Лейб-гренадерского Эриванского полка за 250 лет. Ч. 3. Санкт-Петербург, 1893. С. 232, 233.
- ⁷² РГВИА. Ф. 401. Оп. 5. Д. 31. Л. 320.
- ⁷³ РГИА. Ф.1293. Оп. 169. Д. 2277. Л. 1.
- ⁷⁴ РГИА. Ф. 1293. Оп. 169. Д. 689«в». Л. 1.
- ⁷⁵ РГИА. Ф. 1284. Оп. 188. Д. 352. Л. 2об.
- ⁷⁶ *Потто В.А.* Памятники времен утверждения русского владычества на Кавказе. Вып. II. Тифлис, 1909. С. 3.
- ⁷⁷ *Щербина Ф.А.* Очерки борьбы русских с черкесами. Вып. 1. Екатеринодар, 1912. С. 9.
- ⁷⁸ *Gobel D., Rossell D.* Introduction // *Commemoration in America: Essays on Monuments, Memorialization, and Memory.* Charlottesville, 2013. P. 7.
- ⁷⁹ НИОР РГБ. Ф. 58. Карт. 57. Д. 3. Л. 43.
- ⁸⁰ НИОР РГБ. Ф. 58. Карт. 57. Д. 3. Л. 41об.

⁸¹ НИОР РГБ. Ф. 58. Карт. 57. Д. 3. Л. 41.

⁸² НИОР РГБ. Ф. 58. Карт. 57. Д. 3. Л. 46.

⁸³ *Gobel D., Rossell D.* Introduction // *Commemoration in America: Essays on Monuments, Memorialization, and Memory.* Charlottesville, 2013. P. 10.

⁸⁴ Клятвенное обещание: Разъяснение для нижних чинов. Санкт-Петербург, 1889. С. 5.

Авторы, аннотация, ключевые слова

Колосовская Татьяна Александровна – докт. ист. наук, профессор, Северо-Кавказский федеральный университет (Ставрополь)
kolosowskay@yandex.ru

Ткаченко Дмитрий Сергеевич – докт. ист. наук, профессор, Северо-Кавказский федеральный университет (Ставрополь)
tkdmsg@rambler.ru

В статье анализируется имперская политика памяти на Кавказе. В хронологических рамках XIX – начала XX вв. авторы впервые в отечественной историографии рассматривают процесс формирования официальной исторической концепции присоединения Кавказа к России, ее отражение в нарративных практиках и мемориальной деятельности имперских властей.

С методологических позиций *memory studies* показывается, что влияние на историческую память велось через составление исторических нарративов, публикацию архивных документов, создание музейных коллекций, строительство памятников, сохранение исторических зданий, памятных мест, частных или коллективных захоронений, а также проведение «актов коммеморации» – религиозных или общественных действий, приуроченных к годовщинам значимых событий. Эти формы проведения политики памяти наполнялись имперским пантеоном героев и историческими сюжетами, отражающими специфику установления российского владычества на Кавказе.

Авторы приходят к выводу о том, что действия официальных властей по формированию массового исторического сознания были нацелены на культивацию общеимперских ценностей: почитание российских императоров, силы российской власти и незыблемости имперских порядков. При этом выбор сюжетов для составления нарративов и монументальной пропаганды определялся сословной системой. Лишь отдельным социальным группам была предоставлена привилегия выражать свою историческую память. Данный подход неизбежно сужал целевую аудиторию имперской политики памяти и сводил ее к продвижению искусственного идеологического проекта, обреченного сойти с исторической арены как только прекратится его финансовая и идеологическая подпитка со стороны власти.

Самодержавие, Кавказская война, историческая память, коллективная

память, культурная память, историческая политика, политика памяти, мемориальный культ, исторический нарратив, памятник, архивное дело, музейное дело, коммеморация, Кавказ.

References (Articles from Scientific Journals)

1. Kolosovskaya, T.A. "Kavkazskiy sborniki": istoriya i sudba arkhograficheskogo proyekta ["Caucasian Collections": The History and Fate of the Archeographic Project.]. *Vestnik arkhivista*, 2019, no. 3, pp. 663–674. (In Russian)
2. Lapin, V.V. Kavkazskaya voyna XVIII – XIX vekov v istoricheskoy pamyati [The Caucasian War of the 18th – 19th Centuries in Historical Memory.]. *Rossiya XXI*, 2007, no. 6, pp. 82–101. (In Russian)
3. Leontyeva, O.B. "Memorialnyy povorot" v sovremennoy rossiyskoy istoricheskoy nauke [The "Memorial Turn" in Contemporary Russian Historical Science.]. *Dialog so vremenem*, 2015, no. 50, pp. 59–96. (In Russian)
4. Malinova, O.Yu. Kommemoratsiya istoricheskikh sobytiy kak instrument simvolicheskoy politiki: Vozmozhnosti sravnitel'nogo analiza [The Commemoration of Historical Events as a Tool of Symbolic Politics: Opportunities for Comparative Analysis.]. *Politiya: Analiz. Khronika. Prognoz (Zhurnal politicheskoy filosofii i sotsiologii politiki)*, 2017, no. 4 (87), pp. 6–22. (In Russian)
5. Miller, A.I.; Malinova, O.Yu.; Efremenko, D.V. Politika pamyati i istoricheskaya nauka [The Politics of Memory and Historical Science.]. *Rossiyskaya istoriya*, 2018, no. 5, pp. 128–140. (In Russian)
6. Parova, L.M. Sozdaniye i deyatelnost' Voyenno-istoricheskogo otdela shtaba Kavkazskogo voyennogo okruga [The Creation and Activity of the Military-Historical Department of the Caucasus Military District Headquarters.]. *Voyenno-istoricheskij zhurnal*, 1988, no. 5, pp. 87–91. (In Russian)
7. Pavlenko O.V. 1938/39 in Soviet and Russian Historiography and Historical Memory. *Vestnik RGGU. Seriya: Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnyye otnosheniya. Zarubezhnoye regionovedeniye. Vostokovedeniye*, 2018, no. 1 (11), pp. 41–55. (In English)
8. Repina, L.P. Istoriicheskaya pamyat i sovremennaya istoriografiya [Historical Memory and Contemporary Historiography.]. *Novaya i noveyshaya istoriya*, 2004, no. 5, pp. 39–51. (In Russian)
9. Sabennikova, I.V. Russkaya emigratsiya i sokhraneniye natsionalnoy pamyati [Russian Emigration and the Preservation of National Memory.]. *Istoriya i arkhiv*, 2019, no. 3, pp. 29–39. (In Russian)
10. Shadzhe, A.Yu.; Khut, L.R.; Kukva, E.S. Rossiyskiy Severnyy Kavkaz: Istoriicheskaya pamyat vs istoricheskaya politika [Russian North Caucasus: Historical Memory vs Historical Policy.]. *Bylyye gody. Rossiyskiy istoricheskij zhurnal*, 2014, no. 32 (2), pp. 132–139. (In Russian)
11. Tkachenko, D.S. Nevozdvignutyy pamyatnik P.D. Tsitsianovu: Imperiskaya ideya v memorialnoy deyatelnosti kavkazskoy administratsii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vv. [The Un-Erected Monument to Pavel D. Tsitsianov: The Imperial Idea in the Memorial Activity of the Caucasus Administration in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries.]. *Nauchnaya mysl Kavkaza*, 2016, no. 3 (87), pp. 68–73. (In Russian)

(Essays, Articles, and Papers from Books, Proceedings, and Research Collections)

12. Gobel, D.; Rossell, D. Introduction. *Commemoration in America: Essays on Monuments, Memorialization, and Memory* / Ed. by D. Gobel, D. Rossell. Charlottesville: University of Virginia Press, 2013. P. 2–9. (In English)
13. Upton, D. Why Do Contemporary Monuments Talk so Much? *Commemoration in America: Essays on Monuments, Memorialization, and Memory* / Ed. by D. Gobel, D. Rossell. Charlottesville: University of Virginia Press, 2013. P. 11–35. (In English)

(Monographs)

14. Degoyev, V.V. Bolshaya igra na Kavkaze: istoriya i sovremennost' [The Great Game in the Caucasus: History and the Present.]. 2-nd ed. Moscow, 2003, 512 p. (In Russian)
15. Matsuda, M.K. The Memory of the Modern. Oxford: Oxford University Press, 1996, 255 p. (In English)
16. Svyatoslavskiy, A.V. Istoriya Rossii v zerkale pamyati: Mekhanizmy formirovaniya istoricheskikh obrazov [Russian History in the Mirror of Memory: Mechanisms for Forming Historical Images.]. Moscow, 2013, 588 p. (In Russian)
17. Terdiman, R. Present Past: Modernity and the Memory Crisis. Ithaca (NY): Cornell University Press, 1993, 389 p. (In English)

Authors, Abstract, Key words

Tatyana A. Kolosovskaya – Doctor of History, Professor, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia)
kolosovskay@yandex.ru

Dmitriy S. Tkachenko – Doctor of History, Professor, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia)
tkdmsg@rambler.ru

The article examines the imperial politics of memory in the Caucasus. The authors for the first time in Russian historiography research into how the official historical concept of the accession of the Caucasus to Russia was formed within the time frame of the 19th and early 20th centuries, as well as its manifestation in narrative practices and memorial activities initiated by imperial authorities.

Through the methodology of memory studies it is demonstrated that historical memory was affected by historical narratives, archival documents, museum

collections, monuments, historical buildings and sights kept intact, private and collective burial grounds as well as “commemoration acts”, i.e. religious and public events related to significant dates. These forms of memory politics were filled up with heroes from the imperial pantheon and historical plots describing details of Russian rule in the Caucasus

The authors arrive at the conclusion that the actions of official authorities responsible for forming mass historical consciousness were aimed at cultivating imperial values, such as honouring the sovereigns, strong Russian power and indestructible imperial order. Moreover, an entitlement to select plots for the narratives were based on class preferences. The privilege to manifest their historical memory was granted to but a few social groups. This approach inevitably narrowed the target audience for imperial politics of memory and reduced it to an artificial ideological project which was doomed to quit the historical arena as soon as its financial and ideological support stops coming from the imperial power.

Russian autocracy, Caucasian war, historical memory, collective memory, cultural memory, politics of history (politics of the past), politics of memory, memorial cult, historical narrative, monument, archival affairs, museum affairs, commemoration, Caucasus.

Научное издание

Новый исторический вестник

Младший редактор Я.В. Юркина
Компьютерная верстка А.В. Надточенко

Лицензия ИД № 00843 от 25.01.2000
Свидетельство о регистрации СМИ № 77-7347
от 19 февраля 2001 г.
Подписано в печать 13.06.2020
Формат 60x90/16
Гарнитура Times New Roman
Печать офсетная. Усл. печ. л. 11
Тираж 1 500 экз.

Издательство Ипполитова
117513, Москва, Ленинский пр-т, д. 135, корп. 2
Телефон (495) 970-72-63
E-mail nivestnik@yandex.ru
Сайт www.nivestnik.ru